

Ольга Куно

Семь ключей от зазеркалья

Глава 1. Незванные гости

Видавшее виды кресло-качалка мерно поскрипывало в такт моим неспешным движениям. Я перелистнула страницу, предварительно скептически хмыкнув. Автор сего научного труда, конечно, неплохо разобрался в теневой магии, но излишне увлёкся метафорами, и потому выражался порой чересчур витиевато. А ведь исследовательская работа — это вам не сентиментальный роман, тут важна точность определений. В очередной раз убедившись в несовершенстве вселенной, я продолжила скользить взглядом по рунной вязи.

В камине тихонько потрескивал огонь. Не магический: я не наделена способностью работать со стихиями. Зато растопить очаг вполне в состоянии. Равно как и набрать для этой цели хвороста, либо, в случае надобности, наколоть дров. Дотьё, моей единственной служанке, это в силу почтенного возраста тяжело, а мне несложно. Я даже колдовство для этой цели не использую... почти.

Деревянная кукушка высунулась из старинных настенных часов, издала пару невнятных звуков, и поспешила спрятаться обратно в свой потайной домик под моим мрачным взглядом. Давно пора её оттуда выковырять, чтобы не отвлекала. Монотонно тикающего механизма вполне достаточно, а ежечасно напоминать мне о времени совершенно не нужно. Когда потребуется, я сама посмотрю. А требуется редко. Думаю, я бы и о течении суток давно позабыла, если бы день за окном не сменялся ночью и наоборот.

Запрокинула голову, стремясь размять шею, и взгляд случайно коснулся белёсой, как туман, паутины в углу под потолком. Да нет, жилище у меня, может, и не сверкает белизной, но вполне чистое, а это... Леню добираться, уж больно высоко. К тому же мне жаль паука: зачем жестоко лишать его любовно обустроенного дома? Только ради того, чтобы какой-нибудь случайный гость (каковых здесь, к слову, и не бывает) не покосился на хозяйку с неодобрением? Так мне до его неодобрения дела нет, а пауку и подавно. А посему пускай живёт себе спокойно и не ведает неприятностей.

Я собралась было возвратиться к чтению, прикидывая, какую забавную формулировку припас автор на очередной странице, как вдруг, высокое прямоугольное зеркало на стене напротив, дрогнуло, будто подёрнулось рябью. Давно установленная система оповещения давала сигнал: кто-то приближался к границам моих владений. Ещё не вторгся на мою территорию, но определённо собирался сделать это в ближайшее время.

— Занятно, — пробормотала я, ставя ноги на пол и прерывая тем самым раскачивание кресла. — Похоже, у нас гости. Поможешь?

— Конеш-ш-шно, — прошелестело рядом.

Едва заметная, размазанная тень с зелёным отливом скользнула к стеклу.

Сосредоточившись, я немного изменила направление, в котором было развёрнуто зеркало. Нет, сам предмет не трогала, работала исключительно с внутренней его частью. Мой помощник позволил без труда сориентироваться, подобрав нужный угол. Затем я стала отодвигать зону охвата...

Каменная комната, обустроенная под деревянную, благодаря паркету и стенной обивке, вскоре исчезла. Гладкая поверхность отразила широкую дорогу, по которой быстро продвигалась карета, запряжённая четвёркой вороных. Воин на крупном гнедом коне старался держаться с ней вровень и мрачно глядел вперёд, словно ожидал неприятностей в любую секунду. На обычного стражника не похож, хотя черты лица простоваты, да и рыжие волосы — не самая характерная для аристократов черта. Но уж больно ровно держится в седле, слишком явно читается в глазах, несмотря на тревожность, то ли высокомерие, то ли просто чувство собственного достоинства — пойдёшь разбери. В воздухе клубами тумана витала дорожная пыль, и лишь малая её толика поднималась из-под колёс и копыт. Главной причиной был ветер, он всегда очень сильный в этих краях... Быть может, потому я здесь и поселилась.

Люблю ветер. Холодный промозглый, горячий пустынный, лёгкий, едва касающийся кожи, ураганный, сбивающий с ног... Любой. Первое время полтора года назад я подолгу могла стоять, просто подставив лицо ветру. Движение есть жизнь, движение же воздуха — это жизнь самого мира... Но я отвлеклась.

Возница погодные условия явно не оценил, повыше поднял воротник, натянул на самые уши шапочку. Этот и правда был похож на слугу, в отличие от всадника. Решив, что снаружи я увидела достаточно, я направила зеркало внутрь кареты. Экипаж добротный, принадлежит богатому человеку, но никаких опознавательных знаков вроде герба ни здесь, ни снаружи не было. Удобная мягкая обивка на скамьях и даже на стенках. Друг напротив друга сидят двое. Один постарше, лет пятьдесят-шестьдесят. Чёрные волосы с проседью не прямые, но и не кудрявые, слегка завиваются, спускаясь к плечам. На лбу, а также вокруг глаз и у уголков рта, пролегли морщины. Одежда

навроде кареты: богатая, но обезличенная. Поза выдаёт напряжённость. Второй ощутимо моложе и весьма похож на сопровождающего карету всадника, если не считать тонкую короткую бородку: рыжеволосый, высокий, одетый по-военному, и выглядящий аристократично. Впечатление складывается такое, будто эти двое обеспечивают охрану того, что постарше, каждый со своей позиции.

Я слегка шевельнула пальцами — и отражение в зеркале почти сразу же стало прежним: паркет, камин, кресло-качалка, и — на самом его краю — моя скромная персона.

— Ну что ж, поздравляю тебя, Хаш, — побарабанив кончиками пальцев по подлокотнику, объявила я. — К нам едет с визитом сам король Эльмирры.

— Для тебя это опас-с-сно? — спросил мой помощник, юркнув во флягу с портвейном — его любимое место в часы спокойствия.

— Нет, — покачала головой я. — Не сиюминутно. Если бы меня хотели арестовать, прислали бы отряд, и обязательно мага. А среди этих троих магов нет. Да и не станет король лично заниматься поимкой беглых преступников. Нет, тут что-то другое. Хотя хорошего ожидать всё равно не стоит.

— Где будеш-ш-шь их принимать?

К этому моменту я уже успела подняться на ноги и без особого сожаления отбросить томик на кресло.

— В зеркальном зале.

Дверь скрипнула прежде, чем захлопнуться за моей спиной. Надо бы смазать, да всё как-то лень.

Громкий стук (кто-то из троих явно не пожалел костяшек) возвестил о том, что незваные гости добрались наконец до моего жилища. Дотья, забувнив себе под нос, что вот принесла, дескать, нелёгкая, прошаркала открывать. Я наблюдала за происходящим посредством простенького круглого зеркала, висевшего недалеко от входа и не привлекавшего к себе внимания.

— Кто такие будете?

В голосе служанки не было ни грамма приветливости, что полностью меня устраивало. Я не желала гостей с самого первого дня, когда здесь поселилась. Так что этим стоило бы сказать спасибо, что их хотя бы пустили на порог.

— Мы разыскиваем Йоланду Блэр, магистра зеркальных глубин третьей ступени, — требовательно заявил молодой бородатый мужчина вместо того, чтобы представиться. — Здесь она живёт?

Старая женщина нетерпеливо пожала плечами.

— Здесь живёт моя хозяйка, — сухо отозвалась она. — А о глубинах да ступенях мне неведомо.

— Она могла назваться любым именем, — заметил второй рыжеволосый страж, обращаясь к своим спутникам.

— Нам нужно поговорить с твоей хозяйкой, — продолжил переговоры первый.

— Не принимает она.

Уголок моих губ одобрительно дёрнулся: всё правильно. Дотья говорит так, как я учила.

— И всё-таки, почтеннейшая, передайте ей о нашем визите.

Что ж, если лично король просит о встрече, как я могу отказать?

— Дотья, проводи господ в зеркальный зал, — распорядилась я.

Визитёры тревожно вскинули головы и принялись озираться по сторонам: им было непонятно, откуда исходит мой голос. Конечно, этот трюк — вещание через зеркало, — чистой воды показуха, и прежде я бы побрезговала прибегать к подобным средствам. Но сейчас изящество выбранного метода мало меня заботило, значение имела исключительно действенность. В сущности, эти трое не впервые столкнулись с магом и могли догадаться, что за фокус я использую, но неожиданность в сочетании с нервным напряжением дали хороший результат.

— Как скажете, госпожа.

Дотья, единственная, кого нисколько не удивил доносящийся «из ниоткуда» голос, закрыла дверь, приняла у мужчин плащи и двинулась вперёд, указывая дорогу.

Комната, в которой я их приняла, была, против обыкновения, не прямоугольной или квадратной, а имела форму гексагона. На каждой из шести стен висело по зеркалу, что создавало впечатление, будто посетитель находится в центре лабиринта отражений. Отчасти тоже своего рода пижонство. Почти всё, что можно сотворить при помощи шести зеркал, вполне реально проделать и с одним. И всё же для некоторых видов колдовства такая множественность была удобна, к тому же в случае побега так значительно легче запутать следы. Преследователь, каким бы сильным магом он ни был, не более чем человек, и потому подвластен власти оптических иллюзий.

Я сидела на стуле с узкими подлокотниками, чем-то напоминающем трон. Должно быть, за счёт высокой внушительной спинки, в придачу расширяющейся кверху. Возможно, гостям такое поведение и не понравится, но это уже их сложности. Зато мой посыл будет предельно ясен: здесь я сама себе госпожа и не преклоняюсь ни перед чьей властью.

Дотья покинула зал, едва мужчины оказались внутри. Собственно, она даже не заходила: распахнула дверь, пропуская визитёров, после чего аккуратно закрыла её с той стороны. Мы остались вчетвером. Если, конечно, не считать многочисленных отражений, благодаря которым могло сложиться впечатление, что нас здесь — целая армия. Но я давно привыкла абстрагироваться от подобных вещей, а если гости не обладали таким умением, что ж, им же хуже. Значит, они будут чувствовать себя менее комфортно, а это в моих интересах.

Немного поколебавшись, я всё-таки решила подняться на ноги. Негоже не уделить монарху хоть немного уважения, уж коли он счёл возможным — и даже необходимым — лично забраться в такую глушь. Колени, однако же, преклонять не стала.

— Король Эдбальд, милостью богов правитель Эльмирры! Приветствую вас в своём доме.

Я указала посетителям на стулья, расположенные напротив моего и на приличном от него расстоянии, после чего вновь опустилась на сидение. На мой взгляд, политесов было довольно. Спутники его величества полагали иначе, это явственно читалось в их взглядах. Спектр эмоций колебался от неодобрения к враждебности. Более точно в своих чувствах молодые люди, похоже, ещё не определились. Зато король остался вполне спокоен, хотя это могло быть признаком как внутренней уравновешенности, так и умения держать лицо. Впрочем, для монарха оба качества неплохи. Так или иначе, он принял приглашение, в то время как его сопровождающие продолжили стоять. Что ж, если не желают дать отдых ногам, их право. Возможно, им так положено по нынешнему статусу.

— Здравствуй, Йоланда. Вижу, ты меня узнала.

— В прежние дни мы неоднократно встречались, а я не жалею о плохой памяти.

Желай он сохранить инкогнито, я бы, возможно, и не спешила с приветствием. Но массивная золотая цепь, королевская регалия, обнаружившаяся под бесформенным плащом, свидетельствовала об обратном.

Тихонько звякнула кольчуга, когда один из рыжеволосых переступил с ноги на ногу. То ли никак не мог смириться с манерой моего поведения, то ли просто испытывал физический дискомфорт. «А нечего было пренебрегать предложенными стульями», — мстительно подумала я. Тяжёлые палаши, висевшие на поясах стражей, наверняка не добавляли удобства, но и не способствовали пробуждению во мне сочувствия к их обладателям.

Взгляд выхватил моё собственное отражение в одном из зеркал. Одевание, совершенно не подобающее с точки зрения моих гостей. Мягкие мужские брюки цвета яичного желтка, коричневая рубашка, тоже мало чем отличающаяся от мужской, широкий кожаный ремень и светлый жилет из козьей шерсти. Камин каминами, но не весь дом прогревается одинаково хорошо. Бледное лицо без всякого макияжа, отчего я, должно быть, выгляжу старше, чем могла бы. Плевать. Двадцать восемь или тридцать пять, какая разница? Каштановые волосы лежат вполне послушно, но о замысловатой причёске речи не идёт. Женщины при дворе выглядят иначе, но я давненько не бывала при дворе и совершенно туда не стремлюсь.

— Ты сильно изменилась.

Я с удивлением воззрилась на монарха; маска равнодушия, избранная для разговора, на миг слетела с моего лица. Зачем он это сказал? Просто поддержал беседу, имея в виду, что у него тоже хорошая память? Даже если и так, хотелось плюнуть ему в лицо. Изменилась? Ещё бы. Вашими стараниями, ваше величество. Кто, интересно знать, не изменился бы на моём месте?

Он словно почувствовал, что сказал что-то не то, и поспешил сгладить впечатление.

— Я пришёл, чтобы просить тебя о помощи.

— О помощи?

Я расхохоталась, и, хотя зеркала не усиливают эхо, казалось, отголоски моего смеха прокатились по всем бессчётным отражениям торжественного зала. На лице Эдбальда не дрогнул ни один мускул. Возможно, он был готов именно к такой реакции.

— Ты, король Эльмирры, пришёл за помощью ко мне, беглой преступнице, осуждённой на пожизненное заключение за государственную измену?

Один из рыжеволосых поджал губы, и я поняла: его крайне смущает то, что я сейчас озвучила. Однако приказы правителя не обсуждаются, и приходилось терпеть.

Зато самого короля моя формулировка не смутила.

— Я не вполне уверен, что приговор был справедливым, — только и уточнил он.

— Очень своевременное замечание, — ядовито процедила я.

— И да, я пришёл, чтобы нанять тебя для исполнения важнейшего задания, — проигнорировал моё замечание Эдбальд.

— Невзирая даже на мой побег из тюрьмы?

— Именно благодаря этому побегу. Лучшие дворцовые маги приложили максимум усилий, зачаровывая место твоего заточения. Использовали имевшиеся у них знания и мастерство. А ты всё равно сумела сбежать. Стало быть, ты сильнее их, или умнее. Ты обладаешь поистине бесценным даром. И, следовательно, мне нужна именно ты.

Какое-то время я глядела на короля, будто он был экспонатом из музея восковых фигур. Сама, впрочем, от удивления застыла так, словно меня выставляли на соседнем стенде.

— Это неожиданное предложение, — признала я наконец. — Но мой ответ: нет.

— Ты даже не знаешь, в чём заключается задача.

Эдбальда, похоже, мой отказ не слишком впечатлил. Как видно, пока я вела себя более предсказуемо, чем его величество.

— Именно поэтому не хочу затягивать. — Может, я и предсказуема, зато непреклонна. — Не сомневаюсь, что дело, с которым вы пришли, секретное. А я не желаю быть посвящённой в государственные тайны.

— А если ты изменишь мнение, узнав, в чём суть?

— Не изменю. — Я поняла, что невольно приняла слишком напряжённую позу, и откинулась на спинку стула. Но говорить продолжила жёстко. — Неважно, о чём пойдёт речь. Я не желаю иметь ничего общего с королевским двором, с Эльмиррой и с человеческим обществом в целом. Я живу отшельницей, мне это нравится, и я ничего не собираюсь менять в своей жизни.

Я с вызовом взглянула Эдбальду прямо в глаза, силясь понять, в полной ли мере он осознал смысл моих слов. Но получила ответ с другой стороны.

— Вы забываете о том, что перед вами король, а вы — осуждённая преступница. — Лицо безбородого стражника пылало гневом. — Не бойтесь, что вас попросту закуют в кандалы и возвратят в тюрьму, где вам самое место?

На моём лице заиграла почти ласковая, но очень злая улыбка. Я медленно повернула голову, чтобы встретиться взглядом с рыжеволосым наглецом.

— Не боюсь, — обманчиво мягко сообщила я, крепко сжав пальцами хрупкие подлокотники. — Как справедливо заметил его величество, — стоило как бы невзначай напомнить этому типу, что он вмешивается в чужую беседу, — я уже бежала из острога, несмотря на все старания ваших лучших магов. Сделала это один раз — сделаю и другой. Конечно, этому будет предшествовать не самый приятный промежуток времени. Но после трёх лет заключения в одиночной камере это — сущая ерунда.

— На сей раз маги могут поработать лучше, с учётом прошлых ошибок, — склонившись в мою сторону, процедила страж.

— Это ничего не даст. Они и в прошлый раз поработали на совесть. Найти решение было сложно, и

на это потребовались годы. Но теперь, когда я его нашла, меня не остановить. Можете поверить мне на слово. Можете и не верить, дело ваше, но факт остаётся фактом: долго удержать меня взаперти не выйдет. Другое дело, что меня вполне реально убить. Магия никого не делает всесильным. Можно вогнать мне между рёбер арбалетный болт, отделить голову от туловища при помощи гильотины или даже вздёрнуть на виселице, хотя последний вид наказания обычно применяется к преступникам попоше. Но видите ли в чём беда: я не так уж сильно боюсь смерти. До определённой степени боюсь, конечно: я достаточно молода и хочу воспользоваться годами, которые отпущены мне судьбой. Но, говоря откровенно, моя жизнь не настолько хороша, чтобы цепляться за неё всеми правдами и неправдами. И точно не настолько, чтобы выкупать её ценой своей свободы. Буду ещё более откровенна, хоть вы того и не заслужили: длительного тюремного заключения я боюсь намного больше, чем смерти. Но вот загвоздка: если второе вы мне обеспечить можете, то первое — нет.

Я удовлетворённо сложила руки на груди, дескать, парируйте теперь, если сумеете. Добавлять, что просто так на заклятие не пойду и, если придётся, жизнь свою продам дорого, не стала: надеюсь, всем троим хватает ума, чтобы это понимать.

— Подожди, э... — Король запнулся, не зная, как обратиться к своему стражу. Это меня несколько не удивило. — В мои планы вовсе не входило запугивать тебя, Йоланда. Напротив, как я уже говорил, я хочу тебя нанять. То есть предоставить достойное вознаграждение за твои труды. Чего ты хочешь? Назови любую сумму — ты её получишь.

Любую? Это было, мягко говоря, неосторожное заявление для монарха. Эдбальд не переставлял удивлять. Впрочем, у меня не возникло ни малейшего желания воспользоваться его опрометчивостью.

— Мне не нужны деньги, — коротко и, надеюсь, доходчиво сообщила я.

На сей раз заметно отреагировал второй сопровождающий, обладатель тонкой рыжей бородки. Недоверчиво скривился, явно ни на грош не веря моим словам.

— Значит, не деньги, — откликнулся король. — Что тогда? Поместье? Титул? Место придворного мага? Оно у тебя уже было, и я готов его вернуть. Или, может быть, ты предпочитаешь исследования? — Он бросил пронизательный взгляд на книги, которые в этом зале тоже имелись. — Могу устроить тебя деканом факультета зеркальных глубин в Институте магии и стихий.

«Всего лишь деканом? — подумалось мне с сарказмом. — Отчего же сразу не ректором? Если такие вопросы решают не профессиональные качества, а высочайшее решение?»

— Большого предложить пока не могу. — Эдбальд словно прочитал мои мысли, правда, без присутствовавшей в них иронии. — Ректор выбирается исключительно из сотрудников института. Но если пожелаешь, сможешь продвинуться по карьерной лестнице очень быстро, я посодействую. Как видишь, я говорю с тобой откровенно и обещаю только то, что могу — и намереваюсь — осуществить.

— Это невероятно щедрые предложения, ваше величество, — искренне ответила я. — Но должности нужны мне не больше денег.

— Дом на морском побережье, вдали от людей? — тут же скорректировал предложение Эдбальд.

Молодец: умеет быстро оценивать ситуацию и неплохо меня прочитал. Хотя и не идеально. Иначе бы понял, что я не соглашусь ни на какую подачку.

— Насколько мне известно, границы Эльмирры не омываются морями. Неужели что-то столь сильно изменилось за время моего отсутствия? — изумилась я.

— Кроме Эльмирры есть и другие страны, — передёрнул плечами король, давая понять, что я упомянула совсем уж несущественную деталь. — Договориться с соседями о такой малости — не проблема. Но вижу по лицу, что тебя не устраивает и это.

— Мне крайне неловко отбирать у вас столько времени, ваше величество. Но я ведь сразу дала свой ответ.

— Мы ещё не предложили главного, — с ухмылкой вмешался в разговор бородатый. — Хорошего мужа и детишек. Может быть, именно это растопит холодное сердце госпожи мага?

— Мужа — допустим, а детишек тоже вы станете обеспечивать? — поинтересовалась я из чисто теоретического любопытства.

— А что, я могу, — усмехнулся рыжий. — С женьбой, правда, не выйдет, а всё остальное — с лёгкостью.

— Помолчи! — резко оборвал Эдбальд. И, глядя мне в глаза, отчеканил: — Разумеется, полная амнистия.

Это, конечно, было ценно. Намного ценнее всего перечисленного прежде. Просто потому, что давало мне спокойствие. Не придётся ожидать, что меня в любую минуту найдут и вторгнутся в относительно отлаженную жизнь, как вот сейчас, а то и с гораздо большими потерями. Королевское слово не то чтобы нерушимо... Но нарушается лишь в случае крайней необходимости. Иными словами, если синоду магов потребуется козёл отпущения, обо мне вполне могут вспомнить снова... Нет, не пойдёт.

— Это очень заманчивое предложение, — произнесла я вслух. — Однако, как видите, я неплохо обхожусь и без амнистии.

— Мы напрасно теряем время. — Видимо, выдержка безбородого стража достигла предела. — Простите, ваше величество, но мы пришли не к тому человеку. Мир под угрозой уничтожения, а она ведёт торг!

Признаюсь, его слова произвели на меня впечатление. Такое, что я даже не стала указывать на элементарную ошибку: торговался в данном случае король, я же всего лишь стремилась поскорее закончить переговоры. Но теперь сказанное меня всё-таки зацепило.

— Угроза уничтожения? — переспросила я. — Это любопытно.

— «Любопытно!» — тоном, полным презрения, передразнил безбородый.

Но мне до его презрения не было никакого дела, а Эдбальд, кажется, и вовсе пропустил последний комментарий мимо ушей: слишком важной для него стала моя заинтересованность.

— Значит, ты всё-таки готова послушать?

Я застыла, напряжённо думая. Не следовало, ох не следовало идти на поводу у эмоций. Что-то подсказывало: получу информацию — и выйти безучастной уже не смогу. Но, волей или неволей, рыжеволосый меня заинтриговал, и я решила, что готова рискнуть.

— Да, — лаконично ответила я, и тут же поспешила добавить: — Но окончательный ответ я дам только после того, как узнаю, о чём идёт речь.

— Иного я и не ожидал, — ответил король, а я подумала, что последний обмен репликами совершенно бессмысленен.

Никто не позволит мне сорваться с крючка после того, как я узнаю правду. Но угроза существованию мира — если, конечно, это не выдумка, — достаточно весомый повод для небольшого личного риска.

— Полагаю, ты слышала про Первозданное зеркало? — осведомился Эдбальд.

— Безусловно, — кивнула я.

— Что именно тебе о нём известно?

То ли пытается заставить меня почувствовать себя причастной, втянув в разговор, то ли не хочет сболтнуть лишнего, случайно поведать что-то, чего я не знаю.

— Магическое зеркало, позволяющее мгновенное перемещение на самый глубокий, четвёртый, уровень зазеркалья, — не стала упираться я. — Только магу соответствующих способностей и специализации, разумеется. Для всех остальных оно — просто обычный кусок стекла.

— И ты представляешь себе, какие возможности открывает перед волшебником такой артефакт?

— С-с-слиш-ш-шжом больш-ш-шие, — высунув голову из своего убежища, прошипел Хаш.

Его появление возымело потрясающий эффект. Один стражник выхватил из ножен меч, второй отшатнулся, кажется, готовый бежать со всех ног, и даже Эдбальд чуть не упал со стула.

— К-кто это? — нервно сглотнув, осведомился он.

— Это Хаш. Зелёный змий, — представила я. — Хаш, это Эдбальд, король Эльмирры.

— Не с-с-скаж-ж-жу, ш-ш-што рад з-з-знакомс-с-ству, — заявил мой приятель. — А ты закрой пас-с-сть, не то прос-с-студиш-ш-шься, — посоветовал он ошалевшему безбородому, действительно стоявшему с распахнутым ртом.

— Не дерзи, — напомнила о хороших манерах я, впрочем, без особого рвения.

Приятно, когда тебя поддерживают. Особенно, если жизнь не слишком-то баловала тебя таким явлением.

— Змий? — переспросил монарх, благоразумно закрывая глаза на невежливость одного.

— Ну, не совсем, конечно, — уклончиво отозвалась я. — Скажем так: он принадлежит миру зазеркалья. Но в данный момент предпочитает моё общество. И флягу с портвейном, разумеется.

Уточнять, почему «разумеется», никто не стал. А Хаш, напоследок продемонстрировав визитёрам длинный раздвоенный язык (тоже чистой воды показуха, не рептилия же он, на самом деле), скрылся в сосуде, громко булькнув золотисто-коричневой жидкостью.

— Кстати, портвейна не желаете?

Нельзя же вовсе забывать о законах гостеприимства! Но гости широту моего жеста не оценили и замотали головами так отчаянно, что я поняла: портвейн они не станут пить не только сейчас, но и, по-видимому, всю свою оставшуюся жизнь.

— Так о чём мы говорили? — светским тоном спросила я.

Эдбальд, сглотнув, поднял на меня тяжёлый взгляд.

— О тех возможностях, какие открывают магу зеркала.

— Как известно, наш дар позволяет воздействовать на мир косвенным образом. — Я решила компенсировать страх, который вызвало в гостях явление Хаша, подробным ответом. — Предмет неразрывно связан со своим отражением и с тенью, которую он отбрасывает. Его свойства определяют форму, размер, очертания, а в случае с зеркалом и цвет. Разумеется, в сочетании с другими факторами, такими, как освещение и форма поверхности. В своей работе маг должен учитывать все нюансы, вплоть до самых крохотных деталей. Но суть сводится к одному: меняя отражение, мы меняем оригинал. Грубо говоря, кошка не может, поглядевшись в зеркало, увидеть там собаку. Если мы переделаем отражение так, чтобы оно получило свойства собаки, то природа исправит получившееся несоответствие. И тогда в реальном мире кошка превратится в пса.

— И какую роль играет в этой истории глубина?

Король впился в меня взглядом так, словно ожидал, что сейчас я раскрою ему невероятную тайну, а не сообщу то, что давным-давно известно каждому студенту.

— Вообще-то уровни отличаются один от другого самыми разными свойствами, — уклончиво ответила я. — Но, в общих чертах, чем глубже погружается маг, тем более радикально он может воздействовать на реальность. Я привела пример с кошкой и собакой для наглядности, но в действительности проделать подобное очень сложно. И на первом уровне никак не удастся. Тут можно скорее...подправить рост или изменить цвет волос. Стереть морщины. Чем и занимаются в зеркальных салонах красоты. Для серьёзного воздействия нужно опуститься глубже, на второй или даже третий уровень. Правда, работа там — намного более тяжёлая, и способен на неё далеко не каждый. Тут требуется дар выше среднестатистического и соответствующее образование.

— А что ты можешь сказать о четвёртом уровне? — спросил Эдбальд, наконец подводя меня в главное.

— Четвёртый уровень даёт магу неограниченные возможности, — проговорила я, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Но проникнуть туда, насколько мне известно, можно только через Первозданное зеркало. Вы же не хотите сказать, что его похитили?

— Пока нет, — покачал головой король. Такой ответ внушал оптимизм, но и чувство тревоги тоже. Смущало слово «пока». — Но давай вернёмся к моему вопросу. Что ещё тебе известно об этом артефакте?

— «Первозданное» — не совсем точное слово, хотя название получилось красивое, — отозвалась я, краем глаза отмечая, сколь внимательно прислушиваются к моим словам рыжеволосые. Может, денег с них стребовать за незапланированную лекцию?.. — Зеркала существовали задолго до его появления. Но оно стало особенным, первым в своём роде и, как впоследствии оказалось, единственным. Его создали величайшие мастера древности, но, помимо людей, руку приложила природа. Совпало много факторов: лунное затмение, возмущения магнитного поля земли, необычная вулканическая активность. Словом, повторить научный прорыв так никому и не удалось. Вероятно, оно и к лучшему — учитывая то могущество, которое артефакт даёт посвящённым.

— К лучшему — несомненно, — для разнообразия согласился со мной безбородый. — Но почему и

этот, единственный, экземпляр не уничтожили? Слишком опасная вещь и слишком большое искушение для некоторых.

Эдбальд поморщился: кажется, спор на эту тему начинался не впервые.

— Любую силу можно использовать как во вред, так и во благо, — объяснила я, хотя до таких простых истин собеседнику следовало бы дойти своим умом. — В человеческих руках, между прочим, можно держать смертоносный меч, да и ногой можно пнуть так, что мало не покажется. Особенно если с размаху и по почкам. Это кстати очень больно. Вам никогда не доводилось через такое проходить? Я так и думала, что не доводилось. Так вот, что теперь прикажете, поотрубать людям все конечности? Тогда и про головы не забудьте: вот уж где рождаются самые страшные замыслы. А если не хотите — тогда и с артефактами извольте поосторожнее. Первозданное зеркало используют, когда человечеству грозит большая беда. Шестьсот лет назад придворный маг Антоний Лизарский предотвратил с его помощью страшный потоп. Выставил стену, которая не позволила огромной волне накрыть треть континента. А ещё за триста лет до этого несколькими членами синода удалось совместными усилиями остановить извержение вулкана, которое должно было попросту стереть Эль Мирию (нынешнюю Эльмирру) с лица земли. Нет, уничтожать зеркало благоразумно не стали. Насколько мне известно, вместо этого его надёжно спрятали, к тому же ещё и придумали какой-то особенно хитрый замок. Собственно, вот всё, что я могу рассказать, — обратилась я уже к королю. — Теперь ваша очередь.

Эдбальд кивнул и тяжело вздохнул: то ли история предстояла долгая, то ли неприятная, а вероятнее всего, и то, и другое.

— Маги древности действительно надёжно укрыли зеркало и создали для этой цели хитрый, как ты выразилась, замок. Да только, похоже, перехитрили самих себя, — пробормотал он. — Мудрецы не хотели, чтобы артефакт попал в руки алчного и амбициозного человека, который использовал бы его в своих личных целях. Сговор двоих тоже нельзя было исключать. В итоге был создан особенный механизм, открывающий проход лишь в том случае, если в затворе одновременно проворачивали семь ключей. Ключи же эти распределили между людьми, принадлежащими к разным сообществам, зачастую не слишком дружным между собой. Идея заключалась в том, что в случае подлинной нужды — к примеру, извержения вулкана или приближения цунами, — конфликта интересов не будет, и все как один встанут на защиту городов, а то и континентов. Зато никому не удастся использовать столь мощный козырь в политических играх, где у каждого свои цели и чаяния. И этот замысел работал — до поры, до времени. За многие века к помощи зеркала прибегали всего дважды, оба раза — со всеобщего согласия, дабы избежать страшнейших катастроф.

— Могу я спросить, как были распределены ключи? — полюбопытствовала я.

— Можешь, — милостиво кивнул Эдбальд. — Их получили люди, наделённые властью, но властью разного рода, и каждый ключ был при создании «заточен» на определённого хозяина. Один достался члену королевской семьи, другой — архиепископу, главе церковного ордена, третий — ректору Института магии и стихий, также обладавшему в ту эпоху немалым влиянием, большим, пожалуй, чем на сегодняшний день. И, главное, почти не зависевшему от монарха. Я перечислил три, не так ли? — Он нахмурил густые брови и принялся загибать пальцы. — Четвёртый — первый министр, он возглавлял государственный совет и в некоторых случаях мог позволить себе спор даже с королём. Пятый — главнокомандующий армии. Думаю, не стоит объяснять, какие возможности в его распоряжении. Шестой — один из придворных магов, тот, что обладает даром работать с зеркалами. Седьмой — посол Итранды.

— Станный выбор, — заметила я. — Иностранец запросто мог нарушить планы всех остальных. Там, где шестеро согласятся действовать в интересах Эльмирры, седьмой откажется, потому что его государству нужно совсем иное. Впрочем, в этом есть логика, — возразила я самой себе. — Если бы зеркалом захотели воспользоваться в военных целях, чтобы отхватить, к примеру, кусок Итранды, именно посол имел возможность сорвать эти планы.

— В этом заключалась одна из причин, — кивнул Эдбальд. — Но их было много. Во-первых, среди создателей зеркала был итрандиец, и тогдашний правитель Эльмирры решил отблагодарить страну, косвенно поспособствовавшую появлению артефакта. Были и другие политические мотивы, в которые я не стану сейчас вдаваться. Это дела давно минувших дней, утратившие свою актуальность много столетий назад. И наконец, Итранда — отдельное государство, но наш ближайший сосед. Любое стихийное бедствие, обрушивающееся на нас, может задеть и их — и наоборот. Маги рассудили, что, задействовав Итранду, мы обеспечим себе помощь там, где речь пойдёт о катастрофах и природных аномалиях, но исключим использование зеркала в военных целях.

— Хорошо, в этом разобрались, — кивнула я. Поразмыслить над объяснениями можно будет и позже. — Но вот другой вопрос. Как я понимаю, не все обладатели ключей были магами. Это верно?

— Верно, — подтвердил Эдбальд. — Как я уже сказал, каждый ключ был сделан особым образом и привязан к способностям или рангу своего обладателя. Так, например, первый ключ может унаследовать лишь член королевской династии. Ключ архиепископа получает следующий архиепископ и так далее. Только два ключа завязаны на дар зеркальной магии. Было важно, чтобы среди семёрки всегда находились люди, способные не только добраться до зеркала, но и воспользоваться его могуществом.

— Один из этих двоих — придворный маг, — предположила я. — Их всегда бывает несколько, и хоть кто-то да обладает нужным даром. Но что со вторым? — продолжила я, прочитав в выражении лица короля подтверждение своим словам. — Полагаю, это ректор института. Но проблема в том, что не всегда ректором становится специалист по зеркалам. Должность может получить, к примеру, стихийник, а это направление не имеет ни малейшего отношения к магии отражений. И как быть тогда?

— Именно поэтому ключ не заточен на должность ректора, — улыбнулся правильному вопросу король. — Его может получить любой зеркальный маг, работающий в институте. Тот, кого обладатель ключа сочтёт достойным преемником.

— Хорошо. — Я плотно сжала губы, постучала пальцами по подлокотникам кресла, собираясь с мыслями. Затем подалась вперёд, испытываяще глядя в глаза Эдбальду. — И кто же из хранителей ключей был недавно убит?

Глава 2. Договор на крупные неприятности

Оба рыжеволосых схватились за рукояти мечей, а безбородый даже наполовину вытянул клинок из ножен.

— Откуда ты знаешь об убийствах? — проговорил он, прищурившись так, будто видел меня насквозь.

Оставалось только посмеяться его мнимой прозорливости.

— Впервые о них слышу, — обворожительно улыбнулась я, вновь устраиваясь в кресле поудобнее. — Вернее, даже и в первый раз пока не услышала. Но догадаться несложно. Не для того же его величество пришёл ко мне, чтобы поведать древнюю легенду о могущественном артефакте.

Эдбальд одобрительно кивнул, но стражи уже и сами поняли, что перегнули палку с бдительностью. Сталь вернулась в ножны.

— Очевидно, что Первозданное зеркало связано с событиями последних дней, и эти события — более чем тревожащие, — продолжала я. — Если бы артефактом воспользовались по всеобщему согласию, вряд ли потребовалось бы моё вмешательство. К тому же такой мощный магический всплеск я бы почувствовала, а я готова поклясться, что ничего подобного не происходило. Что же тогда? Вероятнее всего, зеркалом пока не воспользовались, но собираются. По меньшей мере без согласия королевской семьи. Но если бы речь шла о бунте, скажем, пять или шести хранителей, вряд ли вы бы пришли ко мне. Я не нужна вам для того, чтобы разобраться с бунтовщиками. Нет, скорее всего, за ключами ведётся охота. Прикарманить артефакт такой силы нельзя до тех пор, пока жив его хранитель. Отсюда и мой вопрос: сколько мы имеем трупов?

— Три, — с тяжёлым вздохом сообщил Эдбальд. — Сначала первый министр. Он отдыхал в загородном поместье, а там охрана не такая надёжная, как во дворце. Всё было обставлено, как ограбление. Забрали много ценных вещей, а среди них и ключ. Убийцу, конечно же, искали, но с артефактом этот случай никто не связал.

— Несмотря на то, что это была самая значимая пропажа?

— Первозданным зеркалом не пользовались много сотен лет, — поморщился король. Ему было неприятно признавать собственный промах, пусть даже своевременная догадка вряд ли что-нибудь бы изменила. Убийцу первого министра в любом случае искали отнюдь не спустя рукава, а найти не смогли. — Сменилось много поколений, и ключи давно уже воспринимали скорее как дань традиции, нежели реальную ценность.

— Но вор наверняка воспользовался зеркалом, чтобы пробраться в особняк? — предположила я.

Эдбальд снова поморщился.

— Да, но поначалу этого никто не понял. Гадёныш оказался достаточно хитёр, чтобы уйти обычным путём. Разбил окно — хотя достаточно было просто его распахнуть, — спрыгнул на клумбу, оставил на земле много следов, перемахнул через ограду. Установить, как он умудрился пробраться в поместье, никому не удалось, но какая разница? Зато побег был, можно сказать, налицо.

— Умно, — признала я. — Внутри он, конечно, проник через зеркало, убил хозяина ключа, забрал артефакт. Для виду прихватил несколько дорогих вещей и с той же целью разбил стекло: чтобы отвлечь внимание от по-настоящему важного. И сбежал обычным путём, чтобы никто не заподозрил зеркальное перемещение.

— Рисковал, конечно, — проворчал король. — Его вполне могли схватить на обратном пути, и что бы он делал тогда?

— Думаю, он всё равно бы ушёл, — возразила я. — Наверняка у него имелось с собой маленькое зеркальце, для подстраховки. Если бы поимка стала неотвратимой, он бы воспользовался им, чтобы переместиться в мир отражений. Конспирация пошла бы насмарку, но он всё же остался бы свободен и при ключе.

— А это возможно? — нахмурился Эдбальд. — Переместиться при помощи маленького зеркала?

Я улыбнулась. Мстительно, хотя, быть может, король этого и не понял.

— Для достаточно сильного мага — возможно. А слабый изначально не стал бы охотиться за ключами. Что было дальше?

— Следующей жертвой стал посол, — правильно истолковал мой вопрос монарх. — Правда, он исчез, так что мы не можем точно знать, жив он или убит. Нам удалось восстановить примерно

такую картину. Посол получил анонимное письмо, где ему назначали встречу. Якобы для того, чтобы передать компрометирующую информацию. На кого, он коллегам не сказал, но уж наверняка на кого-то из наших эльмиррских дворян или политиков. Иметь дело с анонимами опасно по определению, но иностранец, как видно, решил, что игра стоит свеч, за что и поплатился. Встреча была назначена в людном месте, на городской площади, но там незнакомец предложил ему сесть в карету. Тот согласился: итрандийский наблюдатель уверяет, что посол сел в экипаж по собственной воле. Незнакомец держал в руке толстый конверт, предположительно с компроматом, и, похоже, хранитель ключа купился на эту приманку. Дальше карета тронулась, и больше посла никто не видел.

— Полагаю, это привело к дипломатическому скандалу? — без особого сочувствия поинтересовалась я.

— О да! Гарольд Пятый Итрандийский рвёт и мечет. — Густые брови сошлись на переносице, а на лбу проявились многочисленные морщины. — Мы были сосредоточены на улаживании международного конфликта и снова упустили из виду пропажу ключа.

— Но следующее событие всё расставило по своим местам? Что это было? Снова похищение или убийство?

— Убийство, — тяжело, будто с усилием выдавливая из гортани каждый звук, проговорил Эдбальд. — На сей раз военачальник, Лескорий Трент, победитель многочисленных сражений...

Мне подумалось, что король впервые назвал жертву по имени. Должно быть, по-настоящему уважал этого Трента, а может, их связывали и более крепкие дружеские отношения.

— Он разменял седьмой десяток, и сердце в последние годы пошаливало. Много довелось повидать на своём веку. Так что приступ с летальным исходом не вызвал бы особых подозрений. Но я случился неподалёку. Зашёл проститься и заметил, что на шее нет ключа. Лескорий всегда носил его на кожаном шнурке. Ещё мне сказали, что тело нашли совсем рядом с зеркалом. Убийца ведь мог напугать его через зеркало?

— Конечно. При должном умении несложно явить взгляду, к примеру, какое-нибудь чудовище. Или — того хуже — лицо давно умершего человека, которого Трент хорошо знал. Или, к примеру, в смерти которого был повинен. Собственно, это самый верный способ довести бывшего воина до инфаркта. Нечто потустороннее, а в идеале — одновременно трогающее за душу. Он, без сомнения, умён, этот ваш убийца.

— Он не мой, — проворчал Эдбальд. — Но умён, тут нет никаких сомнений. К каждому нашёл свой подход. И в зеркальной науке разбирается, как бог.

— И долго скрывал свою подлинную цель, — подхватила я. — Только на третий раз прокололся: не замаскировал как следует исчезновение ключа. Может, слишком спешил. А скорее всего просто понял: после смерти (ну, или исчезновения) троих хранителей, кто-нибудь непременно сложит два и два. А стало быть, настало время играть в открытую.

— И поэтому мне нужна ты. — Эдбальд подался вперёд и заговорил жёстко. — Троих убрали, осталось четверо. Они, конечно, под серьёзной охраной, либо сами сильны как маги, но те, покойные, тоже не лыком шиты были. И я никому не могу доверять. Преступник вполне может оказаться из моего близкого окружения. Уже поползли слухи том, что некто ведёт охоту за ключами, и это плохо само по себе. Посвящать придворных магов в дополнительные подробности я не рискну. А мне необходим маг-зеркальщик. — Он крепко сжал подлокотники. — Сильный зеркальщик. Тот, кто окажется не слабее и не глупее преступника. Тот, кто знает реалии нашего государства и одновременно находится от них в стороне. Мне нужна ты.

Это уже не звучало как просьба. Это было требование. Но я решила не злиться, списать сей факт на эмоциональность короля, каковую вполне можно было понять. Дело касалось его семьи (ведь именно им принадлежал один из ключей), его страны, а не исключено, что и большего.

— Мой спутник упомянул, что мир под угрозой уничтожения, — продолжил король, немного более спокойно. — Теперь ты знаешь то, что известно нам. Скажи: были ли его слова преувеличением?

Тяжёлый взгляд впился в меня так, словно от моего ответа что-то зависело.

— Ну... Уничтожения в прямом смысле слова не будет, — внесла уточнение я. — Пока есть отражение, есть и предметы, которые его отбрасывают. Но существование существованию рознь... Четвёртый уровень открывает перед сильным магом почти неограниченные возможности. Артефакт — это лишь инструмент, он не обладает собственной волей. Там, где можно остановить извержение вулкана, вполне реально его спровоцировать. Заселить землю чудищами. Похоронить континенты глубоко под водой. Так что, если не цепляться к словам... Да, пожалуй, ваш спутник прав. — Я мимолётно мазнула взглядом по безбородому. — Мир каким мы его знаем вполне может быть

уничтожен. Другой вопрос — зачем это нужно преступнику, да и нужно ли вообще... — Я распрямила спину. — Хорошо. Я возьмусь за эту задачу.

Рыжеволосые переглянулись в недоумении: слишком неожиданным оказалось для них моё решение. Король щурился, сияя что-то прочитать по моему лицу. Напрасно. Я сказала ровно то, что собиралась, не подразумевая никакого особого подтекста.

— Что заставило тебя изменить решение? — спросил он наконец.

Я равнодушно пожала плечами.

— Раньше мне не было известно, в чём суть вопроса, теперь я получила больше информации. Это дело кажется...интересным.

— Интересным? — переспросил безбородый.

Тон его был буквально напоен презрением.

Я почувствовала, что начинаю злиться.

— А что, если я красиво воскликну: «Караул! Мир под угрозой уничтожения! Я обязана его спасти!», кому-нибудь станет легче? Охотника за ключами быстрее поймают? Или он и вовсе сам прибежит сюда с повинной и бросится на колени, не в силах устоять перед эдаким апломбом? — окрысилась я, уже почти готовая пойти на попятный и отказаться от участия в расследовании.

Безбородого, кажется, слегка проняло от такого неожиданного напора, король же и вовсе почувствовал, что все его старания могут пойти прахом, а потому поспешил сгладить впечатление.

— Апломб нам без надобности. Что ты хочешь за свои услуги?

— Хм, а что вы там предлагали? — Я насмешливо покосилась на стража, но тот на сей раз не спешил обвинять меня в корысти, и оттого дразнить его стало неинтересно. Так что продолжила я серьёзно. — Отсюда работать неудобно, так что понадобится дом в столице. По возможности — в пешей доступности от дворца, института и резиденции архиепископа. Найдётся такой?

— Разумеется, — кивнул Эдбальд. — Под эти условия подпадает твой старый дом. Хочешь получить его назад?

— Нет, — грубо отрезала я.

Грубее, чем следовало бы...а, впрочем, в самый раз. Конфискованный дом с воспоминаниями о дотюремной жизни мне не нужен. Довольно самого факта возвращения в столицу.

— Значит, другой, — мгновенно согласился король.

— Другой, — хмуро подтвердила я. — И можете забирать его, как только дело будет закончено. Слуги на это время — не больше двух человек, кто-нибудь, кто бы готовил и убирал. Никаких камеристок. И лучше пусть будут приходящими. Чтобы лишний раз не мозолили мне глаза.

Не люблю людей. В своё время чуть не потеряла рассудок от одиночества. С тех пор и не люблю. Забавно, не правда ли? Человеческий мозг — вообще забавная штука.

— Далее. Пропуск в королевский дворец, это будет необходимо для расследования. Деньги... — Я пожала плечами. — Столько, сколько потребуется на расходы. Понятия не имею, о каких суммах идёт речь. Вы лучше знаете, как в последние годы обстояло дело с инфляцией.

— Я отдам распоряжение казначею, — снова кивнул король.

— И амнистия, — припечатала я напоследок.

— Само собой. Что-нибудь ещё?

— В принципе нет. — Я устроилась поудобнее и вытянула вперёд длинные ноги. — Но меня немного беспокоят гарантии.

— Что ты имеешь в виду?

— Гарантии моей безопасности, — терпеливо пояснила я.

— Я не могу гарантировать тебе защиту от преступника, — так же спокойно ответил Эдбальд. — Если бы полагался на меры предосторожности, не стал бы обращаться к тебе. Этот человек способен на многое. А если узнает, что ты его разыскиваешь, вполне может попробовать

тебя устранить.

— Не от преступника, — поморщилась я и криво усмехнулась. — Меня интересует защита от вас, ваше величество.

— Что ты имеешь в виду?

Король нахмурился, его сопровождающие — тоже.

— Хочу быть уверена, что вы не схватите меня тёпленькой, едва я переберусь в столицу, — охотно объяснила я. — Или чуть позже, к примеру, когда решите, что лучше избавиться не только от нашего Охотника, но и ото всех зеркальных магов разом. Да мало ли что ещё...

— А мне казалось, что вы прямо-таки неуязвимы, — не удержался от иронии безбородый. — И навредить вам никто не способен.

— Я этого не говорила, юноша. — Страж был не моложе меня, и не слишком подходящее обращение я выбрала исключительно с целью его задеть. — Вам не удастся надолго меня пленить, это верно. Но ведь и за короткий срок можно обеспечить узнику массу неприятных впечатлений, не правда ли? Я совершенно к этим впечатлениям не стремлюсь: пресытилась, знаете ли, за время предыдущей отсидки. И потом, я, кажется, ясно дала понять, что меня вполне реально убить. А я не горю желанием умирать, и мне совершенно не стыдно в этом признаться.

— Я тебя понял, — оборвал нашу милую беседу король. — Ты хочешь гарантий безопасности во время своего пребывания в столице. Каких? — Он задумался, подперев пальцами подбородок. — Что ты скажешь о моей дочери?

— О ком? — недоумённо переспросила я.

— О моей дочери, — бесстрастно повторил Эдбальд. — Я поселю её в твоём доме. Заложница королевской крови будет для тебя достаточной гарантией?

Надо отметить: чувство удивления испытала не я одна. Стражи его величества тоже были, мягко говоря, шокированы таким предложением. Кажется, и отговаривать короля они не стали не из страха, не из чувства почтения, а исключительно от потрясения.

— Какие высокие семейные отношения. — У меня, в отличие от охранников, слова нашлись довольно быстро. — Вы так горячо любите свою дочь?

Эдбальд недовольно поморщился.

— Не люблю драм, — процедил он. — Ты хотела гарантий? Я тебе их даю. А разговоры про любовь изволь вести с кем-нибудь помоложе, буде у тебя возникнет такое желание. — У меня есть сын, так что судьба короны от дочери напрямую не зависит. Что же касается нечистоплотности средств... — Он безразлично пожал плечами. — Это стандартная практика в нашем кругу. Сильные мира сего нередко отправляют друг к другу своих детей, дабы доказать, что не замышляют дурного.

К счастью, я не из вашего круга, король Эдбальд, милостью богов правитель Эльмирры. Впрочем, я вообще не из чьего-либо круга.

— Ваше величество, сколько лет нынче принцессе? Двенадцать? — вкрадчиво осведомилась я.

— Четырнадцать, — не вполне понимая, к чему я клоню, сообщил король.

— Одно и то же, — отмахнулась я. — Я ведь дала понять, что хочу у себя дома тишины и покоя. А вы пытаетесь подкинуть мне подростка?

— Моя дочь — девушка спокойная и благоразумная.

Мне только кажется, или он пытается настаивать?

— Ваше величество, есть три вещи, в которые я не верю, — отчеканила я. — Это вселенская справедливость, плоская земля на трёх китах и благоразумные подростки. Поэтому давайте оставим эту идею. А в качестве гарантии достаточно будет клятвы на крови.

Эдбальд, кажется, хотел ещё немного поспорить, но передумал. Какое-то время ушло на формулирование клятвы, и в итоге мы сошлись на следующем:

«Я, Эдбальд Четвёртый, милостью богов король Эльмирры, клянусь собственной кровью, что не причиню умышленного вреда Йоланде Блэр, ни лично, ни через моих подданных и иных посредников, если только она не совершит преступление, сурово караемое законом, после того, как я принесу эту клятву. И даже в таковом случае обязуюсь тщательно взвесить все за и против и, если

сие будет возможно, смягчить приговор».

Мы оба отлично понимали, что клятву можно обойти, ибо в любой формулировке непременно найдётся лазейка, главное — творчески подойти к прочтению. Но Эдбальд ничего не терял, я же в первую очередь полагалась не на чужие обещания, пусть даже подкреплённые алыми каплями, а на собственные силы.

— Ну что ж, дело сделано, — подытожил король, когда кровь оросила треугольный осколок стекла, форма которого символизировала стороны, причастные к принесению клятвы: двух участников договора и божественное свидетельство. Обмотал ладонь чистой тряпицей, почтительно поднесённой одним из стражей. — Теперь мне пора возвращаться: дорога предстоит неблизкая. Тебе, полагаю, потребуются время на сборы. Как ты собираешься добираться до Эльмирры: через зеркало или обычным путём?

— Обычным. Могуществом зеркал не стоит злоупотреблять.

— Хорошо. Тебя будет сопровождать вот этот молодой человек.

Я шокированно воззрилась на безбородого. Эдбальд же как ни в чём не бывало продолжал:

— Он поможет решить любые проблемы, буде таковые возникнут в столице. И станет опекать тебя в дальнейшем. Разумеется, только в тех вопросах, которые будут иметь отношение к следствию. Будет присутствовать на встречах, допросах, операциях. Не постоянно, но в некоторых случаях.

Я согнула ноги в коленях и медленно распрямила спину. По венам подобием горячей лавы растекался гнев.

— Мы так не договаривались, ваше величество.

— Мы никак не договаривались на этот счёт, — напомнил король.

Увы, это было моё упущение. Монарх всё рассчитал правильно. Стану ли я отказываться от взятых на себя обязательств сейчас, когда договорённость уже достигнута, условия оглашены, и даже взята клятва на крови с правителя государства? И всё это — из-за такой, казалось бы, мелочи? Я стиснула зубы, сетуя на собственную беспечность, но и отдавая должное королевской хитрости.

— Подсовываете мне шпиона? — нехорошо прищурилась я.

— А на это ты можешь посмотреть по-разному, — возразил Эдбальд, хотя откровенно отнекиваться не стал. — Взгляни, к примеру, на меня. Я никогда не появляюсь на людях один. И даже в собственном дворце меня практически всегда сопровождает охрана. Как мне следует воспринимать этих людей? Как досадную помеху, не позволяющую мне почувствовать себя свободным человеком? Неудобные кандалы, дающие возможность делать чинные и осторожные шаги, но никак не бежать босиком по высокой траве? Или видеть в них тех, кто отдаст за меня жизнь и благодаря кому у меня появляются реальные шансы встретить рассвет завтра, послезавтра и ещё много дней подряд? Оба подхода будут справедливы, и выбор за мной. Так же и в твоём случае. К тебе приставили шпиона, который будет путаться под ногами, препятствовать столь любимому тобой одиночеству и время от времени предоставлять мне отчёты (замечу: только по существу нашего дела)? Или помощника и единомышленника, который не силен в магии, но сможет внести вклад в расследование своим умом, внимательностью, воинскими навыками и просто свежим взглядом со стороны? Решать тебе и только тебе.

— Но итог один, — подчеркнула я, не позволяя навязать себе иллюзию свободного выбора.

— В этом отношении итог один, — согласился монарх. — У тебя будет сопровождающий, которого я назначил. Не постоянно, не во всех случаях. Но он будет поблизости и станет наблюдать за ходом расследования, на этом я настаиваю.

— Что ж, в таком случае мы, кажется, уже действительно всё обсудили.

Я поднялась на ноги. Это было не слишком вежливо, но то направление, которое принял разговор, не вдохновляло меня на политесы. Его величество также встал, коротко распрощался и, выразив надежду на скорую встречу в столице, покинул мой не самый гостеприимный на свете дом. Вместе с бородатым стражем. Безбородый, следуя высочайшему приказу, остался со мной.

— Дотья! Я уезжаю! — кликнула я, выйдя на лестницу. — Будь добра, собери самое необходимое.

Убедившись в том, что служанка всё услышала и не собирается задавать вопросов (с Дотьей вообще было на редкость легко иметь дело), я снова вернулась в зеркальный зал.

— Ну, и что теперь, господин шпион? — полюбопытствовала я, сложив руки на груди и обходя

вышеозначенного господина широким полукругом. — Как вы намерены поступить первым делом?

— Не вполне понимаю, что вы имеете в виду, — бесстрастно откликнулся тот.

— Да мало ли. — Я остановилась, опираясь руками о спинку стула. — К примеру, как обычно действуют тюремщики, впервые оказавшись один на один с узницами женского пола?

— Запирают их в камерах на замок, я полагаю, — с нажимом ответил рыжеволосый.

Я подчёркнуто громко рассмеялась.

— Сразу видно, что вам ни разу не доводилось сидеть в тюрьме. Впрочем, это, знаете ли, поправимо. Как бы ни был высок ваш статус, сегодня вы неприкосновенны, а завтра — весьма, причём во всех возможных смыслах этого слова. Но мы увлеклись разговором, и он увёл нас в сторону. Так что же? Вы даже не попытаетесь показать своей жертве, кто здесь хозяин?

Настал его черед сложить руки на груди и посмотреть на меня с крайне скептическим выражением лица.

— Хотите знать моё мнение по этому поводу? Извольте. Что-то подсказывает мне: жертва — это последняя роль, которую вы готовы на себя примерить. Следовательно, весь этот «увлекательный разговор» — чистой воды провокация. Я пытаюсь на вас напасть, а вы применяете свои магические штучки, да так, что после этого я в лучшем случае остаюсь валяться здесь без сознания. И вы отправляетесь в Эльмиру без обузы в моём лице. А, главное, обвинить вас не в чем: вы действовали исключительно из соображений самообороны. Вынужден вас разочаровать: я не собираюсь обеспечивать вам такую лёгкую жизнь.

— Не разочаровали. Хотя это и досадно, — проговорила я. — Во всяком случае, вы действительно умеете использовать свой мозг по назначению. В придачу вам не свойственно терять голову от вседозволенности. Это хорошие качества. Что ж, давайте начнём сначала. Присаживайтесь, в ногах, говорят, правды нет. — Он послушался: наверняка устал стоять всё это время. Сама я не последовала его примеру: нужно было думать, а мне лучше думается в вертикальном положении. — Стало быть, его величество освободил меня от одного своего ребёнка, но взамен навязал другого. Отчего это так ему необходимо?

Мои слова безусловно произвели впечатление. Мнимый страж даже не попытался возразить, вместо этого спросил:

— Как вы узнали?

Я усмехнулась.

— Иллюзия, конечно, неплохая. Даже в зеркалах вон отражается. — Я кивнула на многократно умноженное изображение рыжеволосого мужчины. — Делал кто-то из придворных магов?

— Верно. Но ему не сказали, для чего это нужно. Никто не должен был знать, куда мы направляемся.

— Ясное дело. И обычного человека вы бы легко обманули. Но я — маг-зеркальщик третьей ступени. И вижу не только эти отражения, — я вновь небрежно кивнула на стекло, — но и более глубокие. На втором уровне что-то понять сложно, там слишком сильные искривления. А вот на третьем для знающего человека всё становится на свои места. Так что, в отличие от вас, я, заглянув в зеркало, вижу вот это.

Я сосредоточилась, едва ощутимо пошевелила губами и отклонила голову назад, мысленно вытягивая из глубин потаённое изображение. Теперь с той стороны стекла на нас изумлённо взирал мужчина, во многом отличавшийся от моего гостя. Фигура была приблизительно та же: высокий рост, широкие, но не чрезмерно, плечи. Видимо, тут маг поленился, или же просто не счёл нужным вносить изменения. Зато лицо и масть того, отражённого, человека, сильно отличались от «оригинала». Чёрные волосы без всякого намёка на рыжину сами по себе кардинально меняли общее впечатление, но многие черты тоже оказались подправлены. Подбородок у принца былуже, чем у мнимого стража, скулы, напротив, ощутимо шире, губы самую капельку потоньше. Форма носа совершенно иная. В совокупности это сочетание черт превращало простоватого охранника в чистокровного аристократа.

— Орвин дель Фронси, я полагаю? — изогнула бровь я. — Мы с вами лично не встречались: в ту пору, когда я бывала при дворе, вы, кажется, обучались за границей или что-то в этом роде?

— Проходил службу в Итранде, — поправил принц, всё ещё зачарованно разглядывая своё отражение. — У них лучшая гвардия на континенте. Это был полезный опыт.

В данный момент Итранда ассоциировалась у меня в первую очередь с посланцем, то ли убитым, то ли похищенным из-за унаследованного им ключа, но менять по такому поводу тему разговора я не стала.

— Тем не менее мне доводилось видеть ваши портреты. Художники, конечно, немного приврали, им это в принципе свойственно, и всё-таки узнать вас не составило труда. К тому же вашего старшего брата, наследного принца Анселя, я в своё время встречала неоднократно. Наложённая на него иллюзия меня, как вы понимаете, тоже не обманула. Поэтому стоило вам впервые отразиться в зеркале, как я поняла: меня навестил король Эльмирры с двумя своими сыновьями. Рискованная поездка, но в принципе я понимаю, почему вы так поступили. Дело настолько секретное, что его величество предпочёл не сообщать о нём никому за пределами семейного круга?

— О том, что кто-то охотится за ключами, некоторые уже знают, пусть и немногие. — Орвин оторвался наконец от зеркал, но теперь отчего-то устремил взгляд на собственные ладони, будто пытался прочесть будущее при помощи хиромантии. — Связь между убийствами не оглашали, но тот, кто достаточно осведомлен, способен сделать самостоятельные выводы. Три ключа из семи — это слишком много для случайного совпадения. Придворные маги безусловно в курсе. Но о решении обратиться за помощью к вам их не оповещали.

— Ещё бы! — фыркнула я. — Воображаю, какую истерику они бы закатили. Впрочем, это мы ещё сможем понаблюдать.

— Я тоже был категорически против вашего участия.

— Это меня интересует значительно меньше, — скривилась я. И громко спросила, не давая Орвину возможности ответить на этот выпад: — Ну что, Хаш, едем в столицу?

— Блаж-ж-жь, — сварливо прошелестели из фляги.

— Знаю, — согласилась я. — Но захотелось размять кости.

— Пож-ж-жалееш-ш-шь.

— Возможно. — Я вновь не стала спорить. — Моя блажь, мои сожаления. Имею право.

— С-с-сама вс-с-сё реш-ш-шила. З-з-зачем тогда с-с-спраш-ш-шиваешь-ш-шь?

— Какой ты сварливый. Может, мне просто поговорить хочется по душам?

К этому моменту я успела встать со стула, приблизиться к центральному зеркалу (правда, никто, кроме нас с Хашем, не смог бы догадаться, какое из шести — центральное) и закатать рукава. Не все сборы можно было поручить Дотье.

— Вот с мальч-ч-чиш-ш-шкой теперь раз-з-зговаривай, — проворчал змий.

Я фыркнула, а принц нехорошо прищурился.

— Вот вытряхну тебя из фляги — и поедешь в Эльмирру в какой-нибудь...банке с рассолом! — пригрозил он.

В ответ донеслось приглушённое бульканье: видимо, такое предложение Хаша весьма позабавило.

— До чего вредный у вашего зверька характер, — нарочито громко заявил Орвин.

— Он не зверёк, — отстранённо возразила я, уже сосредоточенная на другом. — Пусть внешнее сходство вас не обманывает. И потом, вам в любом случае предстоит общение с обладателями вредного характера. Скажите спасибо своему отцу.

И я окончательно перестала обращать на принца внимание. Повинуясь движениям моих рук, зеркало стало распадаться на части, словно превратившись в причудливую мозаику. Осколки разных форм и размеров сами собой опускались — легко и плавно, как опадающие листья, — и укладывались в чёрную шкатулку, которую я заранее приготовила и распахнула. Размеры её, разумеется, были слишком малы, чтобы вместить столько стекла, однако же к концу работы крышка без труда закрылась, а напротив меня осталась лишь пустая рама, висящая на каменной стене с неровной поверхностью.

Орвин завороченно наблюдал за процессом: это я успела отметить, случайно уловив его отражение в одном из осколков.

— Ну что ж, всё готово, — заключила я, когда заглянувшая в комнату Дотья протянула мне дорожные сумки.

Одна была заполнена не больше, чем наполовину, и для шкатулки места хватило с лихвой. Я подхватила флягу и привычно закрепила её на поясе.

— В моём бюро в третьем ящике справа возьмёшь деньги, — распорядилась я. — Там хватит на полгода вперёд. К тому времени я двадцать раз успею вернуться. А если не вернусь... — Я хмыкнула и безразлично пожала плечами. — Тогда дом твой, и вообще можешь делать, что захочешь.

Служанка кивнула с таким выражением лица, будто я не сказала ничего неожиданного, да и вообще раздаю распоряжения такого рода каждое утро и вечер. Я одобрительно улыбнулась. Как-никак сама подбирала себе именно такого человека.

— Ну что, ваше высочество, готовы? — полюбопытствовала я. — Уж простите, ни накормить, ни в баньке попарить не предлагаю. Могу, правда, предложить портвейна. Не желаете?

По тому, как брезгливо поморщился принц, я сделала вывод, что он никогда больше не пригубит этот напиток.

Глава 3. Дорожная пыль

Дом, служивший мне убежищем последние полтора года, постепенно удалялся, грозясь вот-вот совсем исчезнуть из виду. Его и теперь было сложно как следует рассмотреть из-за кружившей в воздухе пыли, словно у нас за спинами клубился колдовской туман. Подумалось, что лучше лишний раз не оборачиваться, чтобы не застыть каменным изваянием, наподобие женщины из древней легенды. Впрочем, суть истории, вероятно, сводилась к тому, что невозможно двигаться к будущему, не отпустив своё прошлое. Ко мне всё это было неприменимо. Старый обособленный дом, не имевший соседей, одиночка среди пустоты, мало походил на прошлое. Скорее на безвременье, то самое, в котором можно пребывать, превратившись в камень. А будущее — тут совсем смешно, будущего у меня в столице не было. Просто в безвременье порой становится скучно, и мы, древние статуи, иногда выходим наружу, чтобы слегка размять ноги.

Утомившись от порождённых собственным умом метафор, я прищипорила кобылу, чтобы поравняться с мерином принца.

— Расскажите мне ещё немного о ключах, — предложила я. — Уж если впереди долгая дорога, к чему терять время?

Сейчас поблизости не было зеркал, не считая, конечно, тех, которые я везла с собой. Поэтому я видела Орвина исключительно в его иллюзорном облике, а именно — рыжеволосым стражником с простоватыми, даже грубоватыми, чертами лица, ничего общего не имеющего с высшим звеном аристократии. В эдаких походных условиях его маскировка вполне могла обмануть даже мага-зеркальщика.

Предмет моих размышлений снисходительно усмехнулся.

— Отец так и думал, что вы захотите задать мне вопросы во время нашего возвращения, — объяснил своё настроение он.

— Ваш отец невероятно прозорлив, — с долей сарказма отозвалась я. — И что же, он уполномочил вас молчать, как рыба?

— Совсем напротив. Он поручил мне рассказать вам всё, что вы захотите услышать. ...Если это вообще подлежит разглашению, — всё-таки несколько смеялся он под конец.

— Что ж, хорошо. — Теперь я немного придержала кобылу, чтобы двигаться со спутником вровень. Ширина дороги это позволяла. — Меня интересует судьба четырёх оставшихся ключей. Вам известно, у кого они сейчас находятся?

Орвин прикусил нижнюю губу и посмотрел на меня с неодобрением.

— Задать простых вопросов вы, конечно же, не могли? — укоризненно спросил он.

— Простых у меня не бывает, — просияла я в ответ. — Так что же не так с моим интересом? Вы не знаете ответов или не вправе делиться информацией?

— Отчасти первое, отчасти второе, — со вздохом признался принц. — Видите ли, когда подобные артефакты передаются по наследству, афишировать подробности не принято. Но и отслеживать их передвижения мы всё-таки стараемся. Плюс в ряде случаев выбор наследника вопросов не оставляет и очевиден для всех.

— Так, например, обстоит дело с архиепископом, верно? — предположила я. — Один-единственный человек на одной-единственной должности может обладать этим ключом. Когда он умирает, ключ передаётся его преемнику.

— Совершенно верно, — мягко кивнул Орвин. — Поэтому мы точно знаем, что нынешний архиепископ и есть хранитель ключа.

— Дело обстояло так же прозрачно с первым министром, военачальником и послом Итранды, — продолжала я. — Быть может, Охотник, — мысленно я уже называла преступника только так, — потому и начал с этих троих? Он точно знал, что ключи у них, и стремился побыстрее собрать как можно больше артефактов. А уж затем сосредоточиться на тех, вычислить которые сложнее. Но если его логика действительно такова, то следующая жертва — именно архиепископ. Он — последний из тех хранителей, которых легко определить. Дальше начинаются проблемы, не так ли?

— Некоторым образом, — уклончиво высказался Орвин.

— Остаются три ключа: институтский, королевский и тот, что передаётся придворным магам, — принялась рассуждать я. — Придворных магов несколько, зеркальщиков среди них двое. Кто же из них?

Я выразительно поглядела на принца.

Он покачал головой.

— Мне это неизвестно. Маги предпочитают не распространяться о подобных вещах. Отец, может быть, и знает. Но если нет, не думаю, что он станет требовать ответа без крайней необходимости. В конце концов, сильные маги способны сами постоять за себя и имеют право на свои секреты, как и мы — на свои.

— Хорошо. Пока довольно и этого. На магический ключ у нас два кандидата. Далее идёт королевский. Как я поняла, он передаётся из поколения в поколение, необязательно будущему королю, но как минимум его родственнику. Насколько дальним может быть этот родственник?

— Только очень близким, — внёс уточнение Орвин.

— Значит, я не буду далека от истины, если предположу, что кандидатов на обладание королевским ключом у нас четыре? Его величество, старший принц Ансель, вы, — тут я очень пристально посмотрела спутнику прямо в глаза, — и юная принцесса. Её величества, увы, нет в живых, стало быть, либо сам король, либо кто-то из его детей?

Я продолжала смотреть испытывающе, и Орвин наконец ответил, хотя и без особого восторга от необходимости делиться такой информацией.

— Ваше предположение справедливо. Ключ действительно у одного из четырёх.

— И вы знаете, у кого именно?

— Знаю, но не скажу.

— Потому что он у вас? — осведомилась я невинным тоном.

Принц рассмеялся.

— Нет, потому что я не уполномочен сообщать вам или кому бы то ни было, у меня он или нет.

«Точно не у тебя», — подумала я, проанализировав его реакцию. Уж слишком он был расслаблен. Впрочем, для меня такой вывод был совершенно предсказуемым, поскольку я уже сделала мысленную ставку на другого члена королевской фамилии.

— Что ж, стало быть, вариантов — четыре, — вздохнула я, изображая смирение. — Остаётся последнее — институт. Вам известно, кому достался седьмой ключ? Ректору?

Орвин досадливо покачал головой.

— Не знаю. Институт — заведение достаточно самостоятельное, даже в наше время. Они не отчитываются в подобных вещах.

— Значит, здесь поле для деятельности самое широкое, — заключила я. — Артефакт — у сильного зеркального мага, но им может оказаться любой преподаватель и, уж если совсем откровенно, даже талантливый студент. Н-да, интересное задание мне дал ваш отец. Пойди туда, не знаю куда... Радует одно: Охотник, вероятнее всего, пребывает в таком же неведении. Если так, у нас есть шанс его обогнать...

Вытянув руку, я сорвала веточку разросшегося у самой дороги куста. Тончайшие зелёные листья напоминали иголки, которые, когда-то в далёком детстве, мы обрывали во время гадания. Я начала тихонько бормотать себе под нос.

— *Семь магических ключей В нашем мире есть. Один хранитель был убит, И их осталось шесть. Шесть магических ключей Можно насчитать. Хранитель выехал в закат, И их осталось пять. Пять магических ключей — Равновесье в мире. Один хранитель заболел, И их уже четыре.*

— Находите это забавным? — недовольно пробурчал принц.

Я неопределённо пожала плечами, не считая нужным отвечать.

Окружавшие нас декорации сменились, ландшафт постепенно становился гористым. Пологий подъём казался сперва почти незаметным. Местность стала каменистой, справа и слева то и дело появлялись кусты и деревца, но в основном невысокие и довольно-таки чахлые. Потом начался спуск, значительно более резкий. Настолько, что в какой-то момент нам пришлось спешиться и повести лошадей в поводу.

Вскоре мы уже продвигались по узкому ущелью. В период обильных дождей здесь протекал весьма

бурный ручей, но сейчас почва под ногами была сухой и потрескавшейся. Тем не менее, растительность на склонах постепенно становилась более обильной: видимо, древесные корни всё-таки добирались до ушедшей под землю воды. А вскоре и мы добрались до родника: прохладная струя пробилась узкую щель в скале и, радуясь свободе, стекала в образовавшийся внизу бассейн. Мы остановились, чтобы наполнить фляги и напоить лошадей. Сделать привал в таком месте казалось совершенно естественным. Видимо, точно так же рассудили и нападавшие.

Первый болт со свистом пролетел мимо и упал в песок далеко за спиной. Второй не заставил себя долго ждать и, прежде, чем я успела отреагировать, пробил куртку и рубашку в районе груди и погрузился почти по самое оперение. Грязно выругавшись, я покачнулась, но потерять равновесие не успела: Орвин, высказавшийся не более цензурно, в мгновение ока оказался рядом, подхватил меня на руки и метнулся к высокому камню, за которым мы нашли временное укрытие. Принц аккуратно уложил меня на землю, но, к его немалому удивлению, отдых не входил в мои планы.

— Сколько их? — спросила я, сперва приподнявшись на локте, а затем вставая на колени, чтобы очень осторожно выглянуть на тропинку.

Даже не постонала для приличия, хотя древко по-прежнему живописно торчало из груди.

— Я не видел, — отозвался Орвин, подозрительно нервно косясь на это украшение жизни. — Стреляют, скорее всего, двое. Может, их и больше, но ненамного. Серьёзный отряд там не спрячется.

Я кивнула, уже успев понять, что нападавшие притаились примерно за таким же камнем, за каким сидели и мы сами. Осмотрелась и разочарованно прикусила губу: до лошади было не добраться, а оба моих зеркала лежали в седельной сумке. Принцу повезло больше: в его арсенале, как оказалось, имелось кое-что кроме обычного оружия.

— Сейчас покажетесь, — прошептал он, извлекая из-за пазухи крошечный арбалет и натягивая столь же миниатюрную стрелу с ярко-красным наконечником.

— Стихийники постарались?

Очередной болт ударил по нашему укрытию и отлетел в сторону. На землю посыпалась каменная крошка. Я спешно прижала локти к бокам: сидеть здесь вдвоём, совсем не высываясь наружу, оказалось делом нетривиальным.

— Лучший огненный маг, — с такой гордостью, будто речь шла о его собственном брате или сыне, заверил принц.

В молитвенном жесте поднёс к груди средний и указательный пальцы левой руки, а спустя секунду молниеносно выскочил из-за камня, взял прицел и выстрелил по убежищу наших противников.

Он сразу же нырнул обратно в укрытие, но, в сущности, в этом не было нужды: в данный момент нападавшим стало не до нас. Кусок скалы вспыхнул, словно сухая сосна от удара молнии, попирая тем самым законы природы. Прятавшимся за ним людям ничего не осталось, как с криками отбежать назад. Их действительно было двое. Воины, вернее всего, не солдаты действующей армии, а наёмники: оружие у них было разным, да и кольчуги заметно отличались одна от другой. Далеко они не ушли: пламя быстро растаяло, забрав с собой их недавнее укрытие, и парочка здраво рассудила, что правильнее всего будет броситься в атаку. Наверняка они видели, что один из болтов достиг цели, и теперь сочли, что двое против одного имеют неплохой шанс.

— Увидимся.

Криво усмехнувшись, принц выбрался из-за камня и шагнул им навстречу.

Я неодобрительно покачала головой, мысленно отмечая блестящую брошь, удерживавшую его плащ. Ты — наследник престола, пусть и не первый на очереди. Тебе сейчас бежать надо, спасая свою драгоценную венценосную жизнь. Потом вздохнёшь, разведёшь руками и скажешь: так, мол, и так, дорогой отец, преступница погибла в неравной борьбе за дело короны. В крайнем случае — орден посмертный выхлопочешь. Нет, отправился геройствовать. Мальчишка.

Теперь, когда по нам не били из арбалета, добежать до лошади было вполне реально, но пока я доберусь до сумки, пока отыщу зеркало, пока размотаю берегущую его тряпицу, уйдёт драгоценное время. А гибели королевского сына мне точно не простят. Поэтому я кинулась к ближайшей замене, какую можно было найти поблизости: бассейну с родниковой водой. Отражение было, конечно, неидеальным, но просматривалось вполне отчётливо, и я, не раздумывая, ступила внутрь, становясь с ним единым целым.

Разумеется, я не намочила и брызг не подняла, поскольку попала не в воду, а на первый уровень зазеркального подпространства. Уши словно заложило от всепоглощающей тишины —

единственная специфика этой среды, к которой я не могла полноценно привыкнуть. Осмотревшись, я обнаружила в белой, напоминающей льдину стене крохотное окошко овальной формы, примерно на уровне моих глаз. Она, брошь. Совсем неплохо отражает предметы, а, значит, по сути — то же зеркало, только очень маленькое. Я прикрыла глаза, сосредоточилась, и принялась разводить руки в стороны, с немалым трудом, разрывая незримую преграду. Окошко расширилось, превратившись в рваную дыру размером приблизительно с мою голову. Я увеличила его ещё немного. Времени создавать более удобный проход не оставалось: с той стороны тряслись подогнанные друг к другу кольца чужой кольчуги, появлялись и снова исчезали из поля зрения клинки, да и вся картина то и дело покачивалась, подсакивала то вверх, то вниз в зависимости от движений обладателя броши. Я извлекла из непримечательных ножен длинный узкий стилет. Должно быть, остриё вонзилось в грудь одного из противников на долю секунды раньше, чем я окончательно появилась на поле схватки из отражения. Наёмник, так и не понявший, откуда получил удар, упал. Второй же был слишком поражён увиденным, отвлёкся и расплатился за невнимательность ударом меча, на сей раз пришедшим со стороны принца.

Сражение всегда заканчивается резко, некоторым образом неожиданно. Только что в висках стучал адреналин, а тело бешено танцевало под влиянием не столько хитроумных планов, сколько вбитых с младенчества рефлексов. И вдруг наступает тишина, и выясняется, что больше драться уже не с кем.

Принц вытер ладонью вспотевший лоб, затем вернулся к бассейну, умыл лицо и стал жадно пить родниковую воду. Я спокойно дождалась собственной очереди и пригубила лишь чуть-чуть: с моей стороны особой физической нагрузки не потребовалось. Лошадей не пришлось даже звать: они приблизились к нам сами.

— Что это? — спросил Орвин, отдышавшись.

Пытаясь понять, о чём он говорит, я опустила голову и увидела древко болта, всё ещё торчавшего из моей груди. Улыбнулась.

— Вы, принц, пронзили насквозь моё сердце!

Я постаралась вложить в эти слова максимально романтические интонации.

— Это не я, это наёмник.

Орвин, как и большинство мужчин, поспешил снять с себя ответственность.

— Ну и не важно.

Я потянула за древко и вытащила на свет целёхонькую стрелу. Принц внимательно осмотрел древко и наконечник. Не обнаружил ни единой капли крови и переключил внимание на мою одежду. Увы, и в куртке, и в рубашке имелось теперь по дыре с левой стороны, но крови на одежде тоже не нашлось.

— Ваше высочество, если вы не прекратите пятиться на мою грудь, получите между глаз, — по-свойски предупредила я.

— Я не на то смотрю! — возмутился Орвин, мгновенно отводя взгляд. — Но как всё это может быть? Вы владеете искусством исцеления? Даже если так, я никогда не видел настолько ювелирной работы.

— И не увидите, — заверила я. — Целительство здесь ни при чём. Ладно, смотрите, уж коли так получилось.

Я стянула куртку и принялась расстёгивать рубашку, сопроводив процесс раздевания незаметным пассом рукой. Лёгкая магия, позволяющая Орвину увидеть то, что обычно остаётся для окружающих незаметным.

— Что вы делаете? — полюбопытствовал он, когда я разобралась со второй пуговицей и приступила к третьей.

Я саркастически поглядела на него снизу вверх.

— Вы же спасли мне жизнь! Вот, отдаться вам собираюсь в благодарность.

Надо отдать принцу должное: тут он отреагировал как взрослый. Не смутился, не спрятал глаза, не осерчал. Вместо этого иронично полюбопытствовал:

— А можно я возьму деньгами?

Я одобрительно хохотнула.

— Вот уж нет! Сказала «отдаться», значит, отдаться.

Четвёртой пуговицы оказалось достаточно. Я максимально распахнула рубашку, чуть-чуть приоткрывая плечи. Орвин на мгновение зажмурился, но не от стыдливости. Просто небольшие зеркальные осколки, плотно подогнанные друг к другу наподобие кольчужных пластин, отлично отражали солнечный свет, отправляя в разные стороны яркие блики.

— Это...

— Моя броня, — объяснила я и, сочтя, что показательного выступления достаточно, начала вновь застёгивать рубаху. — Болт, конечно, пробил одежду, но меня не коснулся. Осколок зеркала увлёк его в мир отражений. Именно там он всё это время и находился, не считая кусочка, что торчал наружу. Он доставлял кое-какие неудобства, но не более того. Так что я могу позаботиться о себе, ваше высочество, — вновь сменила обращение я. — И в следующий раз вам стоит в первую очередь сохранить себя для престола.

— Меня — для престола? — как-то странно переспросил принц, и я прикусила губу.

Слишком давно жила в отрыве от придворных дел и, кажется, попала впросак. Не стоило поднимать эту тему. Хотя Эдбальд везде позиционирует Орвина как своего второго сына, по факту дело обстоит несколько иначе. Эдбальд был женат дважды. Первая супруга родила ему наследника, Анселя, но вскоре умерла. Вторая жена, появившаяся несколько позднее, была вдовой и уже имела ребёнка от первого брака — Орвина дель Фронси. Впоследствии у их величеств появилась общая дочь, та самая принцесса, которую мы так жарко обсуждали сегодня с Эдбальдом. Её статус, как и статус Анселя, был понятен. А вот положение Орвина оставляло вопросы. С одной стороны, Эдбальд официально его усыновил и, насколько это реально увидеть со стороны, обходится с ним, как с родным сыном. С другой, как ни крути, но королевская кровь в жилах пасынка не течёт.

— Меня интересует вот что. — Принц вскочил в седло, и я последовала его примеру. Разговоры — это, конечно хорошо, однако убраться поскорее из опасного места — значительно лучше. К тому же сменить щекотливую тему — тоже удачная идея. — Кого из нас они поджидали? Вас или меня?

— Хороший вопрос, — задумчиво проговорила я, тронув поводья.

Мы постарались покинуть опасное место как можно быстрее, и стало не до бесед. Но течения мыслей это не остановило. С одной стороны, нападавшие не остановились после того, как подстрелили меня. Из этого можно заключить, что их целью был принц. С другой, они могли знать, что уничтожить мага не так-то просто. Или получили приказ не оставлять живых свидетелей. А Орвин сейчас слишком непохож на себя; откуда наёмникам было знать, кто таков этот рыжеволосый мужчина? Значит, подстерегали именно меня? Но эта версия тоже выходила нескладной. Никто не интересовался моей личностью до сегодняшнего приезда короля. Почему же заинтересовались сейчас? Потому что знали всю подоплёку этого визита? Если так, то Охотник прекрасно осведомлен и опережает нас на несколько ходов. Впрочем, тот, кто был в курсе моей встречи с королём, наверняка знал и о том, что его величество сопровождали замаскированные принцы. А если так, его целью мог быть Орвин. Круг замкнулся, ответов по-прежнему не было. Может, мы и вовсе оказались случайной жертвой околачивавшихся поблизости разбойников?

Так или иначе, других нападений не последовало. Мы благополучно миновали ущелье, проехали ещё несколько часов и добрались до приграничного города, где располагался прямой телепорт в столицу. С той стороны нас уже поджидали люди Эдбальда. Здесь, к моей немалой радости, наши пути разошлись. Его высочество отправился во дворец, меня же препроводили в свежевыкупленный дом.

Расположение нового жилища идеально соответствовало моим требованиям: четверть часа пешего хода до королевского дворца, десять минут в другую сторону — до института, и примерно столько же — до резиденции архиепископа. Впрочем, последнюю я не планировала посещать слишком часто, просто сочла, что раз уж и это здание находится в центре города, тем удобнее. Перемещаться на небольшие расстояния, конечно, можно и с помощью зеркал, но, во-первых, проход в такие стратегически важные пункты наверняка был заблокирован, а во-вторых, я сказала Эдбальду правду: не стоит использовать магию только из-за того, что ленишься слегка размять ноги. Рано или поздно такое пренебрежительное отношение к колдовским материям выйдет боком.

Дом оказался не двух-, а трёхэтажным, что, признаюсь, не особенно мне понравилось. Слишком много беготни по лестницам. Впрочем, это было не трагично. На самом верху располагалась спальня и просторная ванная комната. Этажом ниже — кабинет, который я планировала в скором будущем превратить в зеркальный зал, и вторая спальня, гостевая. Я подумывала о том, чтобы именно в ней и поселиться, дабы ступеньки не отделяли моё рабочее пространство от жилого, но потом сообразила, что в этом случае пришлось бы ходить по ступенькам из спальни в ванную.

Пришла к выводу, что совершенства всё равно не добиться, и решила оставить всё как есть. Первый уровень был отведён под прихожую, кухню с примыкавшей к ней столовой и небольшую комнатку для слуг. Последней предстояло пустовать, поскольку жить я была твёрдо намерена в гордом одиночестве.

Служанка, рыжеволосая девчушка с живым лицом и большими карими глазами, была помоложе, чем мне бы хотелось, но много не болтала и на упоминание о магии отреагировала спокойно, без страха или ажиотажа. Так что, как минимум на первый взгляд, она меня устраивала. На следующий день должна была прийти кухарка, в придачу планировалось, что некий Питер, живший неподалёку, станет время от времени заглядывать на случай, если для тех или иных домашних дел потребуется мужская физическая сила. Лошадь определили на ближайшую городскую конюшню. Условия содержания там были отличные, расстояние небольшое, цена, правда, зашкаливала, но это никак меня не касалось: за всё платила корона.

Оглядевшись и прикинув, какие комнаты придётся переоборудовать, а что и так сойдёт, я отпустила служанку, удалилась в свою спальню (ту, что на третьем этаже), и завалилась на кровать. Но сон ещё долго не шёл. Во-первых, мешало до сих пор заглядывавшее в окно солнце: время шло к закату, а окна как раз выходили на запад. Во-вторых, слишком тревожило возвращение в столицу. Воспоминания о прежней жизни болезненно царапали душу, отдаваясь болью в висках и покалыванием в кончиках пальцев. Прошлое было так близко, казалось — протяни руку и схвати. Но я отлично знала, что оно просыплется сквозь пальцы неуловимым песком, поэтому воздерживалась от лишних телодвижений. Антураж может быть тысячу раз похожим, но та реальность не повторится никогда, так что не стоит понапрасну биться головой об стенку. Я отлично это осознавала, и тем не менее долго не могла уснуть. Ночь погасила раскрасневшееся от усталости светило, а я всё лежала, слушая гул ночной столицы за окном, фоновый шум, от которого я давно успела отвыкнуть, но который вспомнился так легко. Будто и не было четырёх с половиной лет тишины. Будто не заволакивала мои уши пустота безвременья.

Глава 4. Вперёд в прошлое

Спала я, как ни странно, хорошо, даже проснулась позднее обычного. Умылась и оделась самостоятельно. Служанка была заведомо оповещена о том, что предлагать мне помощь в подобных вещах — прямая угроза для жизни. Ненавижу, когда вторгаются в моё личное пространство, пусть даже из лучших побуждений. Наряд был выбран стандартный для меня, но не для местных женщин. Брюки, высокие сапоги (хотя я и не собиралась сегодня ездить верхом), рубашка, короткая кожаная куртка. И всякие полезные вещи (в духе фляги с портвейном) на крепком поясе.

Можно было списать столь странные предпочтения в одежде на тюремное заключение и последующую нелюдимость, но не стоит кривить душой: я и прежде грешила подобными склонностями. Не исключено, что за них и пострадала: человека, который ведёт себя не как все, очень легко заподозрить в чём-нибудь преступном. Впрочем, преувеличивать роль моего тогдашнего эпатажа тоже не стоит: подставить меня постарались бы в любом случае...

Наскоро перекусив парой свежих булочек со специями (очко в пользу служанки), я вышла из дома и неспешной походкой направилась в сторону резиденции архиепископа. Если мои рассуждения были верны, именно ему в планах Охотника выпадала роль четвёртой жертвы. Так что побеседовать с главой эльмирской церкви представлялось не лишним.

Дом главы эльмирской церкви, по сути — практически дворец, располагался по соседству с главным столичным храмом, купола какового посверкивали на солнце. Внутрь меня пропустили довольно быстро: заблаговременно справленных и вручённых мне давеча документов было для этой цели вполне достаточно. А вот дальше начались сложности. Меня проводили в небольшую комнату ожидания, предложили напитки и предоставили самой себе. Впрочем, ненадолго. Прошло минут пять, прежде чем в комнату вошёл мужчина, одетый в традиционную серебристую рясу с длинными рукавами, почти подметавшими пол. Специально проделанные прорезы позволяли высвободить кисти рук, и служитель богов встал передо мной, сцепив пальцы в замок.

— Что привело тебя в этот дом, дочь моя? — спросил он, склоняя голову набок.

— Мне нужно поговорить с архиепископом.

В том, что ко мне вышел другой человек, рангом пониже, я не сомневалась ни на секунду. Об этом свидетельствовала как одежда, так и манера держать себя. Это был помощник, возможно, секретарь или кто-то вроде распорядителя, но точно не верховный священнослужитель.

— Увы, его святейшество чрезвычайно занят в эти дни.

— И всё-таки я очень хотела бы увидеть его святейшество, — веско проговорила я.

— Хорошо. Я передам вашу просьбу архиепископу. Но большего обещать не могу. Его святейшество действительно очень занят в эти дни. Боюсь, это может не слишком хорошо сказаться на его здоровье, — печально добавил он.

Я подумала, что в некотором смысле разделяю эти опасения. Как бы занятость главы церкви не привела к фатальным последствиям для здоровья, пусть не по тем причинам, которые имел в виду преданный помощник.

— Быть может, вы захотите передать архиепископу краткую записку с изложением вашего дела? — предложил церковник. — Это могло бы помочь.

— Хорошо, — кивнула я.

Пересела за соседний столик, на котором имелась как бумага, так и пишущие принадлежности, и вывела на шершавом прямоугольном листе несколько строк.

«Ваше святейшество,

Просим Вас уделить мне несколько минут Вашего бесценного времени.

Подробности нельзя доверить бумаге, но речь идёт о небезызвестном вам артефакте. Я предполагаю, что Вашей жизни угрожает опасность.»

На этот раз ждать пришлось значительно дольше, но ответ снова меня не порадовал. Заслышав шаги, я понадеялась увидеть в дверном проёме золотую сутану, но вместо этого пришлось довольствоваться серебром: в комнату снова вернулся всё тот же помощник.

— Увы, — развёл руками он. — Его святейшество внимательно ознакомился с вашим письмом. Он просил передать, что чрезвычайно ценит вашу заботу о нём и то важное дело, которым вы занимаетесь. Но его сегодняшнее расписание никак не позволяет выделить время для дополнительной встречи. Архиепископ предлагает вам прийти к нему в пятницу и разделить с ним обеденную трапезу. Это позволит обсудить столь важную тему без излишней торопливости.

— Но, — я взволнованно вскочила на ноги, — дело не требует отлагательств. Речь идёт о его, архиепископа, жизни и смерти! Неужели он этого не понял?

— Он всё понимает, — примирительно, улыбаясь моей эмоциональностью, отвечал священник. — Но его удерживают слишком важные заботы. Сегодня он встречается с главами церковью нескольких государств. Есть также несколько дел частного характера, которые наш архиепископ не готов отложить. Речь идёт о тяжело больных людях, которые пришли сюда с просьбой об исцелении. В их случае не только часы, но и минуты ожидания могут стать роковыми.

Помощник немного помолчал, предоставляя мне возможность оценить важность причин вынужденной отсрочки.

— Его святейшество также просил передать, что понимает, о каком артефакте идёт речь, и постарается позаботиться о его сохранности. Что же касается охраны резиденции, то ею ведаёт дворцовая система безопасности. И, разумеется, если его величество сочтёт, что требуется внести какие-то изменения, архиепископ не будет возражать. Однако его святейшество считает, что и резиденцию, и храм охраняют достойнейшие люди, которые прекрасно справляются со своими обязанностями. Он не имеет никаких причин не доверять этим людям. Всё это, разумеется, его собственные слова. Что же касается возможной угрозы, архиепископ согласен, что такое предположение не лишено оснований, но считает, что на всё воля божья.

Я резко выдохнула. Очень хотелось в доверок закатить глаза и выругаться, в идеале не слишком цензурно, но этого я себе позволить не могла. Охотник мог нанести удар в любой момент. Казалось, мы его опередили, но теперь выходило, что он получал все шансы опередить нас.

Делать, однако же, было нечего, и я сочла за лучшее удалиться, впрочем, настойчиво протранслировав священнослужителю, что архиепископ или его представители должны обратиться ко мне в случае любых мало-мальски странных или подозрительных происшествий.

Погоду в столице я могла бы назвать тёплой, если бы не промозглый ветер, то забиравшийся под куртку и подхватывавший дремлющие на мостовых листья, то снова стихавший, как не бывало. Небо всё больше пряталось за облаками, но иногда и приоткрывалось, стеснительно поглядывая на шествующих по делам прохожих. Май — коварный месяц. Ни в чём нельзя быть уверенным до конца, нигде не стоит искать стабильности... Даже когда идёшь себе спокойно по городу, никого не трогаешь, есть шанс внезапно наткнуться посреди улицы на принца. Да, предполагаю, что шанс невысокий, но мне на этот раз «повезло».

Его высочество Орвин дель Фронси в своём рыжеволосом облике путешествовал верхом, но, завидев меня, спешил и перебрал поводья не то охраннику, не то слуге, каковых его сопровождало целых двое. Я недовольно поджала губы.

— Всё-таки разыскали меня? Неужели во дворце не нашлось важных государственных дел?

— Вы — сама любезность, — заверил принц, подстраиваясь под мой шаг.

Шагала я быстро, но избавиться от навязанного общества это не помогало.

— Любезность, изящество, хорошие манеры — не мои сильные стороны. Говорю же: возвращайтесь во дворец. Там масса придворных дам, которые, уверена, с радостью продемонстрируют вам эти качества.

— Зато ни одна из них не станет так смело при мне раздеваться.

— Это заявление не делает вам чести, — парировала я, заставив Орвина сердито прищуриться. — Но я, видите ли, могу не только это. Я способна ещё и стилетом ткнуть, если мне что-нибудь не понравится.

— Меня в том числе? — приподнял брови он.

— Вас в не последнюю очередь. Можете передать это своему отцу. О подробностях нашего увлекательного путешествия вы ведь ему уже сообщили?

— Можете в этом даже не сомневаться.

— Я и не сомневаюсь. — Я скривилась, стараясь своим внешним видом продемонстрировать, как отношусь к доносчикам. — О том, как отважно бросились в гущу битвы, тоже рассказали?

— Я не вдавался в такие детали.

— Жаль.

— Отчего же?

— В этом случае его величество запер бы вас в чулане, а я бы спокойно занялась делом в одиночестве.

— Вы очень его любите, верно?

— Кого? Его величество?

Я так опешила, что аж остановилась посреди дороги.

— Одиночество, — насмешливо поправил принц.

Сказав это, он продолжил путь, и мне пришлось поторопиться, чтобы его нагнать.

— Обожаю, — искренне ответила я. — Жить без него не могу.

— А как же ваш зелёный червяк?

Во фляге возмущённо булькнуло.

— Змий, — поправила я.

— Ну змий, — нехотя согласился принц.

— С ним очень комфортно. Он не дёргает меня, я не дёргаю его. Мы можем не разговаривать по несколько дней, если не о чем. Однако вернёмся к его величеству. Вы поведали ему о моём своеобразном доспехе?

— Конечно.

— И о том, как я внезапно вылезла во время боя из предмета вашей одежды?

— Чёрт, в ваших устах это звучит...интригующе. Но если в общих чертах, то да, рассказал.

— И о моих умозаключениях?

— И о них.

— Прекрасно, — похвалила я. — Из вас выйдет отличный доносчик.

— К чему всё это? — с раздражением спросил Орвин.

Я собиралась проигнорировать эту эскападу, но он схватил меня за руку, вынуждая остановиться и разворачивая к себе лицом.

— Чего вы добиваетесь? Этим вашим тоном, оскорбительными замечаниями, за которые я уже давно мог бы отправить вас в казематы? Пренебрежением, как будто ставите себя на сотню ступеней выше всех окружающих? Своим нелепым внешним видом?

— Чего добиваюсь? — прошипела я в ответ.

Голос понизила: на нас и без того начали обращать внимание. Принц тоже это заметил, отпустил моё запястье, и мы продолжили путь, шагая вровень, нога в ногу, но избегая смотреть друг на друга.

— Я всего лишь хочу протранслировать вам простую вещь, — процедила сквозь зубы я. — Мне не нравится ваш отец, вся ваша семья, эльмирское государство и — в особенности — его законодательная система. И то, что ко мне приставили доносчика, тоже не нравится. Можете так и передать его величеству. И вы, конечно же, передадите, но вот беда: он и без вас всё это отлично знает!

Я прицокнула языком и развела руками, дескать, тут вы ничего поделать не сможете.

— Я тоже это знаю, — заявил Орвин, прилагая видимые усилия, чтобы не повысить голос. — Но вы могли бы воздержаться от подобных замечаний. Не вам судить о законах государства. Не после

того, как вы это государство предали, продали его секреты иностранцам, а в довершок совершили ещё одно преступление, сбежав из тюрьмы вместо того, чтобы понести заслуженное наказание.

— А вы — большой любитель нравоучений, как я погляжу! — Я крутанулась на каблуках в его сторону. — Но вот что я скажу вам, папенькин сынок, а вы уж сами решайте, передавать это дальше или нет. Столь почитаемые вами законы существуют лишь для того, чтобы горстка богатых и могущественных людей — вроде вас — могла процветать и жить припеваючи. И вам легко восхвалять правосудие, сидя во дворце и получая решительно всё по мановению руки. Но не исключено, что однажды вашему отцу или старшему брату втемяшится что-нибудь в голову. И тогда в вашу дверь постучатся милые люди в форме и попросят вас пройти куда следует. И вы на собственной шкуре узнаете цену пресловутому закону. Вот после этого я готова снова встретиться с вами и подискутировать на тему эльмирского права.

Я ускорила шаг. Конечно, отделаться от нежеланного сопровождения это не позволяло, но как минимум я ясно дала понять, что разговор окончен.

Несколько минут прошло в молчании.

— Мне поручено пригласить вас во дворец, — сообщил наконец принц.

— Меня что же, вызывает Эдбальд?

— Нет. Отец считает, что вашего вчерашнего разговора было достаточно, а недостающую информацию вы можете получить от меня и, конечно же, от свидетелей. Впрочем, если захотите аудиенцию, он охотно вам её назначит.

— Выходит, увидеться с королём по нынешним временам проще, чем с главой церкви, — пробормотала я. — Но кто же горит желанием меня лицезреть?

— Сейчас проходит заседание королевского магического совета. Насколько мне известно, они совещаются с раннего утра. Отец подумал, что вы захотите туда заглянуть.

— Магический совет... — Я покатила эту фразу на языке, как фирменное вино, в качестве которого ещё только предстояло разобраться. — Ну что ж. Пожалуй, я тоже не против с ними встретиться. Пойдём пешком? Или мне будет лучше наведаться в конюшню?

— Думаю, мы сделаем проще. Один из моих людей уступит вам своего коня. Вы хорошая наездница, а ехать предстоит недалеко. Не думаю, что это составит проблему.

— Только тому бедолаге, которому придётся плестись на своих двоих, — напомнила я. Вряд ли принцы часто задумываются о подобных вещах. — Но вы правы: так будет лучше всего, а расстояние до дворца небольшое.

Сначала мы возвращались по той самой улице, которая прежде привела меня к архиепископу, затем свернули, забирая на восток. День давно вошёл в свои права, на центральных городских улицах толпилось немало людей самых разных сословий, конные и экипажи тоже встречались нередко, поэтому продвигались мы со скоростью улиток. Зря я пожалела слугу: пешком мы бы добрались если не быстрее, но точно ненамного медленнее.

Я решила воспользоваться затянувшейся дорогой, чтобы побольше разузнать о предстоящей встрече.

— Кто входит сейчас в магический совет? — спросила я у не отстававшего принца. — Состав изменился за время моего отсутствия?

— Меня здесь не было, когда вы...ушли, — напомнил Орвин, запнувшись перед последним словом. Решил не оскорблять меня более точными формулировками. — На данный момент магов в совете пять, и, насколько мне известно, двое из них появились во дворце сравнительно недавно.

— Зеркальщики двое? — уточнила я.

— Двое, — подтвердил Орвин. — Крон, он же — главный придворный маг, и Гилберт.

Я кивнула в знак того, что знакома с обоими. Старая гвардия. Оба приступили к службе при дворе задолго до того, как там появилась я. И, по-видимому, благополучно продержались на тёплых местах до сей поры. Вполне заслуженно, надо признать. Оба они были зеркальщиками высшего класса, и знала я об этом не понаслышке.

— Есть ещё Морвейн Шейд, он занимается всеми видами магии отражений... Если я правильно это сформулировал.

— Правильно.

Магия зеркал, теней и сновидений. Принцип работы имеет нечто общее: во всех трёх случаях специалист воздействует на отражение, погружается в соответствующую реальность и — как результат — меняет в настоящем мире нечто, это отражение отбрасывающее. Но на серьёзные изменения способен лишь специалист узкого профиля. Если этот Морвейн — мне кстати совершенно не знакомый — занимается всеми тремя видами, значит, ни в одном из них не ушёл дальше первой, начальной, ступени. Не хочу сказать ничего плохого: такие маги тоже нередко бывают полезны. Но унаследовать ключ он не мог. Тут кандидатов оставалось только два: либо Гилберт, либо Крон.

— Кто остальные? — любопытствовала я.

Мы ехали через рыночную площадь, и продвигаться теперь приходилось совсем уж медленно. Лошадям это крайне не нравилось. Мне тоже. Но был в безумном скоплении народа и позитивный момент: мы приближались к цели.

— Стихийники, — ответил Орвин, едва мы снова обрели возможность сблизиться и ехать рядом. — Ролтен специализируется на огне и воздухе. Флора — на воде.

Я задумалась, насколько это было возможно, двигаясь пусть уже не по площади, но по весьма людным улочкам.

Ролтена я знала ещё со времён своего пребывания во дворце. Он значительно моложе обоих зеркальщиков и, конечно, не так опытен, но всё равно не новичок в магическом деле. Водная стихийница Флора была мне неизвестна. Но наличие в совете женщины в целом радовало.

Вскоре мы добрались до королевской резиденции. Охрана у ограды быстро расчистила место от зевак, нас же с Орвином уважительно пропустили. По идее полученный мною пропуск должен был открывать почти все двери, но я подозреваю, что всё прошло столь легко по другой причине. Просто принца здесь умели опознавать даже в личине.

В зале совета почти ничто не изменилось. Те же высокие колонны, крепкие двери (наследие замков, где буквально всё создавалось с учётом возможного нападения), стулья с изогнутыми ножками и мягкой коричневой обивкой, длинный стол, огромная люстра, ни разу на моей памяти не использовавшаяся во всей полноте своих возможностей. Профессиональные маги в большинстве своём не любят слишком яркого света, равно как и неоправданных трат на свечи.

Королевский магический совет был в полном сборе, причём судя по многочисленным записям, бокалам и усталому виду отдельных его членов, заседание длилось долго. Моё появление было встречено всеобщим молчанием.

— Дамы и господа! — Я заговорила у самого входа и продолжала, быстрым шагом пересекая зал. Полагаю, Орвин следовал за мной, но это не более чем логический вывод: сама я его перемещения не отслеживала. — Надеюсь, моё появление не слишком отвлекло вас от важных государственных вопросов. Я бы не стала вам мешать, но дело, с которым я пришла, не менее важное. С некоторыми из вас мы незнакомы, поэтому представляю: Йоланда Блэр, зеркальщик, ступень посвящения — третья.

Упрощённая, можно сказать, слэнговая формулировка «зеркальщик» наверняка оскорбила отдельных представителей нашей профессии, но это нисколько меня не расстраивало.

— Очень приятно. — Единственная в совете женщина первой встала и протянула мне руку. — Флора Тсенн, маг-стихийник. Специализация — вода. Пятая ступень посвящения.

Количество научных рангов, а, стало быть, и значимость каждой новой ступени, разнилось в зависимости от вида магии. В работе со стихиями пятый уровень — максимальный, что давало крайне высокую оценку профессионализму Флоры. Впрочем, для члена придворного совета это было предсказуемо. В зеркальной же науке в теории самой почётной считалась четвёртая ступень. Вот только на практике до четвёртого уровня глубин никто не добирался уже много веков, ибо путь туда был один — через Первозданное зеркало. А получить к нему доступ было, по понятным причинам, фактически нереально. Поэтому де факто высшей ступенью посвящения оставалась третья.

— Морвейн Шейд, — представился высокий мужчина, сравнительно молодой, но и достаточно зрелый для того, чтобы успеть пройти обучение и приобрести необходимый для дворцовой службы опыт. — Мы незнакомы, но я о вас слышан.

Не знаю, какими мыслями сопровождалась последние слова, но прозвучали они уважительно.

— А вот мы знакомы, — вмешался также поднявшийся из-за стола Гилберт. — И позволю себе отметить: я рад снова видеть вас, Йоланда.

Я склонила голову, принимая его приветствие, но пока не решив, как именно следует относиться к такому дружелюбию. Вот с поведением нашего третьего коллеги, Крона, было, пожалуй, значительно проще.

— А я совершенно этому не рад, — ворчливо произнёс он, сверля меня неприязненным взглядом из-под морщинистых век. — По моему мнению, вас не следовало снова пускать ко двору.

— Дейл! — укоризненно нахмурился Гилберт, но Крон пропустил его замечание мимо ушей.

— Его величество имеет своё мнение и, похоже, оно не совпадает с вашим, — осадила зеркальщика я. — Вы можете сообщить ему об этом, если пожелаете.

На это магу ответить было нечего. Эдбальд не любил, когда с ним не соглашались, хотя готов был выслушать спорщика, если дело касалось по-настоящему важных вопросов. Но уж точно не таких, как нынешний.

— Король нанял меня для расследования дела, подробности которого не подлежат огласке. — Я сочла, что лучше будет поскорее перейти к главному. — Но, я уверена, всем вам хорошо известно, о чём идёт речь. Вы — сведущие люди, не чуждые политики и умеющие интерпретировать факты. Поэтому предлагаю не ходить вокруг да около, а сразу поговорить начистоту. Это сэкономит нам всем много времени. Что скажете?

На сей раз молчание продлилось недолго.

— Кто-то охотится за ключами от Первозданного зеркала. — Удивительно, но из всех пятерых заговорить решил именно Крон — последний, от кого я ожидала содействия. Голос звучал глухо, словно слова давались магу с трудом. Но я точно знала: дело тут не в почтенном возрасте и не в самочувствии (этот жук ещё меня переживёт), а в серьёзности поднятой темы. — Трое хранителей убиты — или устранены. — Поправка несомненно касалась неизвестной до сих пор судьбы итрандийского посла. — О связи между этими преступлениями многие догадываются, особенно из тех, кто посвящён в тайну ключей. Так что тратить время на игры в молчанку действительно не имеет смысла.

— Благодарю вас, — сдержанно кивнула я, не питая, впрочем, иллюзий: разумное содействие со стороны Крона не следовало принимать за дружеский жест. — Итак, если тема нашего разговора ясна, я задам следующий вопрос. Вполне очевидно, что один из вас является хранителем четвёртого ключа. Может быть, вы готовы сказать, кто именно?

Теперь я внимательно наблюдала за присутствующими. На то, что один из них ударит себя кулаком в грудь и воскликнет: «Да, это я!», расчёта, разумеется, не было. Если этот человек хранил свою тайну до сих пор, не станет выдавать её и теперь. Меня скорее интересовало, посвящены ли в этот секрет остальные. Если судить по мимике, по прищуренным взглядам, по тому, как члены совета вертели головами, всматриваясь в лица друг друга, ответ представлялся отрицательным. Хотя говорить что-либо однозначно было нельзя: зачастую высококвалифицированные маги — те ещё артисты.

— Что ж, хорошо, — проговорила я, предоставив хранителю достаточно времени для признания, а себе — для наблюдений. — Этого следовало ожидать. Придётся пока действовать методом исключения. Уважаемая Флора, уважаемый Ролтен, могу ли я попросить вас продемонстрировать своё мастерство? Будет довольно любой малости.

Флора улыбнулась, Ролтен кивнул. Никто не стал спрашивать, зачем мне понадобилось подобное: это и так было очевидно. Никто не может обладать несколькими видами магии одновременно. Нет, работать и с огнём, и с воздухом — это пожалуйста, хоть и такое сочетание даров считалось довольно редким. Но всё-таки речь в обоих случаях шла о магии стихий, поэтому колдовской потенциал одного человека мог вместить две подобные направленности. Аналогично обстояло дело с разными видами магии отражений. Погружение в зеркала, тени и сновидения — в сущности взаимосвязанные процессы, и техники для их задействования применяются одни и те же. Но быть одновременно стихийником и, например, зеркальщиком невозможно. Слишком разнородные умения, совершенно не сочетающиеся между собой энергетические потоки. Всё равно, что иметь сразу два разных сердца, каждое из которых норовит перегонять кровь по-своему. Даже если допустить такое чисто теоретически, человеческий организм просто не в состоянии будет справиться с подобными особенностями.

Поэтому мне было достаточно увидеть собственными глазами, как член совета использует стихию воды, воздуха или огня, чтобы удостовериться, что он — не зеркальщик и, следовательно, никак не может обладать интересующим меня ключом.

Как я уже упомянула, возражать маги не стали, сотрудничали охотно. Флора развела в стороны руки — и от правой ладони к левой потянулась струя воды. Причём не по прямой линии, а описывая дугу над головой стихийницы. Чистая, прозрачная жидкость появлялась ниоткуда и точно так же

исчезала в никуда. Это действо продолжалось около минуты. Затем женщина взглядом спросила меня, нужно ли продолжать, я дала понять, что увидела вполне достаточно, и представление окончилось. Краткий поклон — и специалистка по водной стихии вновь заняла своё место за столом.

Следующим на очереди был Ролтен. В отличие от своей предшественницы, он, похоже, любил покрасоваться, поэтому начал с того, что демонстративно закатал рукава, повертел запястьями, а затем вскинул руку в резком, почти пугающем жесте. С его пальцев потянулись вверх, к потолку, огненные нити. Затем они стали переплетаться, образуя самые разнообразные фигуры: огненная пентаграмма, шар, ромб, форма, более всего напоминавшая кленовый лист, светящаяся стрела и, наконец, яркая птица, стремительно облетевшая зал и рассыпавшаяся у ног мага снопом искр.

— Желаете проверить и мои возможности? — поинтересовался Шейд после того, как Ролтен покинул воображаемую сцену.

— Если вас не затруднит, — пару секунд поколебавшись, кивнула я.

Маг встал, взялся рукой за спинку собственного стула, отбрасывавшего вглубь зала длинную тень. Из-за особенностей освещения она сильно искажала очертания оригинала. Воздействовать на реальность с её помощью было бы нелегко: пришлось бы с математической точностью определять все отклонения. Сложные вычисления требовалось производить и при работе с зеркалами, в особенности — с кривыми, погружающими на второй уровень. Не напрасно в программу факультета отражений непременно включали несколько курсов по математике, хоть это и огорчало порой романтически настроенных студентов.

Впрочем, на сей раз Шейд не стал ничего менять. Он просто шагнул в тень — и исчез. Я поймала себя на том, что с интересом и некоторой долей тревоги (результат давно приобретённого инстинкта) оглядываю зал. Откуда появится маг? Не вырастет ли из-под земли прямо за моей спиной? В итоге всё оказалось проще. Морвейн вышел из тени, которую отбрасывал чахлый фикус, росший в горшке шагах в двадцати от упомянутого выше стула. Я благодарно кивнула, он улыбнулся и проделал обратный путь обычным способом.

Что ж, говоря откровенно, эта демонстрация, в отличие от предыдущих, ничего не доказывала. Да, конечно, я увидела, что Шейду подвластна магия теней. Из этого следовало, что он — специалист широкого профиля. Иными словами, умеет всего понемногу. Магическая энергия распыляется между несколькими взаимосвязанными сферами, позволяя достигнуть в каждой из них неплохих результатов...но не более. К примеру, зеркальные глубины доступны ему на первом уровне, возможно, на втором, но вряд ли на третьем. А, значит, маловероятно, что именно Морвейн стал хранителем ключа... Ключевое слово — «маловероятно». Гарантии всё равно не было. Как ни крути, он занимается магией отражений и, пусть чисто теоретически, мог бы унаследовать артефакт...

— Больше никто ничего не хочет мне сказать? — исключительно для проформы полюбопытствовала я, когда все пятеро членов совета снова сидели на своих местах.

— Я надеюсь, вы не рассчитываете, что я стану показывать вам фокусы наподобие циркача? — ворчливо осведомился Крон, нисколько не беспокоясь о том, что его слова вполне могли обидеть тех его коллег, что согласились пойти мне навстречу.

Гилберт покосился на него с видимым неодобрением.

— В этом нет необходимости, — с фальшивой улыбкой заверила я. — Ваши способности мне известны. Ну что ж, господа, подведём итог. Один из вас хранит ключ от Первозданного зеркала, но не желает сей факт афишировать. Я могу его понять. Но крайне рекомендую в ближайшее время обратиться ко мне тет-а-тет. Или переговорить с его высочеством, если довериться мне этот человек не рискует. Не забывайте, что за ключом, а, следовательно, и за вами, ведётся охота. А мы не сможем предоставить хранителю защиту, если не будем знать, кого защищать.

— Вы полагаете, — скептически проворчал Крон, — что можете такую защиту обеспечить? Хранитель ключа, кем бы он ни был, — сильный маг. Полагаете, Йоланда, что вы — сильнее?

— Нет, — покачала головой я. Затем сочла нужным уточнить: — Возможно, но совсем не факт. Я просто полагаю, что два зеркальных мага сильнее одного. Особенно когда речь идёт о борьбе с таким...талантливым Охотником. Однако моё дело предупредить. Решение за вами, господа. На этом позвольте откланяться. Я и так задержалась дольше, чем планировала.

Я двинулась в направлении выхода, но, не дойдя всего с десятков шагов, резко развернулась. Принц, следовавший за мной попятам, едва не врезался мне в спину.

— Чуть не забыла, — всплеснула руками я и вернулась назад, правда, всего на пару метров. — Четыре с половиной года назад один из вас, господа...как бы выразиться точнее...обеспечил мне весьма интересную жизнь.

Лица членов совета, и без того напряжённые, теперь словно окаменели. Стали особенно хорошо видны морщины, не пожалевшие Гилберта и Крона: магия магией, но возраст брал своё. Скулы Ролтена заострились. Флора и Морвейн оставались, пожалуй, спокойнее остальных, но тоже взирали на меня с ярко выраженной настороженностью.

— Я не говорю о тех, кто оборудовал мою камеру, — между тем продолжала я. — Вы выполняли свой долг, и я не имею к вам никаких претензий. Но кто-то, — я медленно обвела взглядом присутствующих, — лично позаботился о том, чтобы я туда попала. Так вот, для этого человека — одно маленькое уточнение. Всепрощение не входит в число моих сильных сторон.

Я напоследок улыбнулась, не менее фальшиво, чем прежде, и покинула зал, больше не останавливаясь. Принц вышел следом, чертыхаясь сквозь зубы.

— О чём вы думали? — напустился на меня он, когда мы отделились от зала совета. — Испортили отношения с магами? Как раз теми, кто мог оказать помощь в расследовании?

— Испортила? — удивлённо приподняла брови я. — Чтобы испортить отношения, они для начала должны быть хорошими. Это во-первых. А во-вторых, о какой помощи в расследовании может идти речь? Кто такие в нашем деле эти маги?

— Кто? — раздражённо спросил Орвин.

— Для начала, один из них — хранитель ключа. То есть — жертва. Будущая, или потенциальная. Кроме того, один из них вполне может оказаться нашим Охотником.

— Почему вы так думаете? — уцепился за мои последние слова принц.

Выражение недовольства разом слетело с его лица.

— Ну кто-то ведь должен оказаться Охотником, — усмехнулась я. — И, поверьте, это будет не огромный варвар с луком и стрелами, а, к примеру, морщинистый старичок с мудрыми глазами и правом входить во дворец в любое время суток. А может, милая девушка с чарующей улыбкой, как знать. В одном мы можем быть уверены: этот человек — очень сильный зеркальный маг. Даже не говоря обо всём, что ему уже удалось совершить, слабаку попросту нечего делать с Первозданным зеркалом, хоть бы он не семь, а семнадцать ключей от него получил. Он умён, талантлив и незауряден. И как минимум два таких мага остались сидеть в зале, из которого мы только что вышли.

— Вы полагаете, Крон или Гилберт...

Похоже, принцу не слишком в подобное верилось, но и отметить такой вариант сейчас, после того, как я его озвучила, Орвин не спешил.

— Я не знаю, — честно ответила я. — Пока на них не указывает ничто, кроме незаурядного магического уровня. Но снимать такую версию со счетов точно нельзя. Так что в том зале, — я слегка отклонила голову назад, — остались не напарники-дознаватели, ваше высочество. Там осталась потенциальная жертва и потенциальный преступник. Вести расследование вместе с любым из них, по меньшей степени, нелогично.

Принц поджал губы: видимо, всё ещё считал, что я повела себя с магами неправильно.

— Куда отправимся теперь? — холодно спросил он.

— В институт, разумеется, — в тон ему откликнулась я. — Последний ключ принадлежит им. Не считая королевского, разумеется. Но вряд ли мне удастся допросить членов королевской фамилии.

В лицо подул свежий ветер, стало зябко. В жилые покои меня никто не приглашал, а, значит, чтобы покинуть дворец, следовало пройти по арочному коридору, одной стороной выходящему наружу и незастеклённому. Сразу стало шумно. Слуги перекрикивались между собой, кто-то вёз скрипучую тележку, вдалеке заржала лошадь, и кто-то витиевато выругался: должно быть, чуть не попал под копыта.

— Кстати сказать, эти двое вполне могут оказаться одним человеком.

Не знаю, зачем я произнесла это вслух. Обдумывала про себя — и обдумывала, к чему обсуждать предположения с кем попало? Неужели возникло желание поделиться своими мыслями, после стольких-то лет? Или я просто захотела сгладить напряжённость, протянувшуюся между мной и принцем наподобие туго натянутой струны?

— Как это понимать? — нахмурился он.

— Охотник и жертва. Вам не приходило в голову, что преступником может оказаться обладатель

одного из артефактов?

— Честно говоря, нет. Почему вы так решили?

Я неопределённо пожала плечами.

— Для начала, он должен был откуда-то узнать о ключах. Общедоступной я бы эту информацию не назвала, хотя в магических кругах осведомлённых, конечно, немало. Ну и потом, знаете, с чего начинается большая часть коллекций? Человеку в руки совершенно случайно попадает один предмет или два. Старинная монета, кинжал с вычурной рукоятью...или, например, древний артефакт. На улице нашёл, подарил кто-нибудь, или по наследство перепало. И в один прекрасный день приходит человеку в голову мысль: а не собрать ли побольше?

Я многозначительно посмотрела на принца.

— Думаете, один из семерых решил, что своего ключа ему мало, и было бы неплохо собрать полную «коллекцию»? — развил мою мысль тот. — Заполучить остальные шесть и открыть проход к зеркалу?

— Довольно красивая версия, не находите? — хмыкнула я. — Хотя, конечно, как и всё красивое, она вполне может оказаться несостоятельной.

— Вы так не любите красоту? — осведомился Орвин со свойственным ему (в отношении меня) неодобрением.

— Я в неё не верю, — поправила я. — Это разные вещи.

Глава 5. Институт магии и стихий

Принц явно схитрил, спросив меня во дворце, куда мы пойдём в следующую очередь. Когда мы вошли в приёмную и сообщили секретарю, что хотели бы поговорить с ректором, оказалось, что нас уже ждут. Стало быть, встреча была назначена заранее, а поскольку я этим не занималась, вывод напрашивался сам собой.

Разумеется, я успела испытать укол ностальгии при виде массивного каменного здания и аркообразного дверного проёма, величественность и архитектурная специфика которого навевала мысль о вратах старинных городов. Когда-то я сама училась в этом институте, и ничто в ту пору не предвещало последовавших событий, повернувших весь ход моей жизни в совершенно новом направлении. Однако болезненное покалывание в груди прекратилось так же быстро, как и началось. Каким бы знакомым ни был фасад, внутри слишком многое успело измениться.

Огромные массивные люстры с множеством свечей исчезли, уступив место более современным светильникам. От узкой металлической ножки расходилось в разные стороны семь лучей, каждый из которых увенчивался овальным плафоном. Пламя внутри поддерживалось и регулировалось при помощи стихийной магии, а источником служил огонь, круглосуточно поддерживавшийся в располагавшихся по периметру здания каминах.

Справа и слева от широкой, устланной красным ковром лестницы расположилась пара дюжин столов, предназначенных для желавших позаниматься в свободное время студентов. Об этом свидетельствовали и писчие принадлежности, и встроенные учебные наборы: небольшие зеркала, как обыкновенные, так и кривые; фигуры причудливых форм, которые, в сочетании с разнообразными лампами, использовались для создания теней; миниатюрные факелы для работы с огнём, и многое другое. В моё время это пространство пустовало, подчёркивая тем самым величественность старинного здания, чем-то напоминавшего храм и внушавшего трепет новичкам, а порой и старожилам. Теперь же место использовали более приземлённым, зато рациональным образом.

Кроме того, здесь было безумно много народу. Я, хоть убейте, не могла припомнить таких толп и такого гама, и с трудом удерживалась от желания потерянно схватиться за руку своего сопровождающего. Будто не я, а он был выпускником этого института. Временами то по лестнице, то в направлении какой-нибудь аудитории прокатывались целые людские волны, и я, привыкшая к отшельничеству, чувствовала себя более чем некомфортно. Неужели за последние годы число студентов возросло в несколько раз? Или мне попросту изменяет память, и оттого кажется, будто прежде «трава была зеленее»?

Ответ обнаружился, едва секретарь, тридцатилетняя женщина в массивных очках, слегка её старивших, предложила нам проследовать за ней в кабинет.

— Сегодня День открытых дверей, — с тщательно сдерживаемым и всё же проскальзывающим недовольством сообщила она. — Господин ректор чрезвычайно занят. Но для вас он, конечно же, нашёл время.

Я сделала вид, будто поправляю причёску, чтобы скрыть усмешку. Готова поставить семь магических ключей против хлебной крошки, время в забитом под завязку расписании искал не ректор, а именно секретарь. Оттого она так и сердита. А может, действительно радеет за измотанное вконец начальство. День открытых дверей — штука без сомнения нервная. Даже меня проняло, а мне всего-то и требовалось, что подняться по лестнице да пройти по коридору. А тут — всю ораву абитуриентов, многие из которых, кстати сказать, пришли с родителями, — приветить, снабдить листочками с ключевой информацией, распределить по аудиториям, заинтересовать, и по возможности убедить в том, что именно этот магический институт — самый лучший. И как только нас согласились принять в такой день? Впрочем, догадываюсь, как: принцам в их ненавязчивых пожеланиях не отказывают. Может, стоит предложить Орвину стать моим секретарём, когда всё закончится? В этом качестве ему просто-таки не будет равных. Впрочем, вряд ли он оценит такое предложение.

Профессор Исберт Крофт оказался мужчиной за сорок, долговязым, светловолосым и слегка рассеянным, хотя последнее вполне могло быть связано с волнением, буквально посверкивавшим сейчас в его глазах. В придачу он вечно теребил пуговицу расстёгнутого камзола и отвлекался от этого процесса лишь для того, чтобы не менее нервно пропустить через пальцы длинноватую чёлку.

— Я рад приветствовать вас в нашем институте, ваше высочество, и вас, госпожа...

Он запнулся, отчаянно пытаясь вспомнить моё имя, и я, пожалев беднягу, подсказала:

— Йоланда Блэр. Можно просто Йоланда: как-никак, я ваша выпускница.

— В самом деле? — оживился Крофт.

— Ну, строго говоря, это было во времена предыдущего ректора. Но да, я закончила обучение в этом институте.

— Очень рад это слышать. А может быть... — Его глаза сверкнули безумным блеском, и я уж было подумала: а не родилась ли в мозгу исследователя гениальная научная идея, которая теперь заставит его начисто забыть о нашем присутствии? Но ректор развеял мои опасения, спросив: — А не хотели бы вы рассказать нашим абитуриентам о своём опыте? На каком отделении вы обучались, что вам понравилось, что не понравилось (хотя об этом, конечно, лучше бы поменьше), что особенно запомнилось? Вы не волнуйтесь, длинная лекция не нужна. Так, минут на сорок, больше, я думаю, не надо...

Секретарь, оставшаяся в кабинете, кашлянула, и ректор мгновенно сник.

— Ах, да, я понимаю, вы здесь не за этим, — печально констатировал он. — О чём же вы хотели поговорить?

Я с сомнением покосилась на секретаря.

— Доктор Крофт, может быть, нам будет лучше побеседовать наедине? Дело, по которому мы пришли, довольно щепетильное.

— О, вы можете смело продолжить при магистре Торренс, — с улыбкой заверил ректор. — Она в курсе всех дел института, да и моих тоже. В том числе и щепетильных.

Я задумчиво закусила губу. В целом, эти слова лишь подтвердили мои предположения: всё, что будет сказано в этом кабинете, очень быстро станет известно и секретарю, даже если я тысячу раз повторю фразу «государственная тайна». А если так, стоит ли мучиться? Скажу я не более, чем необходимо, а дама не производит впечатление болтливой. Если же она как-то замешана в истории с убийствами... Что ж, тем лучше. В нашем случае взбудоражить преступника — совсем не плохая затея.

— Хорошо. Речь пойдёт о некоем артефакте, на протяжении многих веков хранимом магами из института. Одним из семи, — многозначительно добавила я. — Полагаю, вам известно, что это за предмет?

— Ключ от Первозданного зеркала, — подала голос секретарь.

То ли отвечала нам, то ли подсказывала своему начальнику.

— Да, конечно, — уверенно подтвердил тот. Похоже, в данном конкретном случае подсказки ему не требовались. — Сразу после создания ключей один был вручён руководителю нашего института. С тех пор хранителями становились главным образом наши преподаватели.

— Сейчас он у вас? — поинтересовалась я.

Крофт с лёгкой улыбкой покачал головой.

— Что вы! Я не имею никакого отношения к зеркальной магии. Моя специализация — вода. — Он любовно поглядел на кубок, до середины наполненной вышеупомянутой жидкостью. — Кстати, может быть, вы хотите пить? Со всей этой беготнёй я совсем позабыл о законах гостеприимства.

— Не нужно. — Мне совершенно не хотелось отвлекаться от темы. Принц тоже покачал головой. — В таком случае, знаете ли вы, у кого ключ хранится в данный момент? Это очень важно, и для нас, и для хранителя.

— Не имею ни малейшего представления. Это правда, — добавил Крофт, быть может, заметив выражение недоверия на лице Орвина. — Мой предшественник был человеком умным, высоко профессиональным, но, как бы это сказать...себе на уме. Он занимался зеркальными глубинами, и, став ректором, естественно, получил артефакт. Но, когда пришло время назначить преемника, он предпочёл сохранить всё в тайне.

— Но вы уверены, что преемник действительно был назначен?

— Когда профессор Дэггарт — это наш бывший ректор — скончался, ключа при нём не нашли. Кроме того, он, к сожалению, болел и знал, что смерть не за горами. А профессионализма и ответственности этому человеку, поверьте, было не занимать. Так что он нашёл нового хранителя, в этом я нисколько не сомневаюсь.

— И у вас нет никаких предположений, кто бы это мог быть?

— Ни малейших, — признался нынешний ректор. По его лицу пробежала тень, он нахмурился, словно только сейчас осознал, что ему по должности положено было озадачиться этим вопросом.

Затем пожал плечами и заключил: — Я действительно этого не знаю.

— А вы? — обернулась я к женщине, представленной как магистр Торренс.

В самом деле, кому знать обо всём, что происходит в институте, как не секретарю?

— Нет, — качнула головой та. — Но я могу составить список наиболее вероятных кандидатур.

В её руке мгновенно появился блокнот, и по бумаге заскользило автоматическое перо, не нуждающееся в чернилах. Точнее, чернила появлялись на кончике сами собой, черпаемые из ближайшего источника. Одна из простейших бытовых разработок, кстати сказать, если не ошибаюсь, относившаяся именно к водной магии.

— Длинным список не будет, — продолжала секретарь, проявив недюжинную деловую хватку. — В штате не слишком много зеркальчиков. Покойный профессор Дэггарт был одним из сильнейших. Декан Джейкоб — тоже специалист с мировым именем. Из старших преподавателей я смогу предложить два, максимум три имени. Все остальные, включая читающих лекции аспирантов, — теоретики, и вряд ли вам подходят. Вас интересуют студенты?

— Старшие курсы — вполне, если у них хорошая практическая подготовка, — откликнулась я, всё ещё прокручивая в уме фамилию «Джейкоб». Непохоже, чтобы нынешний декан преподавал в институте во времена моей учёбы. — Хранитель должен уметь работать с третьим уровнем глубин. Что касается остальных студентов... Первый год — точно нет, второй и третий — возможно, но только если речь идёт о настоящем самородке. Такому профессор хотя бы чисто теоретически мог передать ключ.

— Через два часа список будет готов, — кивнула магистр Торренс, внося в блокнот последние записи. — Я занесу его вам на проверку, — добавила она, обращаясь к ректору.

— Не стоит, Дэлла, я вам полностью доверяю, — возразил тот.

— Действительно не стоит, — поддержала я. — Будет лучше, если каждый из вас составит собственный список. Профессор Крофт, ещё один вопрос. Вы сказали, что специализируетесь на воде. Могу я попросить вас это продемонстрировать? Надеюсь, такая просьба вас не обидит. Поскольку главный претендент на хранение ключа — ректор, мы просто обязаны убедиться.

Я развела руками, постаравшись изобразить как можно более виноватый вид. Покосилась на Орвина. Тот, кажется, счёл мою просьбу разумной и возражений не имел.

А вот ректор почему-то напрягся. Черты лица заострились, на щеках проступили красные пятна, плечи ссутулились. Я быстро оглянулась на секретаря. По-моему, она тоже забеспокоилась, но это было не так заметно.

— Что-то не так, доктор? — осведомился принц.

Видимо, тоже почувствовал неладное.

— А? — Крофт дёрнулся, словно очнулся от дрёмы. — Нет, что вы! Всё в порядке. Конечно, если нужно, я покажу.

Судорожно сглотнув, он принялся закатывать рукава.

— Следите за девушкой, — шепнула Орвину я, пользуясь тем, что ректор занят приготовлениями. — Нам надо удостовериться, что она не станет колдовать за своего начальника.

— А как я об этом узнаю? — прошептал в ответ принц.

— Смотрите на её руки. В стихийной магии необходимо делать пассы.

— Я г-готов, — запинаясь, проговорил Крофт. — Вас интересует что-то определённое?

— Нет. — Я постаралась улыбнуться как можно более беззаботно. — Любая мелочь. Призвать воду или что-нибудь в таком духе.

Ректор кивнул, сосредоточился, глядя на стол, затем вскинул голову и резко поднял руки, одновременно раскрывая ладони. Лёгкое свечение, обозначившееся вокруг пальцев, не оставляло сомнений в том, что мы наблюдаем настоящее колдовство, а вовсе не обманное показательное выступление.

Ощущение, будто в комнате потемнело, заставило повернуться к окну. Там по-прежнему синело безоблачное небо, но солнца видно не было. Оно и немудрено: не так давно минул полдень, а, значит, чтобы увидеть светило из здания, пришлось бы лезть на крышу. Но что-то мне

подсказывало: в данный момент мы обнаружили бы там одинокую тучу.

Грянул гром. По крыше застучали редкие, но, похоже, крупные капли. Крофт опустил руки, сосредоточенно глядя перед собой. И в этот момент снаружи полило. Казалось, будто неведомый гигант-уборщик окатывал окна ведрами воды. Сверху теперь барабанило так, что хотелось зажать ладонями уши. Я даже ощутила вибрацию. На деревянной полке качнулась диковинная фигурка, сделанная из ракушек.

— Странно, — виновато улыбнувшись, проговорил ректор. — Вообще-то я хотел, чтобы вода появилась не снаружи, а здесь, в кабинете...

Выражение ужаса на лице секретаря я заметила прежде, чем успела сообразить, что значат эти слова. Шум сделался сильнее, в потолке образовалась трещина, а затем кусок крыши попросту рухнул вниз, и нас залило... Нет, это были не ведра. Скорее, волна, а может быть, даже цунами обрушилось на нас с небес. За каких-нибудь десять секунд воды набралось по щиколотку. Я мысленно порадовалась, что имею привычку носить сапоги, а не туфельки на шпильках, вон, как у магистра Торренс. Мы разбежались в стороны, подальше от эпицентра стихийного бедствия, но всё равно вымокли до нитки. Принц грязно выругался, секретарь решительно направилась к двери...

— Дэлла, нет! — остановил её Крофт. Сейчас он казался значительно более собранным, чем пятью минутами ранее. — Так мы рискуем затопить весь институт. Неизвестно, сколько это продлится. Лучше, наоборот, запечатайте вход, чтобы ни капли наружу не протекло. Справитесь?

— Конечно, — намного спокойнее, чем можно было ожидать в такой ситуации, ответила девушка и занялась исполнением приказа.

Её рука заскользила вдоль косяка. Дверь будто срослась со стеной, полом и потолком, превратившись в неотъемлемую часть здания. Видимо, секретарь тоже была стихийницей: в подобной магии наверняка задействовалась сила земли.

Между тем ректор пересёк помещение, чтобы добраться до окон.

— Если понадобится, выберемся отсюда.

Он прикоснулся к стеклу, но открывать пока не спешил: снаружи по-прежнему лило, как из ведра.

Светопреставление внутри тоже не думало прекращаться. Воды было уже по колено, по озеру, в который превратился кабинет, плавали недавние документы, писчие перья, лёгкие фигурки, упавшие-таки с полки. А заодно туфли магистра Торрент, которые она благоразумно предпочла снять. Хорошо ещё, что вода оказалась не слишком холодной.

Я прикидывала, сумею ли вывести всех четверых через мир отражений, в который легко можно было попасть через заполнявшую кабинет воду (да и зеркало на стене, к слову, имелось). Беда заключалась в том, что из присутствующих способности к зеркальной магии имела я одна, и «тянуть» за собой троих было бы трудновато.

— Господин ректор, вы можете это остановить? — крикнула я, стараясь перекрыть шум бьющего в центр комнаты потока.

Отрицательный ответ был практически очевиден, но спросить всё-таки стоило.

— Увы! — Крофт забрался на подоконник и теперь смотрел в окно, изучая пути отхода. — Если заклинание выходит таким мощным, отмена мне неподвластна. Но не беспокойтесь: здесь не слишком высоко и очень прочная водосточная труба. Её установили всего полгода назад. Сам не знаю, зачем я такую заказал: не иначе, интуиция. Ваше высочество, поможете мне в случае необходимости?

— Разумеется!

Принц, к его чести, не стал высказывать возмущение теми неудобствами, которым подвергли его высокопоставленную особу, сосредоточившись вместо этого на решении проблемы.

— Отлично! Один из нас должен будет выбраться первым, а второй — замыкать. Дам пропустим посередине.

— Что, чёрт подери, у вас здесь творится?

Появление нового действующего лица в закрытом помещении в первый момент поразило нас с принцем, хотя, сказать по правде, мне следовало догадаться о такой возможности. Мы дружно обернулись к широкому настенному зеркалу. Сейчас, помимо отражения царившего кругом бедлама, в нём можно было увидеть мужчину, который, в свою очередь, внимательно осматривал

кабинет. Он был определённо старше нашего ректора; морщины на подвижном лице свидетельствовали о том, что его обладатель нередко пребывает в дурном расположении духа. Каштановые с отливом в рыжину волосы были взъерошены, а ещё более рыжую бороду с вкраплением седых «колючек» не мешало бы подстричь.

— А, это вы, профессор! — Крофт, в отличие от нас с Орвином, не удивился ни капли. — Я уж думал, вы не получили уведомления об опасности.

— Как видите, получил.

Новоприбывший профессор продолжил рассматривать комнату, предусмотрительно не предпринимая попытки выйти из зеркала.

— Значит, вы не очень спешили, — раздражённо заметил ректор.

— Трудно, знаете ли, бросить всё, когда на вас взирает добрая сотня абитуриентов. — Тон подсказывал мне, что от участия в Дне открытых дверей рыжеволосый профессор был не в восторге. — Пришлось быстро сворачивать речь и передавать инициативу ассистентам. Помяните моё слово, они непременно напортачат. Ладно, что тут у вас?

— Будто вы не видите.

Крофт по-прежнему не лучился дружелюбием. По-моему, эти двое вообще были не в восторге друг от друга, но сотрудничать, тем не менее, могли.

— Ладно, сейчас попробую что-нибудь сделать. — Зеркальщик поводил руками туда-сюда, поглядел куда-то вверх, хмыкнул и снова переключился на ректора. — Да, натворили вы дел. Над вами огромная туча. Для начала придётся её убрать, потом подумаем, как быть с тем, что успело натечь.

Натечь, к слову, успело немало. Воды уже было почти по пояс. Хотя мы и намокли, играть в русалку никому не хотелось, так что мы с Орвином и Дэллой сидели на столе, а ректор расположился на подоконнике. Впрочем, с появлением коллеги он спрыгнул на пол, чтобы подойти ближе к зеркалу.

— Дверь закупорили? — деловито осведомился маг.

— Первым делом, — откликнулся Крофт, не сердито, но всё-таки холодновато.

Видимо, считал ответ слишком очевидным.

— Хорошо, — примирительно кивнул человек, расположившийся среди наших отражений. — Пойду работать.

— Вам нужна помощь?

Я тоже соскочила со стола, и тут же поморщилась: хоть мои сапоги и были высокими, вода попала за голенища, а брюки мгновенно прилипли к ногам.

— Вы что же, дитя, разбираетесь в зеркальной магии? — любопытствовал профессор.

— Немного, — ответила я, позабавленная его тоном, а также тем, как оценивающе он на меня посмотрел.

Словно учитель на абитуриентку.

— Что же вы тогда стоите? Заходите, — проворчал маг и, повернувшись к нам спиной, зашагал вглубь зазеркального пространства.

Я последовала за ним.

Далеко мы не продвинулись. Остановились, проделав всего несколько шагов, и развернулись. Нам открылся вид на постепенно затапливаемый кабинет, только сейчас мы словно смотрели на него с возвышения. Впрочем, так оно и было. Маг зашевелил руками, и изображение стало меняться. Потолок приблизился, затем ушёл вниз, за пределы поля нашего зрения. Его сменило синее небо, безоблачное с одним-единственным исключением: клубящейся чёрной тучей, из которой, собственно, и лились на крышу струи воды. Зрелище было совершенно неестественным, одновременно пугающим и завораживающим. Что ни говори, а способности свои ректор продемонстрировал сполна. Для того, чтобы вызвать такой потоп, надо быть очень сильным магом... пусть он и не рассчитал свои силы, будь то от рассеянности, волнения или по иной причине.

Соснувшись, я попыталась получше разглядеть источник аномалии. Это было сложно: мешала пелена дождя. Так или иначе, финала светопреставления ничто не предвещало.

— Насмотрелись? — Ворчливый голос зеркальщика вывел меня из оцепенения. — Я буду отводить воду в сторону, чтобы открыть доступ. Ваша задача — стереть тучу. Справитесь?

В глазах мага сквозило сомнение, он явно готовился к отрицательному ответу, но всё-таки давал мне шанс.

— Попытаюсь, — улыбнулась я.

Он кивнул.

— Ну что ж, тогда за работу. Времени у нас немного, иначе тот кабинет внизу превратится в аквариум, а наши с вами знакомые — в рыбок.

— Профессор Крофт продумал, как выбраться через окно, — сообщила я.

— Хорошо, что он хоть что-то продумал, — проворчал зеркальщик себе под нос.

Ему потребовалось примерно полминуты на концентрацию. Затем, повинувшись движению его ладоней, дождевая стена дрогнула и постепенно отклонилась в сторону, будто сдвигаемая мощнейшим порывом ветра. Маг определённо знал своё дело. Руки его едва заметно подрагивали: удерживать такую стихию было непросто. Из двух задач он, без сомнения, взял на себя более тяжёлую.

Следовало поспешить. Я сжала пальцы, казалось бы, хватая воздух, но в кулаке возникла ручка инструмента, слегка напоминавшего малярную кисть. Но вместо щетинок на конце было нечто вроде огромной стирательной резинки. Задрав голову, я принялась тереть изображение тучи. Постепенно, сантиметр за сантиметром, чернота поддавалась и исчезала, уступая место блёклой голубизне.

— Интересное решение, — хмыкнул зеркальщик. — Смотрите, дыру в небе не протрите.

Я фыркнула, оценив шутку. Такого эффекта даже с четвёртого уровня глубин не добиться, не говоря уже о первом, где мы сейчас находились.

— А что, я читала в одном журнале, что существуют чёрные дыры, которые затягивают всё вокруг. Может, это как раз кто-то из наших перестарался? — выдвинула бредовое предположение я.

— Читайте меньше журналов, — посоветовал профессор. — Это самое верное средство не забивать голову глупостями.

— А как же научные издания? — поддела я, продолжая борьбу с кристаллами льда и каплями влаги.

Больше всего этот процесс походил на физическое упражнение для рук. Непривыкшие к таким движениям мышцы начинали уставать.

— Вот там-то как раз глупостей больше всего, — пробурчал маг, явно говоря о наблевшем.

Вскоре из-за черноты показалось и солнце. Спустя некоторое время я смогла наконец опустить свой оригинальный ластик, а затем и развезть его за ненадобностью. Мой напарник тоже был утомлён, но отдыхать не собирался.

— До какого уровня можете дойти? — спросил он.

— До любого.

— Ну тогда идёте. Надо избавиться от той воды, что успела натечь через крышу.

— Стало быть, просто вытягивать её в зазеркалье вы не собираетесь? — полюбопытствовала я.

— Чтобы она снова вытекла наружу через первое попавшее зеркало института? Я ещё не сошёл с ума.

В моём уме, судя по тону, маг снова засомневался, и я мысленно усмехнулась.

— Эй, там!

Один щелчок пальцами — и перед нами снова возник ректорский кабинет. Вода с потолка уже не стекала, разве что падали в образовавшееся на полу озерцо отдельные капли, вокруг которых мгновенно расходились круги. На лицах троих, остававшихся внутри, читалось чувство облегчения.

— Выберите на карниз или на крышу, — распорядился зеркальщик. — Если на крышу, то отойдите от дыры.

Не дожидаясь ответа, он зашагал прочь.

До спуска оказалось совсем недалеко. Искать удобную тропинку я не стала: спрыгнуть с метровой высоты труда не составило. Казалось бы, расстояние пройдено смешное, но мир вокруг разительно изменился. Правильнее будет сказать — менялся каждую секунду. Ещё точнее — с каждым моим движением. Кристаллические кустарники, ледяные травы, нити из тончайшего металла, свисающие со сводчатого потолка и изредка издающие мелодичный звон — всё это осталось прежним. Но очертания предметов колебались, сдвигались и трансформировались, стоило сделать шаг. Растения сужались, расширялись и распадалась на части. Колонны делились на сталактиты и сталагмиты, соединявшиеся тончайшими перепонками, а затем и вовсе распадалась на две отдельные части — чтобы потом, ещё через пару шагов, возвратиться в прежнее состояние.

Это был второй уровень глубины. Уровень кривых зеркал. Мир обманных отражений, где ничему нельзя верить — но всё можно просчитать с математической точностью. Начинаящие студенты больше всего боялись работы именно с этим, вторым, уровнем. Он казался им самым сложным — из-за своей переменчивости и отличия от реальности. На самом деле, здесь всё было предсказуемо — каждое искажение, каждая смена декораций. Просто следовало прочесть энное количество учебников и зазубрить нужные формулы. Конечно, не каждому это дано, однако студенты, не отсеявшиеся к концу первого учебного года, как правило, справлялись. И к концу своего четвёртого семестра уже понимали: ничего сверхъестественно страшного во втором уровне нет. Главное, чтобы голова не закружилась, если работаешь изнутри. Впрочем, сейчас наш путь лежал дальше. И цифра «два» в данный момент была лишь мостиком между единицей и тройкой.

— Незаконченная степень? — поинтересовался профессор, шагавший немного впереди и так ни разу ко мне и не повернувшийся.

— Что? — не поняла я.

— Затянули с курсовой, или экзамен какой-то завалили? — с интонацией «что тут непонятного?» снизошёл до пояснений маг. — Пришли к ректору уладить вопрос и получить диплом?

— Нет, профессор, диплом у меня в порядке, — заверила я.

Из фляги с портвейном послышалось сердитое шипение, но меня предположение зеркальщика всего лишь позабавило.

— Не кипятись, Хаш, — тихонько посоветовала я.

Зеркальщик приподнял голову, прислушиваясь, но шага не замедлил и, так ничего интересного и не обнаружив, продолжил расспросы.

— Значит, родственника в институт привели? — предположил он. — Дочку? Впрочем, нет, вы слишком молоды, чтобы иметь взрослого ребёнка. Младшую сестру?

— Я пришла не на День открытых дверей. Просто так совпало.

— Ну-ну, — проворчал маг. — И то, что вы сразу попали на такую неразбериху, тоже случайно так совпало?

Я не ответила. Излишняя проницательность собеседника в данный момент была мне ни к чему. Я ведь даже имени его пока не знала. Зато успела убедиться, что он — первоклассный зеркальный маг, ничем не хуже того же Гилберта или Крона. И вполне мог оказаться хранителем ключа...или Охотником.

Очередной спуск, на этот раз пологий — и от непрерывно меняющейся картинки перестало рябить в глазах. Окружающая местность снова выглядела так, как на первом уровне — кристаллы, стекло, сводчатые потолки, тончайшие серебристые струны, на которых беспрерывно играл бы ветер — если бы только бывали ветра на этой стороне реальности. Однако недаром принято говорить, что внешность обманчива. Суть этой глубины была совсем иной.

Зеркала не воссоздают мир таким, какой он есть. Сходство бывает значительным, и именно на этом основана магия первой ступени. Порой различия, напротив, бросаются в глаза — как в случае с кривыми зеркалами. Но настоящая опасность таится там, где ложь прячется, маскируясь под правду. Искажения третьего уровня ускользнут от взгляда невнимательного наблюдателя. Потому что полная противоположность бывает порой очень похожа на оригинал.

Если вы встанете перед зеркалом и поднимете правую руку, какую руку поднимет ваше отражение? Вы знаете ответ. Если ваше сердце стучит с левой стороны, то сердце вашей копии за стеклом бьётся с правой. Если вы движетесь на восток, то та, другая ваша ипостась шагает на запад.

Вспомните об этом — и вы поймёте: в таком похожем мире за гладью в действительности всё

наоборот. Слишком мощные ориентиры меняются местами, чтобы оставить реальность прежней. Именно поэтому работа на третьем уровне глубин — самая сложная. Помимо оптики и геометрии здесь понадобится гибкость мышления, находчивость и отличное знание логики — в противном случае ошибки неизбежны. Однако того, кто обладает всеми нужными качествами, ожидает награда: сделать на третьем уровне можно значительно больше, чем на первом.

Удостоверившись в том, что вотчина кривых зеркал осталась позади, маг остановился и развернулся. Плавно провёл рукой справа налево — и перед нами возникло прямоугольное изображение ректорского кабинета. Людей внутри видно не было. В остальном картина оставалась столь же плачевной, что и прежде: вода, едва не доходившая до столешницы, плавающие в ней предметы, промокшие плащи на вешалке, рваная дыра в потолке.

Профессор хмурил густые брови, склонив голову набок: видимо, обдумывал дальнейшие действия. Я молчала, приняв для себя решение не вмешиваться, если только меня об этом не попросят.

— Будем понижать температуру, — решительно произнёс наконец маг. — И менять состояние воды.

Я кивнула: его решение казалось логичным. Если здесь вода станет холоднее, в реальности она, наоборот, потеплеет. Если здесь сменит своё состояние с жидкого на твёрдое, то там превратится в пар. Хорошо, что профессор велел всем выбраться из помещения. Иначе они бы закипели вместе с водой.

Зеркальщик без лишних разговоров приступил к работе. Я решила немного помочь, так что «озеро» заledenело совсем быстро. Поскольку работали мы с отражением, я приоткрыла небольшое окошко, позволявшее видеть настоящий кабинет. На лёд там, конечно же, не было и намёка. Но и спешить в это помещение тоже не хотелось. Из болотца кабинет превратился в баню, да такую, в какой и завсегдатаю-любителю пришлось бы нелегко. Из-за обилия пара всё труднее было что-либо разглядеть. Правда, пар потихоньку вытягивался через дыру в потолке, но недостаточно быстро.

— Подгоним его, — заявил профессор, наблюдавший ту же картину, что и я. — Видите эти льдины? — Он кивнул в сторону тех предметов, в которые превратилась видеоизменённая вода в зазеркалье. — Сейчас мы с вами будем сбрасывать их вот сюда.

Только теперь я поняла, что маг не случайно выбрал место для работы. Его устраивала не любая точка третьего уровня, а та, рядом с которой имелось естественное ущелье. Именно туда он теперь собирался, не без моей помощи, отправить призванную ректором воду, от которой — в одном состоянии или в другом — всё ещё следовало избавиться. Здесь льдины сбрасывались вниз. Там, в реальном мире, пар уходил вверх. Мы занимались уборкой территории, совмещая магические действия с физическими, и перекидывали лёд в ущелье. В это самое время пар стремительно покидал кабинет ректора, поднимаясь к окнам и дыре в потолке. Минут через десять от недавнего потопа и здесь, и там остались лишь воспоминания. Ну, и, конечно же, некоторый разгром, но по сравнению с недавним положением вещей это были, можно сказать, мелочи.

Профессор утомлённо вздохнул, затем лицо его приняло прежнее недовольное выражение.

— Всё. Когда вернётесь в кабинет, сообщите своим приятелям, что можно спускаться. Или не сообщайте. Рано или поздно сами сообразят. Провожать вас, как я понимаю, не нужно?

— А вы туда разве не зайдёте? — ответила я вопросом на вопрос.

— Я к себе, — категорично заявил он. — День открытых дверей, между прочим, ещё не закончен.

Я покосилась на мага. Ну да, ему бесспорно следовало заняться своим внешним видом, прежде чем возвращаться в общество абитуриентов. Костюм был изрядно потрёпан, на лбу блестели капельки пота. Я, несомненно, выглядела ещё хуже, учитывая, что успела, помимо всего прочего, «искупаться» в кабинете.

— А дыру в крыше заделать не собираетесь? — тем не менее полюбопытствовала я.

И получила возмущённый ответ:

— Разумеется, нет. Я что, по-вашему, похож на плотника? Срочную проблему я устранил, а со всем прочим пусть разбираются сами.

Больше мы не разговаривали. До первого уровня добрались вместе, просто потому, что другого пути из зазеркалья не существовало. А дальше профессор, ни слова не говоря, свернул куда-то в сторону и вскоре выбрался во внешний мир через весьма крупное окно. Понятное дело, люди нашей профессии специально вешают у себя большие, зачастую даже огромные, зеркала, через которые удобно ходить туда и обратно. Другое дело, что мы же умеем ограждать себя от чужого вторжения, блокируя эти зеркала или маскируя их с обратной, внутренней, стороны.

Глава 6. Показательное выступление

Я возвратилась прежним путём. Соскочила на пол, местами по-прежнему влажный, но во всяком случае совсем не похожий теперь на водоём скромных размеров. Обнаружила стол на новом месте, непосредственно под дырой в потолке. На столе возвышалась конструкция из других предметов мебели, позволившая троим беженцам добраться до крыши.

Получив от меня отмашку, все с радостью спустились в кабинет. Правда, ректор и секретарь немного погрустнили, оценив масштаб последствий, к которым привёл недавний потоп. Тем не менее, надо отдать им должное: о законах гостеприимства они не забыли. Дэлла быстро рассадил нас троих по стульям и, совсем немного поколдовав, высушила одежду и обувь. Не скрою, это было чрезвычайно приятно. Над собой девушка проделала такую же процедуру. Определённо, у неё был дар к стихийной магии, причём по разным её направлениям, включавшим, по меньшей мере, землю и огонь, а может быть, и воду тоже. Навыки магистра носили бытовой характер, что было вполне естественно для её профессии, зато владела она ими в совершенстве. Ректор, вне всяких сомнений, очень ценил её за эти качества.

Затем эти двое о чём-то коротко переговорили, и Крофт обратился к нам с принцем:

— Ваше высочество, магистр Блэр, я, право, очень сожалею о случившемся. Готов компенсировать неудобство любыми доступными мне способами. Для начала мы с госпожой Торренс незамедлительно займёмся составлением списка, только раздобудем, — он неловко кашлянул, — сухую бумагу. Предлагаю вам пройти в преподавательскую, там вам будет удобно, а мы в самое ближайшее время принесём документы. Если у вас есть ещё какие-нибудь просьбы или вопросы...

Он умышленно сделал паузу, давая нам возможность высказаться, и Орвин не преминул этим воспользоваться.

— Мне и в самом деле нужно переговорить с вами по другому вопросу. Это касается бюджета на следующий учебный год. Но, думаю, госпоже Блэр это не будет интересно.

— Да-да, конечно.

Ректор выглядел немного расстроенным. Не из-за моего ухода, разумеется. Просто обсуждение важных финансовых вопросов наверняка было ему в тягость, как минимум в сложившихся обстоятельствах. Но делать было нечего.

— Магистр Блэр...

— Просто Йоланда, — напомнила я.

— Да-да, Йоланда, — на губах ректора расцвела улыбка, — преподавательская здесь совсем рядом. Идёте прямо по коридору, в сторону лестницы. Ваша дверь — вторая по правой стороне. Там будет написано «Только для преподавателей».

— Но я не преподаватель. Что ответить, если кто-нибудь станет возражать? — поинтересовалась я.

Войти мне, конечно, труда не составит, но стоит ли затевать грандиозную битву ради мелкой песчинки? Такая у нас бытует поговорка.

— Да там, скорее всего, никого не будет, — объяснил Крофт. — День открытых дверей, все преподаватели заняты, каждый рассказывает о своём предмете. Но даже если вы кого-то случайно застанете, просто скажите, что я попросил вас подождать. Никто и не подумает спорить. Но будет ещё лучше, — в его глазах появилась хитринка и блеск, который я уже заметила ранее, — если вы действительно станете нашим преподавателем. Тогда наша комната отдыха будет в вашем распоряжении на совершенно законных основаниях.

— Благодарю вас за предложение, — рассмеялась я, — но, признаться, у меня не было таких планов.

— А вы подумайте! Всякое бывает.

На этой оптимистической ноте я вышла в коридор, который, как назло, как раз сейчас наполнился людьми. Все куда-то спешили, видимо, торопились успеть к началу очередной лекции, или встречи, или как всё это называется в такие дни? Толпа вынудила меня немного задержаться, но это был бы сущий пустяк, если бы чей-то тонкий голос вдруг не запищал на весь коридор:

— Не может быть! Вы — Йоланда Блэр?

Кругом не так чтобы наступила мёртвая тишина, но фоновой болтовни определённо поубавилось.

— Почему вы так решили? — осведомилась я, сложив руки на груди.

— Я видела вас несколько лет назад при дворе! — выпалила девчушка с длинными золотистыми кудрями. Сперва мне показалось, что восклицание принадлежит совсем ещё ребёнку, но, видимо, возбуждение и восторг просто исказили голос. — Меня привёл туда отец. А вы были придворным магом! — продолжала рассказывать она в ажиотаже. — Я держала в руках соломинку, а вы превратили её в красивый цветок.

Мне оставалось лишь пожать плечами. Наверняка так оно и было, но я, хоть убейте, не помнила ни этого конкретного случая, ни стоявшую передо мной девушку. Мало ли раз я прибегала к такому мелкому колдовству, особенно когда поблизости бывали дети?

А между тем златокудрая девица всё не унималась.

— Так это правда вы?

— Это правда я, — невыразительно, чтобы хоть как-то отделаться, дала я ответ — в сущности, ничего не значивший. Любой человек может сказать про себя то же самое.

— А как вы сбежали из тюрьмы? — с жадным интересом спросило это юное трепетное чудо.

— Это государственная тайна, — соврала я, целеустремлённо продвигаясь к нужной двери.

Но шёпоток «Йоланда Блэр! Это Йоланда Блэр!» быстро распространялся по коридору.

— Вы — настоящая Йоланда Блэр? — спросило очередное молодое дарование, на сей раз мужского пола. — А можно попросить у вас автограф?

— Нельзя, — отрезала я, отмахиваясь от сразу нескольких листков бумаги, протянутых ко мне с разных сторон.

— А это правда, что вы сумели сбежать из камеры, которая магически охранялась? А каким образом?

— Хотите повторить успех? Не советую.

С этими словами я всё-таки дотянулась до ручки нужной двери, потянула её на себя и просочилась внутрь. Закрывшись, некоторое время ждала продолжения, готовая к тому, что люди начнут ломиться и сюда. Но, вероятно, строгая надпись с наружной стороны возымела нужный эффект, а, может быть, просто подошло время очередной лекции. В любом случае, ворваться в преподавательскую следом за мной никто не попытался.

Я облегчённо выдохнула и огляделась.

В целом здесь было вполне мило. Единый стиль отсутствовал, как будто разные люди попросту привозили из своих домов ненужные вещи, и так постепенно сформировалась обстановка. Но это не мешало ощущению уюта. Разноцветные двухместные диванчики, одно обычное кресло и одно кресло-качалка, два низких квадратных столика, на стене — часы и зеркало (куда же без него!) в громоздкой металлической раме. В углу — миниатюрная жаровня, какие стихийники приспособили для кипячения воды и разогрева пищи.

— Здравствуйте.

Я резко повернула голову, ища взглядом источник звука. Мужчина так органично вписывался в обстановку, что я поначалу его не заметила. Интересный внешне, презентабельно одетый, с аккуратно подстриженными светло-русыми волосами и гладко выбритым лицом. Наверняка тщательно готовился к сегодняшнему дню. От уголков глаз тянулись тонкие морщинки, не старя, а, напротив, придавая шарма. На вид незнакомцу можно было дать лет тридцать пять, но я не исключала, что в действительности он старше. Мне был известен этот тип внешности: его обладатели моложавы и мало меняются с годами.

— Садитесь, — предложил он, а сам, напротив, поднялся мне навстречу. — Вы, наверное...

— Да, Йоланда Блэр, — раздражённо оборвала я. — Настоящая. Была придворным магом, сбежала из тюрьмы, как именно, не скажу: государственная тайна. Другие вопросы есть?

Мужчина растерянно пошевелил губами, потом виновато улыбнулся. Озадаченно приподнял и опустил плечи. Это движение вышло неуклюжим, но милым.

— Вообще-то я собирался спросить, не хотите ли вы кофе, — объяснил он извиняющимся тоном, будто это не я ни с того ни с сего на него накричала, а наоборот.

Я постояла, оценивая ситуацию, потом рассмеялась и плюхнулась на предложенный диванчик.

— Простите. Просто ваши студенты меня слегка... — я запнулась, подбирая приличное слово, — ...завалили вопросами.

В его глазах наконец отразилось понимание.

— Они могут.

Я улыбнулась и выразительно пошевелила бровями.

— Так будете кофе? — напомнил он. — У нас тут отличные специи.

— Давайте.

Я с наслаждением откинула голову на диванную подушку, вытянула ноги и прикрыла глаза. За всю нервотрёпку, которую мне доставил сегодня этот институт, такую компенсацию, как чашка горячего напитка, я точно заслужила. К тому же времени всего ничего, а меня уже клонит в сон.

Я покосилась на часы: они показывали половину второго. Насыщенный день, ничего не скажешь.

— А вас как зовут? — лениво спросила я, с трудом разлепив веки.

Сама я, как ни крути, только что представилась, хоть и весьма своеобразным способом.

— Кейл Грант.

Он на секунду оторвал взгляд от магической жаровни, с которой возился.

— Вы здесь преподаёте?

— Да... — Ответ прозвучал несколько неуверенно, и я бы решила, что мужчина врёт, если бы он спустя мгновение не уточнил: — На самом деле, я декан.

— Вот как? Случайно не факультета зеркальных глубин? — полюбопытствовала я, припомнив одно из предложений Эдбальда.

Может быть, в стремлении меня купить король собирался оставить моего собеседника без работы?

— Нет, — улыбнулся Кейл. — В магии отражений я, в отличие от вас, мало смыслю. Я — стихийник, специализируюсь на огне.

— Занятно, — хмыкнула я, припомнив наши недавние приключения. — Похоже, стихии у вас в институте представлены особенно хорошо.

— Ну, не только они. — Новый знакомый поставил передо мной чашечку ароматного кофе, после чего расположился в том самом кресле, где я недавно его не заметила. — На факультете зеркальных глубин, например, свой декан, очень сильный специалист в вашей области. Профессор Джейкоб, вы с ним знакомы?

Я неопределённо повела плечом. Наверняка речь шла о том самом зеркальщике, с которым мы так ударно осушали сегодня ректорский кабинет, но точно я этого не знала.

— Все сферы представлены, — продолжил Кейл. — Просто профессор Крофт — а с ним вы наверняка знакомы — как и я, стихийник. Но его предшественник, к примеру, был зеркальщиком.

— Вы его знали?

Я распахнула глаза и, наконец-то, отодвинулась от спинки дивана, дабы потянуться к чашке кофе. Признаться, я потеряла к собеседнику интерес, едва узнала, что он специализируется на огне и, следовательно, не имеет непосредственного отношения к моему расследованию. Но упоминание о бывшем ректоре заставило меня снова навести уши.

— Профессора Дэггарта? Немного. Я успел поработать под его началом. Но, сами понимаете, я был тогда простым преподавателем, а на этой должности редко пересекаются с ректором. Но кое-чему я всё же успел у него научиться, — неожиданно оживлённо продолжил он. — Например, профессор вырастил в зазеркальном мире дракона, весьма кровожадного, с тремя рядами зубов. Специально для того, чтобы наказывать студентов за особо тяжёлые провинности. Он рассказал мне, как призвать это чудовище.

В моей фляжке булькнуло. Я и сама собиралась высказать Кейлу всё, что думала о редкостном антинаучном бреде, который он нёс. Но не успела. Поднявшись якобы для того, чтобы слегка размять ноги, декан осторожно, бочком, приблизился к зеркалу и внезапно рывкнул:

— Корниш, а ну-ка, вылезайте оттуда немедленно! И даже не думайте сбежать. Учтите: я вас видел. Кроме того, если вы достаточно давно подслушиваете, то знаете: моя собеседница вполне может последовать за вами.

Ждать пришлось недолго. Сперва в зеркале появился, выглядывая из-за рамы, молодой человек лет семнадцати-восемнадцати, с очень светлой кожей, на которой отчётливо проступали красные пятна стыда. Затем он просунул голову в нашу реальность, после чего наконец выбрался наружу целиком, в когда-то белой рубашке с закатанными рукавами и потёртых штанах. Кейл мгновенно схватил его за ухо и подвёл к квадратному столику.

— И как это называется? — поинтересовался он, отпуская вышеозначенный орган.

Парень шмыгнул носом и склонил голову так низко, что, казалось, ещё чуть-чуть — и коснётся пола.

— Я жду объяснений, — поторопил декан.

— Ну, это... Ребята сказали, что тут Йоланда Блэр. Я взялся сходить посмотреть... А про дракона я с самого начала не поверил! — выпалил он, прежде чем снова сжаться.

— Неужели? — насмешливо полюбопытствовал Кейл. — Бичевский! — рывкнул он так громко, что даже я чуть не подпрыгнула — не от страха, от неожиданности. — Ну-ка прекратите висеть за окном на воздушном потоке! Сколько раз вам говорили, что вертикальный поток нарушает стихийный баланс, и создавать его можно лишь в исключительных случаях? Окно не заперто, извольте пройти внутрь!

Полминуты спустя возле нас стояли, понурившись, двое студиров.

— Надеюсь, в жаровне никто не прячется? — лениво поинтересовалась я.

— К счастью, она для этого слишком мала, — ответил Кейл, не отрывая сердитого взгляда от провинившихся. — К тому же огненники ко мне сунуться не рискнут. А эти решили, что я их не вычислю. Совсем совесть потеряли!

Он изобразил свирепый взгляд, который лично мне не показался достаточно убедительным. Студентам, по-моему, тоже, ибо впечатление запуганных они не производили. Испытывали, конечно, чувство неловкости из-за того, что их поймали на горячем, но кому, хотела бы я знать, такое понравится?

— Мы это...больше не будем, — неуверенно протянул Корниш.

Его актёрские качества меня тоже не впечатлили.

— Не будут они, — фыркнул декан. — Учтите, отпускаю вас без наказания по одной причине: сегодня День открытых дверей, и всем не до того, чтобы с вами возиться. Попадётся ещё раз — пеняйте на себя!

Студенты обрадованно заторопились прочь, по дороге всевозможными жестами давая понять, что, дескать, больше они никогда и ни за что, и вообще закончат учёбу с отличием.

— Строго говоря, как их наказывать, непонятно, — извиняющимся тоном обратился ко мне Кейл, когда за юношами закрылась дверь. — Дисциплинарные взыскания у нас предусмотрены очень строгие, не за такую ерунду, как подслушивание. Мы же не школа, воспитанием учеников не занимаемся. Вот если плагиат или сорванная лекция, тогда дело другое.

Он явно чувствовал себя передо мной неловко, и это было так забавно и мило одновременно, что я, не выдержав, рассмеялась.

— Ну хотя бы реферат какой-нибудь захудалый написать вы могли их заставить!

Кейл поморщился и на сей раз взглянул на меня с укоризной.

— Отчего-то в такой ситуации все думают о студентах и никто — о преподавателях. А вы хотя бы учитываете, что какому-то, ни в чём, заметьте, не повинному лектору придётся потом этот реферат проверять!

— Сдаюсь, — усмехнулась я. — Но коль скоро система наказаний у вас не разработана, почему бы для начала не оградить преподавательскую от прослушиваний? Уж для этого-то у вас точно достаточно специалистов, причём во всех возможных сферах.

— Мы и оградили, — довольно сообщил Кейл. — Кабинет ректора, например. А что касается этой комнаты... Видите ли, особенно важные разговоры здесь не ведутся, финансовые темы не обсуждаются. А студентам, в конце-то концов, нужен стимул, чтобы развивать свои способности.

Для некоторых это сопряжено с соперничеством и, в силу возраста, с нарушением правил. Третьекурсник с факультета стихий пытается перещеголять второкурсников-теневинов, и так далее...

— А говорите, что воспитанием не занимаетесь, — хмыкнула я.

Тут дверь отворилась, и в преподавательскую вошли принц с ректором. Последний держал в руке всего один лист, сложенный так, чтобы никто посторонний не смог мимоходом прочесть текст. О том, что на бумаге вообще что-то написано, можно было догадаться лишь по неровностям, которые перо оставило на оборотной стороне.

— Вот список, — сказал Крофт, вручая мне документ. — Как вы можете догадаться, он не слишком длинный.

— Благодарю вас.

Кейл проводил листок, который я спрятала в сумку, заинтересованным взглядом, но задавать вопросов благоразумно не стал.

— Госпожа Блэр, а у меня появилась идея.

Глаза ректора не в первый раз за сегодняшний день засверкали воодушевлением, и я заподозрила, что очередная «светлая мысль» может плохо кончиться. Нетрудно догадаться, для кого — учитывая, что Крофт обращался именно ко мне.

— Как вы знаете, сегодня у нас День открытых дверей. И в скором времени, — он взглянул на настенные часы, — говоря точнее, через двадцать пять минут мы проводим эдакое...показательное выступление. Нечто вроде лекции, но с уклоном не в теорию, а в практику. Чтобы абитуриенты увидели, чему они могут обучиться у нас в перспективе. Конечно, не все в конечном итоге достигнут нужной степени мастерства. Но мы ведь этого и не обещаем. — Он хитро прищурился, затем подмигнул Кейлу. — И вот я подумал: может быть, вы могли бы принять участие? Уж коли так сложилось, что вы попали к нам именно сегодня. К тому же, честно говоря, слух о вашем появлении уже распространился по институту. Без всякого участия с моей стороны, заверяю вас...

— Я уже имела возможность убедиться, как хорошо здесь поставлена информация, — перебила я. — Но что касается вашего предложения...

— Ничего сложного не потребуется, уверяю вас. — Понимая, что дело идёт к отказу, ректор поспешил вновь перехватить инициативу. — Это может быть самая что ни на есть простенькая магия, главное — чтобы выглядело эффектно. Вот доктор Грант, например, каждый год участвует.

— Чего не сделаешь ради родного факультета, — развёл руками декан.

— У вас и по зеркалам есть специалисты, взять хотя бы того, с которым я не так давно...работала.

Я решила не углубляться при Кейле в подробности того, что натворил в недавнем прошлом его непосредственный начальник. Иначе ситуация вышла бы, прямо скажем, неловкая.

— Профессор Джейкоб действительно специалист хоть куда, — согласился Крофт. — Но вы же его видели. Он ни за что не согласится участвовать в мероприятии вроде этого. «Показуха», «пустая трата времени» — это самые лестные отзывы о нашей инициативе, какие вы сможете от него услышать.

Что ж, я была совершенно солидарна с профессором Джейкобом. Показывать толпе дешёвые трюки, будто я — циркачка на площади? Вот уж точно не ради этого я оставила комфортную и устоявшуюся жизнь в глуши. К счастью моему или к падению, я успела повидать достаточно, чтобы знать цену такой грошовой популярности. Не говоря о том, что Кейл Грант хотя бы может получить с выступления «прибыль» в виде новых студентов, я же не получала ровным счётом ничего. Хотя, если вдуматься...

Я невольно зашевелила губами. Привычка мыслить вслух, разговаривая с самым понимающим из собеседников, появилась у меня ещё в тюрьме и никуда не делась впоследствии. Сейчас, постоянно находясь в людском обществе (спасибо Эдбальду и его шпиону), я старалась сдерживаться. Но переучиваться всегда нелегко, и я прибегала пока к промежуточному варианту: говорить, но бесшумно.

Итак, что я получу, выступив сегодня перед абитуриентами? Не в материальном смысле, конечно: тут мне ничего нужно не было. Но если задуматься о расследовании, то кое-что я всё-таки приобретала. А именно — возможность привлечь внимание. Не только будущих студентов, они как раз интересовали меня меньше всего. Но в институте присутствовали и студенты нынешние, как я имела возможность недавно убедиться. А также преподаватели. И не исключено, что где-то среди представителей этих двух категорий затесался Охотник. Который, возможно, уже заинтересовался

моей личностью — если предположить, что наёмные убийцы, напавшие на нас с Орвином, поджидали меня. А если нет, он может заинтересоваться сейчас, увидев меня в обществе принца в институте.

Ловля на живца — не самый плохой метод. Небезопасный, конечно, но долгой волоките я предпочитаю действие. А коли так, надо сделать своё появление как можно более запоминающимся.

— Хорошо. Я приму участие в вашем мероприятии. Но у меня вопрос. Нельзя ли достать в вашем институте кандалы или колодки?

Я покосилась на озадаченного Кейла — дескать, сам же говорил, что у вас подразумеваются серьёзные взыскания за нарушение дисциплины.

Но ответил всё-таки ректор:

— Колодок нет. А кандалы найдём!

Аудитория была заполнена до предела. Преобладала молодёжь (я заметила Корниша, пробиравшегося сквозь толпу стоявших зрителей: сидячие места достались не всем), однако встречались и люди постарше, к примеру, родители абитуриентов и несколько преподавателей. Видимо, показательные выступления, устраивавшиеся в честь Дня открытых дверей, пользовались популярностью.

Я не прислушивалась к короткой прочувствованной речи, с которой выступил ректор, равно как и к последовавшим за ней теоретическим пояснениям. Всё это не слишком меня интересовало, да и подготовка требовала моего внимания. А вот за выступлением декана факультета стихий понаблюдала с удовольствием. С огнём он работал красиво и, в соответствии с рекомендацией Крофта, эффектно. Пламя срывалось с его пальцев и послушно исчезало в ладонях, а один раз даже взметнулось к потолку из открытой книги, которая при этом нисколько не пострадала. Завершающих штрихов я не видела, поскольку далее следовал мой выход, но, если судить по аплодисментам, финал был не менее впечатляющим. Я заодно сделала для себя мысленную пометку: Кейл — действительно огненник, а, значит, не имеет отношения к зеркалам.

Затем слово снова взял ректор.

— Дамы и господа, сегодня наш институт посетила Йоланда Блэр, магистр зеркальных глубин третьей — то есть высшей — ступени, — объявил он. — Четвёртая ступень в этой науке существует, но исключительно в теории. Госпожа Блэр была столь добра, что согласилась продемонстрировать нам кое-что из арсенала зеркальных магов.

Моё появление было встречено настороженной тишиной. Голоса смолкли, слышалось лишь поскрипывание стульев да шорох одежды. Мимолётно промелькнула мысль: не стоило выходить навстречу этой толпе, наверняка видевшей во мне преступницу и — в данную секунду — угрозу всеобщей безопасности. Однако рациональное мышление быстро отбросило панику за ненужностью. Я здесь не для того, чтобы кому-то понравиться, и точно не для того, чтобы аудитория получила удовольствие от представления. Мне нужно завладеть вниманием ровно одного человека, который, возможно, затесался где-то в рядах абитуриентов, студентов или учителей. И если он здесь, то я уже достигла цели. Однако не помешает напоследок закрепить успех.

— Благодарю вас, профессор. Признаюсь, я не планировала ничего подобного. Наверное, мне бы даже не пришло в голову, что можно показать в рамках такого мероприятия. Но сегодня в коридоре этого замечательного института я повстречала девушку, которая поинтересовалась, как именно мне удалось бежать из тюрьмы. И я решила провести небольшую демонстрацию.

Казалось, я физически ощущала напряжение, исходившее от застывших в аудитории людей. Ректор как будто ничего такого не чувствовал, но он, по-видимому, слишком растрогался после того, как я назвала институт замечательным. Тот факт, что своим присутствием здесь, на условной сцене, я бросала вызов всему залу, каким-то непостижимым образом ускользнул от его внимания. Между тем студенты, помогавшие в проведении Дня открытых дверей (небольшой, а всё-таки заработок), втащили на кафедру и установили напротив меня большое зеркало. Ещё один парень поднялся по ступенькам с подносом, на котором лежали две пары кандалов.

— Не желаете помочь мне их надеть? — с едкой улыбкой обратилась я к принцу, стоявшему недалеко от возвышения в своём рыжеволосом образе. Конспирацию при таком скоплении народа стоило соблюдать.

По агрессивному взгляду его высочества я сделала неутешительный вывод: сарказма он не оценил и помогать не собирается.

— Тогда, может быть, вы? — обратилась я к ректору.

— Конечно.

Он подошёл ко мне, повернулся к зрителям и с неуверенной улыбкой пожал плечами — дескать, сам не знаю, что меня сейчас заставят делать. Но затем вполне мастерски пристегнул мои руки к доскам, составлявшим высокий деревянный щит для объявлений.

Теперь я стояла с руками, поднятыми вверх и разведёнными в стороны, накрепко прикованными к щиту. Ректор отошёл, и я устремила взгляд на своё отражение.

Работать с зеркалами можно по-разному. Необязательно физически переходить на ту сторону. Можно проникнуть туда ментально и творить изменения, в то время как ваше тело остаётся в обычном мире. Для этого необходимо очень хорошо сосредоточиться, мысленно погрузиться в зазеркалье, почувствовать нужную волну и лепить новую реальность усилием воли. Глубже второго уровня таким образом не погрузиться, но мне и первого было вполне достаточно. А достигать полной сосредоточенности почти мгновенно я научилась ещё в тюрьме.

Итак, вот она, прочная цепь, связывающая два железных браслета. Один обвился вокруг моего запястья, второй повис на деревянном столбике. Тут, конечно, впору освободиться, банально опрокинув щит, однако для демонстрации следует действовать иначе. Будем считать, что грубо скрученные звенья — самая слабая часть конструкции. Значит, работать надо именно с ними.

Я сосредоточилась и принялась мысленно распиливать цепь. Секунда, другая, и вот уже посыпалась на пол металлическая крошка — не только в отражении, но и здесь, на кафедре. Пробежала по металлу тонкая полоса, вроде трещины, которая становилась всё более глубокой... Ещё несколько мгновений, и цепь распалась на две части, освободив мою левую руку. Правую я освободила точно так же, и не понимала только одного: откуда мог взяться этот шквал аплодисментов?

Если в зеркальном мире я разбиралась хорошо, то в реальном, похоже, что-то понимать перестала. Вместо того, чтобы возмущаться или бояться, зрители пришли в восторг. Они не просто хлопали, многие из счастливых обладателей стульев сочли нужным подняться на ноги. И, кажется, принц вовсе не пришёл от этого в восторг.

Довольный ректор, похоже, с самого начала ожидавший именно такой реакции, подошёл ко мне и обратился к залу:

— Может быть, вы хотите задать какие-то вопросы? Правда, у нас почти не осталось времени, но... один вопрос?

И, кто бы сомневался, вверх взметнулась рука той самой девчушки, что поймала меня в коридоре. Для того, чтобы её заметили, она даже залезла на стул.

— Но в настоящей камере нет зеркала! — справедливо указала на неточность она. — Как, в таком случае, отсюда выбраться?

— Думайте, — только и ответила я. И, улыбнувшись, развела руками.

При этом движении громко звякнули цепи, ставшие каким-то непостижимым образом символом моей свободы.

Глава 7. Балы и баталии

Бал, посвящённый пятнадцатому дню рождения её высочества принцессы Этнеи Альбийской, относился к числу тех событий, на которые невозможно не прийти, уж если вы удостоились приглашения. Я, к сожалению, удостоилась. Почему «к сожалению»? Да потому что не имела ни малейшего желания возвращаться к светской жизни. У меня не было друзей во дворце, и я не собиралась их заводить, а виртуозная болтовня ни о чём никогда меня не прельщала. Но, самое главное, я отлично понимала: раны, с трудом затягивавшиеся на протяжении многих месяцев, могут вскрыться и снова начать кровоточить в один момент, стоит только слегка оживить свою память. Возвращение в город само по себе далось мне нелегко, а бал — это очередные лица и декорации из прошлого.

И всё-таки я не ответила его величеству отказом. Не потому, что такие отказы давать не принято. Наше общение с Эдбальдом в любом случае выходило за рамки того, что считалось допустимым. Главная причина заключалась в ином: на балу присутствовали люди, имевшие непосредственное отношение к делу семи ключей. К примеру, все придворные маги. А также король с тремя своими детьми, двумя родными и одним приёмным (ох, и когда же я наконец смогу от этого «одного» избавиться?). А ведь кто-то из этой четвёрки был назначен хранителем. Я поняла, что пренебрегать такой возможностью понаблюдать за всеми этими личностями не стоит и, скрепя сердце, занялась приготовлениями.

Не буду задерживаться на том, сколько раз я теряла терпение, пока портнихи накладывали стежки, ювелир открывал одну за другой шкатулки с украшениями, а горничная возилась с моими пряжами. Пожалуй, ещё несколько дней отсидки дались бы мне значительно легче. Но в итоге пришлось признать, что результат совместных мучений совсем не плох. Новое фиолетовое платье идеально балансировало между романтичностью и строгостью. Первое достигалось за счёт лёгкой материи, оборок и кружев; второму способствовал тёмный цвет и весьма умеренное декольте. Имелся также и бант, но, к счастью, эта лишняя в моём представлении деталь располагалась на спине, и я её практически не видела. Юбка, соответствуя последней моде, слегка приобнажала шиколотки. В моё время это сочли бы вульгарным, но, если теперь так носили, тем лучше. Платья в пол всегда представлялись мне не слишком удобными.

Высокая причёска уложена так, что можно решить, будто у меня чрезвычайно длинные волосы, хотя в действительности они едва доходили до плеч. Аккуратно заколотые локоны украшала жемчужная нить. С этим украшением перекликалась жемчужная капля, висевшая на тончайшей, почти невидимой цепочке.

Это было очень странно — выглядеть хрупкой. Абсурдно, я бы сказала. Но, работая в зазеркалье, часто имеешь дело с противоположностями, поэтому я не впала в ступор и возмущаться столь непривычному образу тоже не стала, а вместо этого вслух признала, что девушки потрудились на славу. И со спокойной совестью отправилась во дворец.

Здесь меня ожидал сюрприз. Помимо королевской семьи, придворных магов и местной знати я обнаружила нескольких своих новых знакомых из института. Ректор Крофт и Кейл Грант, элегантно одетые, кружили в танце своих партнёров. Декан Джейкоб стоял у стены с бокалом вина, сделал пару глотков, и одобрительно кивнул, рассматривая жидкость на свет. Были среди гостей ещё двое мужчин, которых я видела на Дне открытых дверей, хотя их имён и не знала. А потом мне стало не до наблюдений.

Итан держался в стороне от толпы придворных, как и всегда. Облокотился о декоративную колонну, провожал взглядом пролетающие мимо пары, и время от времени проводил рукой по волосам, словно расчёсывался пятернёй. В действительности этот жест, хорошо мне знакомый, свидетельствовал о напряжённости или тревоге. Я до боли сжала собственное запястье и отвернулась, чтобы вынудить себя смотреть в другую сторону. Но вернуть внутреннее равновесие это не помогло.

Просто потому, что он был здесь. Человек, который поступил правильно. Сделал то, чего требовали обстоятельства. Ему не за что было извиняться. Не за что себя корить. Мне — не в чем его упрекнуть. Но...святые боги, только бы он не подошёл! Только бы не надумал поздороваться, сказать, что рад меня видеть, или — того хуже — всё-таки попросить прощения. Ибо в этом случае я за себя не ручалась. Зеркала в бальном зале встречались на каждом шагу: модницам и щёголям надо убедиться, что они выглядят как должно, а танцующим — мельком уловить собственное кружение. Так что я сначала развеяла бы Итана в прах, а уже потом сообразила, что делаю что-то не то.

Когда сидишь в одиночной квадратной камере без окон, где от стены до кровати можно сделать всего-то пару шагов, любое движение воздуха, игра света и тени кажется событием. Заползший через незнамо откуда взявшуюся крохотную щель муравей — практически подарок судьбы. О таких интересных гостях, как крысы, можно только мечтать. Волей-неволей радуешься появлению самых

ненавистных людей — тюремщиков, приносящих еду и питьё, потому что они хоть как-то нарушают душасщее однообразие. И единственное, что держит на плаву — это воспоминания. Когда будущего нет, а настоящее ограничено тесной каменной клеткой, только прошлое помогает сохранить рассудок.

А потом тебе приносят письмо. Небывалое везение, поскольку людям, обвинённым в таких преступлениях, обычно не пишут. А если и пытаются, кто станет утруждаться и относить послания осуждённым, заочно вычеркнутым из жизни? И вот ты, счастливица, вскрываешь конверт дрожащими пальцами и сначала просто с удивлением обнаруживаешь, что ещё не разучилась читать. Что эти витиеватые символы по-прежнему что-то для тебя означают. И лишь потом, шурясь при слабом магическом огоньке, начинаешь осознавать смысл слов. Прости... Ты, несомненно, поймёшь... Я не мог поступить иначе... Помолвка расторгнута.

И вот, казалось бы, какая, к чертям, помолвка, если тебе нет и не будет выхода из казённого дома? И какое имеет значение, что происходит там, за прочными стенами, которые навсегда отгородили тебя от мира, а мир — от тебя? Но я жалею лишь об одном: что в камере нет зеркала, и я не могу испепелить письмо. Хочу хотя бы разорвать его на много частей, но представляю себе ухмылки охранников — и воздерживаюсь даже от этого выражения эмоций. Просто бросаю листок в угол — и взгляд ещё долго будет возвращаться к нему, день за днём. А пока кажется, что потолок опустился ниже, и стены потихоньку сдвигаются к кровати. И рано или поздно тебя точно расплющит. Но этого никто не заметит, и стражники так и продолжают приносить питью и еду. Ибо как им заметить расплющенный разум человека, которому больше не за что уцепиться в этом мире? Потому что где-то там, за оградой, кто-то другой поступил правильно...

Я вздрогнула, расправила плечи, стараясь нехитрыми физическими движениями отогнать мысли, которые плавно переходили в транс. И случайно повернула голову туда, куда не следовало. Он меня заметил. Заметил — и теперь не сводил глаз. И, кажется, набирался решимости, чтобы подойти.

Даже самый сильный маг — не более чем человек. Даже самая самодостаточная личность, которой ничего не может предложить сам король, имеет свои слабости. Какие именно и как они проявятся — другой вопрос. Один разревётся, второй перережет себе вены, а третий уничтожит весь мир. Из этих вариантов последний был мне наиболее близок, но, к счастью (для меня и для мира), до этой степени отчаяния я не дошла. И потому просто стояла, приросшая к месту, и пассивно ждала. Вот Итан уже оторвался от статуи, вот сделал в моём направлении один шаг, другой...

— Вы позволите вас пригласить, госпожа Блэр?

Хрипловатый, едва знакомый голос вывел меня из состояния ступора. Словно до сих пор я была окружена вакуумом, а теперь пустота снова наполнилась яркими цветами камзолов и платьев, звуками музыки, запахами дамских духов.

— Йоланда, — поправила я, подавая Кейлу руку в тот самый момент, когда Итан открыл было рот, чтобы ко мне обратиться.

И мы с деканом факультета стихий проследовали к центру зала, чтобы пополнить ряды танцующих. Итан исчез из поля моего зрения, но я успела заметить Орвина, который, оказывается, тоже успел подойти совсем близко и теперь провожал нас с Кейлом разочарованным взглядом. Хотел обсудить какую-то очередную деталь расследования, что ли? Ну, так времени ещё предостаточно, да и обязательно ли заниматься этим на балу?

— Как вам здесь нравится?

Декан начал разговор весьма традиционно, но почему бы и нет? В сущности, как ещё беседовать с малознакомыми людьми? Я мысленно отметила, что ведёт он хорошо, и нарядный камзол синего цвета весьма ему шёл, прекрасно гармонируя с цветом глаз... Смотрелся наряд не так идеально, как на придворных, менее кричаще и менее...кукольно, что ли? Иными словами, на общем фоне Кейл слегка выделялся, и то же самое можно было сказать о его коллегах. Но мне это нравилось.

— Не знаю, — честно призналась я. Мы ненадолго разошлись в танце, сменив партнёров, и это дало мне время додумать свой ответ. — Не так плохо, как я опасалась, но странно. Непривычно. Как будто я вернулась в прошлое при помощи магии. Я изменилась, а здесь всё по-прежнему. Если вы понимаете, что я имею в виду.

— Отлично понимаю. Некоторые события меняют нас так сильно, что, кажется, весь мир обязан измениться вместе с нами. Но жизнь идёт своим чередом, как бы мы к этому ни относились.

— Верно. — Я обошла вокруг партнёра, касаясь его руки кончиками пальцев. — А вы часто здесь бываете?

— Нет. — У него была такая приятная улыбка, что я невольно улыбнулась в ответ. Итан совершенно вылетел у меня из головы. — Высшее руководство института приглашают только на самые пышные

торжества, раза три в год. К тому же до недавнего времени я был простым преподавателем.

— А простым преподавателям вход во дворец закрыт?

— Конечно. Приглашения высылают только ректору и деканам. И то, по-моему, неохотно. Дань старой традиции. — Он склонился к самому моему уху, благо танец в данный момент это позволял. — Никто не получает от этого удовольствия. Королевской семье не нужно присутствие простолюдинов, какими бы они ни были образованными. А мы чувствуем себя некомфортно в здешней помпезности. Но нельзя же отказывать, когда на бал зовёт сам король!

— И все страдают, — со смешком заключила я.

— Жизнь суть страдание, — тоном заправского проповедника провозгласил Кейл.

— Точно, — нарочито серьёзно подхватила я. И интимным шёпотом добавила: — Особенно когда танцуешь на каблуках.

— Это так плохо? — сочувственно спросил он.

— А вы попробуйте как-нибудь, — посоветовала я. — Только не при студентах.

Декан факультета стихий рассмеялся, запрокинув голову. Определённо, с ним я чувствовала себя весьма комфортно. Значительно комфортнее, чем с тем же Орвином.

— На самом деле, всё совсем неплохо, — справедливости ради признала я. — Во всяком случае, я вроде бы ни разу не оступилась, несмотря на многолетний перерыв.

— Вы отлично танцуете, — галантно заверили меня.

— Подлизываетесь?

— Конечно. Вы покорили сердца всего института. Как я мог устоять? Декан должен быть на одной волне со студентами и коллегами.

— Кстати про институт! — вспомнила я, проигнорировав комплимент. Кейл умеет быть галантным, но я — не покорительница сердец, так к чему заикливаться на пустых словах? — Почему моё выступление так хорошо приняли?

— А почему бы нет? — удивился он. — Вы всё сделали качественно и зрелищно.

— Да, но сутью номера был побег из тюрьмы. И личность моя не должны бы способствовать симпатии. Было бы логичнее, если бы публика начала швыряться камнями.

— Ах, это! — Его лицо приняло серьёзное выражение. — Как бы точнее объяснить, особенно с учётом...цензуры.

Кейл многозначительно обвёл глазами зал, но в этом не было необходимости: я и так понимала, что посторонних ушей здесь, мягко говоря, немало. Танец закончился, мы, как и полагалось, поклонились друг другу. Декан взял меня под руку и повёл в направлении диковинных деревьев, росших в крупных горшках. Там можно было продолжить разговор в относительном уединении — насколько оно вообще реально добиться на балу.

— Видите ли, Институт магии и стихий всегда был несколько обособлен. В прежние времена его можно было считать эдаким государством внутри государства. У королей была официальная власть и армия, у учёных — маги, и этим двум силам приходилось считаться друг с другом. Сейчас институт уже не так автономен, возможно, потому, что сильных магов стало меньше. Но инакомыслие нашему заведению всё равно свойственно. Не все решения эльмиррского правительства находят одобрение в глазах студентов. — Он выразительно пошевелил бровями, давая понять, что высказался бы значительно более радикально, если бы не обстоятельства нашей беседы. — В прошлую нашу встречу я сказал вам, что мы не занимаемся воспитанием. Это и верно, и не верно одновременно. Мы воспитываем в своих подопечных учёных. А знаете, кто такой учёный в первую очередь?

Я сложила руки на груди и попыталась разгадать загадку, чувствуя себя пресловутой студенткой, не подготовившейся к экзамену. Вроде бы и должна знать ответ: магистр, как-никак, и не из последних. Но пойдя сообрази так сразу. Определённо в обществе Кейла мне было интересно.

— Тот, кто много знает? — предположила я.

Он с улыбкой покачал головой.

— Много умеет на практике? — выдвинула я очередную гипотезу.

— Учёный — это в первую очередь тот, кто имеет своё, независимое мнение, — пояснил свою мысль декан. — И эта способность не может ограничиваться наукой. Она распространяется на все прочие сферы жизни. В том числе и на политические взгляды.

— Можете не продолжать.

И так было понятно, что многие студенты — а также, вероятнее всего, преподаватели, были не в восторге от правления его величества Эдбальда. Упрекнуть их в этом я не могла, поскольку была всецело на их стороне. Быть может, мне самое место в институте?

Кейл благодарно кивнул.

— Тогда, с вашего позволения, я сразу перейду к Дню открытых дверей. Вы ведь заметили, как быстро распространяются у нас слухи?

Я насмешливо вздёрнула бровь.

— Так вот, к моменту вашего выступления все — ну, или очень многие — уже знали, кто вы такая и какова ваша история. Дело ведь было громким, требовалось лишь его вспомнить. Мелькали сведения и о том, что вы — наша выпускница. — Он приподнял и снова опустил плечи в уже знакомом мне неуверенном жесте, из-за которого казался чуть-чуть виноватым и беззащитным. — Этого было достаточно. В вас увидели символ. Маг, вышедший из стен института, достигший невероятных высот — и...ну, скажем так, неоценённый правительством. Вашим побегом восхищались намного сильнее, чем выступлением, — хотя оно, поверьте, было отличным, — поспешил добавить он, выставив ладони вперёд. — Если бы кто-нибудь бросил в вас камень, боюсь, зал разорвал бы этого бедолагу на куски.

Я нервно рассмеялась.

— При случае объясните своим студентам, что символ из меня так себе. Я совершенно эгоистичный человек, даже не стесняющийся в этом признаться. И поступки мои продиктованы личными интересами. Так что сбежала я вовсе не с целью кому-то что-то доказать, а просто...просто чтобы сбежать.

Я принялась оглядываться, вытягивая шею, чтобы охватить как можно большую часть зала.

— Вы что-то ищете? — полюбопытствовал Кейл.

— Да, — подтвердила я, не прерывая поисков. — Здесь только что проходил лакей с подносом. Хочу выпить вина. Один бокал, а может, и два. Без алкоголя сложновато как следует осмыслить то, что вы сейчас рассказали.

Судя по выражению лица декана, он отнёсся к моей реакции с пониманием, где-то даже сочувствовал, но, чёрт меня побери, читалось в его синих глазах что-то такое... Словом, я бы не удивилась, окажись, что Кейл Грант солидарен со своими студентами и тоже видит во мне символ.

— Сейчас принесу, — галантно пообещал он и исчез в толпе.

Символ института! Вот ведь дожила в свои тридцать с хвостиком! Пришло же такое кому-то в голову!

— Прости, это ты мне?

Привычка говорить сама с собой всё-таки подвела меня, проявившись посреди бала во всей красе.

— Нет, — отрезала я, вынуждено поворачиваясь к Итану.

Не тебе. И не прощу.

— А. — Он огляделся в поисках моего собеседника, такового не обнаружил и, помявшись, продолжил: — Я хотел сказать, что рад тебя видеть.

— Не могу ответить тем же.

Где так долго носит Кейла? Уж лучше бы он оставил меня без алкоголя, зато избавил от необходимости объясняться с бывшим женихом. Который, как назло, продолжал стоять рядом, переминаясь с ноги на ногу, но уходить явно не собирался.

— Понимаю. Но, знаешь, я просто хотел объяснить...чтобы между нами не было недомолвок...

— Обожаю недомолвки, — оборвала я этот словесный поток.

Помимо стремления со мной поговорить, какое-то раздражало само по себе, он ещё и держался чрезвычайно близко. Не так чтобы меня волновали приличия (говоря откровенно, совсем не волновали), но я ненавидела, когда вторгались в моё личное пространство. И, уж тем более, не желала терпеть подобное от данного персонажа.

— Госпожа Блэр! Как это понимать? — Его высочество Орвин выступил из тени, обиженно нахмурив брови. — Вы обещали мне этот танец ещё до бала, а теперь куда-то запропастились!

Никакого танца я, разумеется, не обещала, но тугодумие не входило в число моих многочисленных недостатков.

— Совсем забыла.

Я виновато шаркнула ножкой, подхватила принца под предложенную руку и, не оборачиваясь, поспешила удалиться в его компании. Говорят, оглядываться на прошлое — плохая примета.

— Вы действительно не против того, чтобы со мной потанцевать? — уточнил его высочество, когда мы оказались в нужной части зала.

— Почему бы и нет? — Я вложила свою руку в его ладонь, вторую пристроила у него на плече. Рост партнёра оказался очень для этого удобным: не приходилось ни сутулиться, ни вставать на цыпочки. — Уж точно лучше пустой болтовни.

Он улыбнулся уголками губ, не иначе, в очередной раз порадовавшись моей «деликатности».

— Со мной или с кем-то другим?

— Да с кем угодно. Правда, я попросила одного человека принести мне бокал вина и не дождалась... Заболталась с другим и ушла танцевать с третьим, — не без удивления изложила я события последних пяти минут.

— Весьма характерно для женского пола.

— Наверное. Но за собой я таких особенностей не замечала. Впрочем, неважно. — Я поискала глазами Кейла, не нашла, и пришла к выводу, что так тому и быть. — Теперь я должна вам услугу, ваше высочество. Можете не сомневаться, я не забываю своих долгов.

— С вашей стороны это звучит как угроза, — рассмеялся Орвин. — Так что давайте считать, что танец — это и есть та самая ответная услуга, и мы квиты.

— Больно вам нужен был этот танец, — фыркнула я. — Могли найти себе партнёршу попривлекательнее.

— Всё лучше, чем тратить время на пустую болтовню.

Потребовалось несколько секунд, чтобы я опознала в этих словах собственную фразу. Видимо, мимика отлично отражала мою работу мысли, потому что по окончании этого времени принц расхохотался.

— Я ещё и мстительная! — угрожающе напомнила я, однако в действительности мне тоже стало весело, и это не укрылось от принца.

— Я успел это заметить. Бросьте, вы прекрасно выглядите. Любой кавалер сочтёт за честь с вами танцевать. Вам очень идёт это платье. Кстати, вы не думали почаще одеваться в таком стиле, вместо этих ваших странных...нарядов?

Моё благодушное настроение моментально сошло на нет.

— А вы не думали пореже вмешиваться в чужие дела? Будьте столь любезны, поберегите подобные советы для своих барышень.

Разворот, наши руки разошлись и снова встретились.

— Именно так и поступлю, — пообещал Орвин.

Мы продолжили двигаться в молчании. В сущности, странно было не это, а то, что мы даже несколькими фразами сумели обменяться. Обсуждать дело Охотника посреди бала — верх легкомыслия, а откуда взяться другим темам для разговора?

Во время очередного поворота я обнаружила Кейла. На губах невольно расцвела улыбка: декан кружил в танце её высочество. Что ж, отлично: стало быть, он не скучает в моё отсутствие.

— Скажите мне ещё одну вещь. — Принц, похоже, неверно расценил мою улыбку, решив, что я снова готова к плодотворному общению. — Итан Ритрей докучал вам только сегодня, или это была не первая его попытка?

Танец заставил меня полностью забыть об Итане, и упоминание этого имени выбило из колеи. Я даже замедлила шаг и сбилась с такта. Впрочем, это дело поправимое, так что мою ошибку вряд ли заметил кто-нибудь, кроме партнёра.

— Я не имел в виду ничего дурного, — поспешил прояснить ситуацию он. — Просто дайте мне знать, если вам потребуется помощь. Никаких прав это ничтожество не имеет.

Дыхание участилось, и вовсе не от той нагрузки, которую обеспечивал телу танец. Упоминание моей одежды оказалось сущей ерундой. Вот сейчас я была сердита по-настоящему.

— То есть вы изучили подробности моей биографии?

Нет, я была не сердита. Я буквально закипала от бешенства. Ненавижу, когда лезут в мою жизнь, будь то открытое вмешательство или слежка исподтишка.

— Личное дело не читал, если вы об этом. Но канцлер, естественно, выучил его чуть ли не наизусть, прежде чем было принято решение обратиться к вам за помощью.

«Естественно». Пожалуй, да, это действительно было естественно. Но в тот момент мне всё равно страстно хотелось перегрызть горло канцлеру, королю и его высочеству Орвину, а заодно сожрать то самое личное дело, чтобы с ним больше никто не смог ознакомиться.

— А вам он зачитывал наиболее пикантные отрывки? — съязвила я.

— Не пикантные, а те, которые считал наиболее важными, — последовал ответ. — И не зачитывал, а пересказывал.

— О, это совсем другое дело! — с важным видом протянула я. — И что же, ничего важнее моих личных отношений в досье не нашлось?

— Я понимаю, что вы от нас не в восторге, госпожа Йоланда, и, возможно, не без причины. Но не надо путать нас с кумушками на базаре. Ваши личные отношения никого не интересовали. А вот ваша эмоциональная нестабильность — другое дело.

Ну всё. Парень доигрался. Сейчас я точно загрызу его заживо — ничего личного, просто для того, чтобы доказать, что я эмоционально стабильна.

— Магистр Блэр! — Голос принца раздался словно издали, бесцеремонно вторгаясь в мои кровожадные мысли. — Вы заставляете нервничать мою личную охрану. Я в самом деле не хотел вас задеть. Пожалуйста, сделайте не такое свирепое лицо, иначе они вот-вот ринутся в бой.

— И что? — пренебрежительно поморщилась я. — Полагаете, это меня остановит? Здесь столько зеркал, что я успею испепелить весь зал прежде, чем они сориентируются в обстановке. Не верите?

— В ваши умения верю. В то, что вы собираетесь так поступить, — не очень.

— Отчего так? Я производжу впечатление человека нерешительного?

— Вы производите впечатление человека разумного. И потом, за последнее время я успел немного вас узнать.

— И что?

— Вы человечнее, чем пытаетесь казаться.

— Да ну! — искренне изумилась я. — У вас есть хоть какие-то основания для столь категоричных утверждений?

— Взять хотя бы ваше поведение в институте.

— Неужели я, сама того не заметив, совершила что-то хорошее?

Степень моего удивления всё возрастала.

— А зачем вы стали помогать тому рыжему магу — кажется, Джейкобу? — осушить кабинет? Воображаю, каких трудов вам это стоило: у вас был весьма измождённый вид. А между тем, если верить вашей риторике, вы должны были просто заявить: «Это не мои проблемы» — и уйти через отражение в зеркале или в воде.

— Так бывает, когда действуешь, не подумав, — отмахнулась я. Сообразила, что это не самое подходящее движение во время танца, и возвратила руку принцу на плечо. — А вы, как я погляжу, неплохо поднаторели в науке отражений.

— Моя прабабушка была зеркальным магом. И, хотя у самого меня способности никогда не проявлялись, я немного интересовался этой темой.

— Понятно. Хотите дружеский совет? — Гнев сам собой сменился на милость. — Не развивайте в себе привычку видеть в людях хорошее. Это раздражает.

— Я далеко не во всех вижу хорошее, — возразил он.

В этих словах мне послышался намёк на поднимавшуюся недавно тему.

— Да зря вы взъелись на Итана. — Я устало распрямила спину. Скорей бы музыка заканчивалась. — Он совершенно нормально поступил. Разумно и естественно.

— Вот уж где ничего естественного не вижу, — отрезал Орвин с той жёсткостью, какая, помнится, проявлялась в его отношении ко мне при самой первой встрече.

— А что, по-вашему, ему было делать? Хранить мне верность до конца своих дней? Не жениться, не встречаться с женщинами, не иметь детей? Меня ведь, напомню, осудили пожизненно. Он, во всяком случае, поступил честно.

Темп замедлился, танец подходил к концу.

— Грош цена такой честности. Согласен, бывают случаи, когда мы ничего не можем сделать для близких людей. Неправда, будто любовь побеждает всё. Мы часто оказываемся бессильны. Перед смертельной болезнью, перед человеческой жестокостью, перед превратностями судьбы. И тогда нам остаётся только одно — поддержать. Хотя бы на миг отогнать уныние. Сделать жизнь на каплю не такой чёрной. Перед вашим женихом стояла исключительно эта задача. И он с ней не справился.

— Нам были запрещены свидания, — сообщила я, на случай, если он был не в курсе. — И писем в тюрьму не доставляли.

— Зато бумаги о расторжении помолвки обязаны были доставить. — Я вынужденно кивнула, и он заключил: — Вот и я о том же.

Музыка доиграла, и мы застыли во взаимном поклоне. Простояли так чуть дольше, чем было необходимо. И разошлись в разные стороны.

Я поспешила прочь из танцевального зала, пока кто-нибудь ещё не успел перехватить меня и пригласить на очередной вальс или менуэт. То ли утомилась с непривычки, то ли пришла пора на личном примере познать истину о том, что старость — не радость. Впрочем, с последним я предпочитала не спешить. А вот прогуляться безусловно стоило. Либо поностальгировать, бродя по мало изменившимся коридорам и галереям дворца, либо подышать свежим воздухом в ухоженном парке.

Определиться с планами я так и не успела. Буквально у дверей меня перехватил лакей. Он умудрился, не прикасаясь ко мне и не окликая, привлечь к себе внимание, своевременно оказавшись в поле моего зрения и поклонившись. Затем протянул серебряный поднос, какие обычно использовались для почты. И действительно передо мной лежал один-единственный конверт, зато более ценный, чем десятки иных писем. Ибо на нём красовался герб Эльмирры и вензель королевской семьи.

Я приняла послание, вскрыла конверт при помощи лежавшего на том же подносе ножа для бумаг и извлекла письмо, вернее сказать, записку. Лакей вновь поклонился и ушёл, а я развернула сложенный вчетверо лист и прочитала послание. Всего несколько строк.

«Необходимо срочно поговорить. Есть подозрение, что пропал ещё один артефакт. Дело не терпит отлагательств. Приходите на первый этаж западного крыла, в синюю гостиную. Это место достаточно удалено от бального зала, и никто не помешает нашей беседе».

Далее шла подпись — Эдбальд Четвёртый — и оттиск королевской печати.

Я обвела взглядом зал. Короля нигде не было видно, Орвина, кстати, тоже. В отличие от старшего принца (тот был здесь и явно получал удовольствие от дамского общества) и виновницы торжества, танцевавшей с очередным кавалером. Что ж, самое время и мне исчезнуть. Праздника мне более чем хватило, пора и поработать.

Дорогу в западное крыло я знала хорошо, так что расспрашивать никого не пришлось. Пройти

насквозь анфиладу комнат, пересечь музыкальный зал, миновать узкий коридор и выйти к... зеркальной гостиной?!

Прежде здесь такой не было, это точно. Я помнила обстановку довольно неплохо. Мебель была светло-бежевая, портьеры, наоборот, тёмные, тяжёлые, со старомодными оборками. В дальнем левом углу застыла статуя девушки, держащей на плече кувшин. Старший дворецкий как-то раз отчаянно спорил с офицером охраны о её происхождении. Первый с пеной у рта доказывал, что изваянию добрая тысяча лет, второй ухмылялся в пышные усы и утверждал, что это всего лишь умелая подделка. Дело чуть не дошло до драки. Точно, дворецкий тогда опустил поднос с корреспонденцией на низкий буковый столик, которого сейчас в совершенно пустом помещении не было. Как и прочих предметов обстановки. Зато зеркала... Быть может, их не так уж и много, но они столь умело расставлены, что кажется, будто комната вот-вот взорвётся от обилия моих отражений.

Это выглядело, как...ловушка. И я собиралась развернуться и уйти (плевать на мнимую позорность бегства: сражаться лучше на своей территории или хотя бы по своим правилам), но спустя мгновение поняла: слишком поздно. Дверь, ещё недавно такую доступную, теперь преграждало очередное зеркало. А мне в спину уже летел крупный огненный шар. Я разбежалась и прыгнула, с лёгкостью преодолевая ближайший стеклянный барьер.

С трудом устояла на ногах и, чертыхнувшись, скинула туфли. Что-то подсказывало: придётся побегать, а делать это на каблуках крайне нежелательно. Есть шанс поранить ноги, но это меньшее из зол. Я снова чертыхнулась, оценив окружающую обстановку. Зеркальный лабиринт простирался и здесь. Со всех сторон на меня смотрело собственное лицо, скопированное бесконечное количество раз в уходящих вдаль отражениях. И огненных шаров тоже было много: попробуй угадай, который из них настоящий, и с какой именно стороны он прилетит. Вернее, будь у меня время, я бы, конечно, разобралась, но смертоносное средоточие пламени уже приближалось...

Тем не менее, одно преимущество по сравнению с простым обывателем у меня всё-таки имелось. Мне не пришлось отчаянно тыкаться в стеклянные стены наподобие слепого котёнка, пытаюсь найти проход. Вместо этого я просто бежала сквозь зеркала. Одно, другое, третье. Магу пришлось следовать за мной. Началась самая настоящая погоня, и, увы, роль охотника досталась отнюдь не мне.

Шары возникали из ниоткуда один за другим. Примерно так же я в своё время извлекла из зазеркального пространства инструмент, при помощи которого стёрла наколдованную ректором тучу. Но скорость, с которой работал мой враг, впечатляла. И в убойной силе его фантомного, казалось бы, оружия, я не сомневалась. Правда, задеть меня ему пока не удалось. Оно и не удивительно, учитывая, что я петляла, как заяц, к тому же перепрыгивая из одного подпространства в другое. Рассчитать траекторию полёта было нереально, и маг, вероятно, продолжал использовать шары для устрашения. А также не хотел давать мне время на ответный шаг.

Однако же я не собиралась бесцельно бегать до тех пор, пока не упаду от усталости. План у меня был, просто я не хотела выдавать его слишком быстро. Но постепенно, окольными путями, я приближалась к спуску. Соскользнула вниз, слегка оцарапав локоть, и оказалась на втором уровне. Ну что ж, теперь дело пойдёт веселее. Изображение в кривом зеркале, многократно отражённое другими, тоже кривыми, зеркалами. Тут не то что маг, сам чёрт не разберётся, что к чему. Окружающие предметы множились, расширялись, сужались, вытягивались, распадалась на части, и, попетляв совсем немного, я со спокойной совестью прижалась спиной к одному из ответвлений высоченного кристаллического куста.

Лишь теперь пришло озарение: я — законченная тупица. Шары, которыми меня пытались поджарить, существовали исключительно в зазеркальном мире, и тот, самый первый, не был исключением. Преследователь напугал меня *отражением* шара, а я купилась, метнулась сквозь стекло, тем самым загоняя себя в ловушку. А надо было всего лишь опрокинуть зеркало, перегородившее дверь. Либо благополучно бы скрылась, либо встретила с недоброжелателем лицом к лицу. Оба варианта я предпочитала нынешнему, но — имеем то, что имеем.

Я немного отдышалась, а затем, не рискнув более мешкать, крикнула:

— Может быть, побеседуем, Гилберт?

Теперь моё расположение можно было вычислить по голосу, так что я перескочила к ближайшему зеркалу и шагнула внутрь. Как раз вовремя: огненный шар сбил кусок кристалльной ветви, с тонким звоном упавший на землю. Жаль: красивый был куст.

Впрочем, всё это не помешало магу поддержать разговор.

— Значит, всё-таки догадалась? — укоризненно произнёс он усталым голосом старика, которого молодая стерва в моём лице заставляет напрягаться и бегать. Нет бы просто уселась на месте и

позволила спокойно себя убить.

Не дождётся. И пусть меня считают стервой. Переживу.

— По почерку узнала, — объяснила я из своего нового укрытия. Можно было позволить себе несколько фраз: Гилберту потребуется время, чтобы сориентироваться, понять, в котором из пластов отражений я сейчас нахожусь, и пройти следом. — Вот только никак не возьму в толк: почему? Ведь место главного придворного мага получил Крон. Значит, ему пошло на пользу моё заточение: одним конкурентом меньше. А теперь выходит, что избавиться от меня всё это время пытался ты. Не объяснишь? А то я что-то совсем запуталась.

Настала пора снова менять местоположение, и я шагнула в соседнее зеркало, чтобы вскоре укрыться за новым кустом.

— Должность старшего придворного мага должна была достаться мне. — До сих пор среди отражений мелькала лишь размытая тень да серый плащ с капюшоном, но сейчас я будто воочию увидела, как Гилберт поморщился. — А ты мешала. Твоя энергия и энтузиазм, свойственные молодости, да в придачу привлекательная внешность, могли поднять тебя слишком высоко. И это было не ко времени. Дорогу, уж прости, нужно уступать старшим.

— Разузнать о делах, которыми я занималась, тебе было несложно, — подхватила я. — Ты же свой и, как ни крути, один из первых магов Эльмирры. Продать разработки соседнему государству через подставных лиц и выставить меня виноватой — тут всё элементарно.

— И заодно набрать очки, раскрыв твоё преступление, — важно подтвердил Гилберт.

— Что же пошло не так?

— Досадная случайность. Я был на несколько шагов впереди. Но тут заболел сын старшей горничной, к которому очень привязана принцесса. Пройдоха Крон первым оказался поблизости, сумел излечить мальчишку, и король в благодарность назначил главным придворным магом его. Позабыл про все мои заслуги.

— Ай-ай-ай. Действительно досадно, — поцокала языком я, снова меняя дислокацию.

Правильно сделала: моя насмешка определённо разозлила Гилберта, и тот испортил очередной живописный куст.

— Шары давно устарели, — упрекнула я. — Вот это более современно.

Я резко тряхнула рукой, и сорвавшаяся с пальцев огненная лента, змеясь в воздухе, помчалась в сторону мага. Тот успел увернуться, но плащ я ему всё же слегка подпалила.

— Форма шара совершенна, — не согласился Гилберт. — Говорю же: ты ещё слишком молода, и многого не успела понять. Куда тебе на высокие должности?

— Да я на них и не метила. Мне, видишь ли, было просто интересно работать.

— Может быть, — без особого доверия отозвался он. — В любом случае, ты мне мешала. А теперь появилась опять.

— Чёрт знает что! — вновь посочувствовала собеседнику я. — Ну, а Крона-то ты почему не убрал, раз он встал у тебя поперёк дороги? Уж если идти к своей цели, то до конца!

— С ним оказалось сложновато, — признался Гилберт. — В отличие от тебя, этот старый параноик хорошо разбирается в придворных интригах. Но убивать его необязательно. Из него песок сыплется, так что в ближайшее время он сам либо окочурится, либо уйдёт на покой.

— Ладно. — Трогательную беседу было пора заканчивать, наступило время последнего рывка. Но у меня оставался ещё один важный вопрос. — А скажи-ка, пожалуйста, не ты ли у нас тот самый Охотник, который коллекционирует ключи от Первозданного зеркала?

— Глупости, — отозвался маг. — С чего бы мне заниматься такой чушью? Я хочу занять должность, которую заслужил долгими годами честной службы. Мне нужна власть, а не хаос. Только сумасшедший станет открывать Первозданное зеркало без крайней необходимости.

Что ж, будем считать это признание искренним. Ведь Гилберт убеждён, что разговаривает с покойницей. Попробуем теперь слегка подкорректировать его планы.

— Лови! — только и крикнула я, выскакивая из-за кристалла.

К магу потекла, шипя и плюясь искрами, огненная дорожка. Оставив его разбираться с этим

препятствием, которое, кстати сказать, пришлось довольно долго готовить (как разгодились все накопившиеся у меня вопросы), я скользнула в одно зеркало, затем в другое, а дальше поспешила, мимо кустарников и серебристых лиан, вниз, к третьему уровню. Только бы успеть до него добраться, а дальше я знаю, что делать. Гилберт, конечно, старше, опытнее и в чём-то мудрее, но и у меня есть в запасе кое-какие козыри...

Не добралась. Я была совсем близка к цели, когда со сводчатого потолка с грохотом упала решётчатая клетка без дна, пленяя меня, точно грызуна, попавшего в мышеловку. Я коснулась прутьев, попыталась толкнуть. Они оказались невероятно холодными и прочными. Нецензурно ругаясь, я сотворила не менее прочную, казалось бы, пилу, и попыталась разделаться с ловушкой, но вскоре стало очевидно: на освобождение потребуются долгие часы, каковых в моём распоряжении, ясное дело, не имелось. Раздавшийся неподалёку смех свидетельствовал: понимала это не я одна.

— Но как?! — со смесью отчаяния и возмущения вскричала я.

Такую ловушку невозможно сотворить за несколько секунд. Гилберт, несомненно, приготовил её заранее. Но он же не мог просчитать, где именно я пробегу, через которое пройду зеркало, с какой стороны обогну переплетение кристалльных стеблей!

— Письмо, якобы от его величества, — насмешливо напомнил маг. — Клетка настроена на него. Ты ведь не могла выбросить столь важное послание, верно?

Я застонала, стиснув зубы. Тупица, дважды тупица! Письмо! Туфли я скинуть сообразила, а вот избавиться от предмета, переданного врагом, не додумалась! Выходит, до сих пор Гилберт просто играл со мной, как кошка с мышкой.

— Ну всё. Пора это заканчивать, — заявил он, шагая в мою сторону.

Теперь я наконец увидела его отчётливо: худое жилистое тело, седые волосы, откинутый капюшон, орлиный нос с раздувающимися ноздрями, острые черты лица, морщины на лбу и в уголках глаз...

Мои руки разжались, выпуская за ненадобностью пилу, и инструмент беззвучно растворился в воздухе. Взгляд расфокусировался. Нужно было совсем немного подправить в окружавших нас отражениях. Второй уровень зыбок и непостоянен, но я надеялась, что близость третьего поможет стабилизировать колдовство.

Не так давно, сидя в своём убежище, я заставила зеркало показывать не комнату, а ведущую к дому дорогу. Сейчас я использовала приблизительно ту же технику, но не сменила зону отражения, а всего лишь сконцентрировала её на определённой части «картинки». И теперь со всех сторон, многократно скопированные, на Гилберта смотрели мои глаза. Руки дрожали от напряжения, а я всё увеличивала и увеличивала изображение. Не было видно ни окружающего пейзажа, ни наших фигур, ни лица моего противника. Только зрачки, белки, веки, ресницы. Теперь, в какую бы сторону ни посмотрел маг, он был вынужден встретить мой взгляд.

Глаза — это тоже зеркало. Зеркало души. Если говорить точнее, зеркало мозга. И, поймав Гилберта на крючок, я заставила его сделать один заключительный шаг: погрузиться в моё сознание. Его тело осталось стоять там же, где и прежде, совсем рядом с решёткой. Но, как и я, он умел мысленно нырять в мир отражений, и сейчас произошло именно это. Наши разумы сплелись, но не на равных: маг был вынужденным гостем, которого я затянула в собственный мир.

Следовало быть очень осторожной. Разумеется, я не дала Гилберту возможность хозяйничать в моей голове. Нет, образно говоря, я оставила его топтаться в прихожей и открыла доступ лишь к тем мыслям и воспоминаниям, которые сама же выпустила на первый план. Сейчас он всё видел изнутри, моими глазами. Я говорю «видел», но на самом деле ему открывалось не только изображение, но и звуки, запахи, и — самое главное — эмоции.

...Вот меня арестовывают. Прямо во дворце. За окнами ярко светит солнце, а на ковёр падает тень незнакомого стражника. На руки сразу же надевают кандалы. Удивление, беспокойство, но почти полная уверенность, что недоразумение разрешится в ближайшие часы...

...Допрос. Маленькая комнатка с казённой мебелью, совершенно обезличенная, невероятно яркий магический свет в лицо, и следовательно, в сотый, наверное, раз задающий одни и те же вопросы. И я, тоже в сотый раз доказывающая, что все обвинения — полнейший бред. У меня хриплый, почти сорванный голос. Нет, меня не пытали, но я слишком часто переходила на крик от эмоций, пытаюсь достучаться, объяснить, донести свою мысль...

...Камера, решётчатая дверь. Законник, которого я наняла, поняв, что самостоятельно мне не выпутаться. Он виновато опускает глаза, разводит руками. Ничего нельзя изменить, он старался, как мог, но доказательства моей вины слишком значительны... Отчаяние, гнев, ярость, готовность убивать всех, кто попадётся под руку. Я уже понимаю, что спасения нет, но всё ещё не готова

смириться с этим осознанием...

...Суд. Пустая формальность: всё уже решено. Я ушла в себя, молчу, не пытаюсь спорить, тихонько раскачиваюсь на стуле к неудовольствию охранника, и лишь на пару мгновений поднимаю взгляд, когда зачитывают приговор...

...Тюрьма. Уже совсем другая, удалённая, для тех, кого списали со счетов. Здесь нет законов, нет правил и нет снисхождения. Стража развлекается так, как может. Если узников выводят из подземных камер и заставляют подняться по старым, истёртым ступеням на первый этаж, значит, будут развлекаться. Крики обычно становятся слышно заранее. Сегодня я якобы в чём-то провинилась. Под спиной — жёсткий каменный пол, я лежу, пытаюсь сгруппироваться, схватившись руками за голову, выставив локти перед лицом. В поле зрения то и дело попадают чужие ноги, обутые в грязные сапоги с тяжёлой подошвой. Удар приходит за ударом. Стоит повернуться, прикрывая побитый бок, как я вынужденно раскрываюсь другой стороной, и следующий пинок приходится туда. Кровь течёт изо рта и из носа, по щеке и подбородку, на полу и одежде остаются пятна. Чего-чего, а следов своих развлечений здесь не боятся.

В теле — дикая боль, на грани терпимости, а быть может, уже и за гранью. На губах — солёный вкус крови. В душе — ненависть, такая, что, кажется, вот-вот разорвёт на части без помощи моих мучителей. Это чувство становится ещё сильнее, когда действие заканчивается, и мне приказывают самостоятельно вернуться в камеру. Сначала я могу только ползти, потом неимоверным усилием воли заставляю себя подняться и медленно, хватаясь за всё вокруг, иногда всё-таки падая и снова вставая, идти на подземный этаж, так ни разу и не получив даже самой малой помощи. Ненависть смешивается с унижением, превращаясь в страшную гремучую смесь. Здесь ещё не поняли, что, как хорошо от магии ни защищайся, я всё равно могу оказаться опасной...

...Совсем небольшая камера. Кровать, от которой всего пара шагов до решетки. Ведро для нечистот, источающее отвратительный запах. Но куда более отвратительно осознание, кто к этому запаху я уже привыкла. Равно как и к своей разорванной одежде, и перемазанному засохшей кровью телу: возможности как следует отмыться здесь, конечно же, не предоставляли. Окна отсутствуют. Зеркала, по понятной причине, тоже. Я сижу на полу, просто потому, что уже устала сидеть на кровати. Альтернатив немного. Можно не сесть, а лечь. Можно встать и походить по комнате. Но места так мало, что после четырёх-пяти шагов приходилось повторять прежний маршрут.

Сейчас я смотрю вверх и вижу потолок и голые стены. Я знаю, что никогда отсюда не выйду. Столько лет, сколько мне отпущено, я проведу здесь, в этой крохотной комнатке, с этими стенами, этой кроватью и этим ведром. Недели, месяцы, годы. В мире, превратившемся для меня в одну точку. Паника захлёстывает меня волнами, мешает дышать, и кажется, что я вот-вот умру, потому что не сумею глотнуть воздуха. Перед глазами всё плывёт, потолок словно опускается ниже, или это стены сближаются? Ведь существуют камеры, где неугодных узников уничтожают именно таким способом? Но нет, моя камера — самая обычная. Я понимаю это, когда меня чуть-чуть отпускает. Всего лишь жестокая игра моей собственной психики. Похоже, я схожу с ума. Здесь, в крохотной одиночной клетушке без окон, много ли пройдёт времени прежде, чем я окончательно потеряю рассудок?..

Гилберт дёрнулся, странно, неестественно мотнув головой. Ментальная связь прервалась. Тяжело дыша, с трясущимися руками, он опустил взгляд на колкую серебристую траву. Потом снова посмотрел на меня и открыл было рот, собираясь что-то сказать. Но вдруг схватился за сердце, беззвучно пошевелил губами и, закатив глаза, рухнул к моим ногам.

Решётчатая клетка исчезла в один момент, канули в небытие многочисленные зеркала. Всё, что было создано магической силой лежавшего на земле человека. Я присела на корточки, приложила пальцы к шее рядом с трахеей. Пульс не прощупывался. Неудивительно: произошедшие вокруг изменения говорили сами за себя. Гилберт умер, и его волшба, не закреплённая должным образом, покинула мир вместе с ним.

Следуя древнему человеческому обычаю, я закрыла ему глаза. Затем вновь сосредоточила внимание на шее, движимая теперь совсем другим интересом. Ничего, похожего на цепочку или шнурок, заметно не было. Я аккуратно растегнула верхнюю пуговицу рубашки. Сомнений не оставалось: ключа нет. Поморщившись (не самое это приятное занятие — обыскивать покойных), я проверила карманы. Провела рукой над телом, прислушиваясь к колебаниям энергии. Хранители всегда держали ключ при себе. Иначе, без тесного контакта, артефакт постепенно утратил бы силу. Не сразу, конечно, скорее, за несколько недель, а то и месяцев. Но правила строго гласили: пока хранитель жив, он не должен расставаться с ключом. Увы, в данном случае мне не повезло.

Поднявшись на ноги, я щёлкнула пальцами, создавая непосредственно под телом мага воздушные носилки. Аккуратно пошевелила руками, и они взмыли в воздух. Дальше они медленно плыли передо мной, в то время как я продвигалась к выходу. В самом конце, добравшись до прямоугольной двери, я и осторожно придержала тело и уложила Гилберта на полу в комнате, которую по-прежнему можно было назвать зеркальной.

Глава 8. Острые осколки памяти

Только пустой она уже не была. Оказывается, за время нашего отсутствия здесь собралось с десятков человек, среди них — король, оба принца, важный вельможа, в котором я опознала канцлера, и несколько охранников разных рангов. Не знаю, что именно их привлекло: мы с Гилбертом успели уйти далеко, и через зеркало мало что можно было разобрать, но вид все имели встревоженный. Теперь же всеобщее внимание сосредоточилось на мёртвом маге. Офицер охраны проверял пульс, канцлер, хмурясь, шептал что-то Эдбальду на ухо, наследник рассматривал тело с чуть брезгливым выражением лица, а один из солдат на всякий случай направил в мою сторону лезвие меча. Я же утомлённо уселась на пол, согнув ноги в коленях и оперев на них локти.

— Руки вязать будете? — лениво поинтересовалась у стражника я, не меняя позы.

— Уберите оружие, — приказал король, впервые обратив внимание на наше маленькое противостояние. — Что это было? — обратился он ко мне. Не так чтобы ласково, но и не угрожающе.

— Борьба за власть, полагаю, — отозвалась я. Вытащила из кармана письмо, якобы написанное королём, и вытянула вперёд и вверх руку. Охранник взял послание и поспешил вручить его Эдбальду. — Магистр Гилберт очень боялся, что я запрыгну на причитающуюся ему ступень карьерной лестницы.

Кажется, его величество не был безумно удивлён, или же был удивлён, но не подал виду. Просмотрел письмо, хмыкнул и передал его канцлеру. Кронпринц подошёл поближе, чтобы присоединиться к чтению.

— Как ты его убила? — бесстрастно спросил король.

Я подняла на него усталый взгляд. Даже при всём желании, оказать монарху должное почтение и встать без посторонней помощи я бы сейчас не смогла.

— Вы не поверите, ваше величество, но можно сказать, что он умер от угрызений совести, — сообщила я. — Сердечный приступ. Думаю, любой лекарь это подтвердит.

— Гилберт — от угрызений совести? — действительно не поверил Эдбальд. — И как же тебе удалось его пристыдить?

— У меня есть свои способы, ваше величество.

— Хорошо, ступай, отдохни, — распорядился король. — На тебе лица нет.

— Надеюсь, что не в буквальном смысле, — тихонько проворчала я и встала, опираясь на неведомо откуда возникшую руку Орвина.

— Идём.

Я послушно поплелась по направлению к двери, которая уже не была забаррикадирована зеркалом. Неприятную слабость в ногах осознала лишь после того, как чуть не упала. Удержал меня всё тот же Орвин. Пришлось идти дальше, опираясь на его плечо.

— Может, тебе какое-то лекарство нужно? — обеспокоенно спросил он.

Путь мы, к счастью, держали недалеко: пересекли комнату с многочисленными стульями и несколькими музыкальными инструментами и добрались до небольшой гостиной с коротким, но весьма уютным диванчиком, на котором меня и разместили.

— Нужно, — с мрачным видом кивнула я. — Алкогольное. И покрепче.

Принцу оказалось достаточно повернуть голову. Уже маячивший у входа лакей понимающе поклонился и отправился выполнять распоряжение.

Вернулся он на удивление быстро, с непочатой бутылкой дорогого бренди и подносом, уставленным всевозможными лёгкими закусками. Водрузил всё это на стол и не забыл извлечь из буфетного шкафа два пузатых бокала на прозрачных ножках. Разлил напиток под моим жадным взглядом, удостоверился в том, что больше от него ничего не требуется, и удалился.

— Будешь? — осведомилась я у принца, хватаясь за свою порцию.

Он покачал головой.

— Ну и ладно.

Уговаривать я никого не собиралась: так даже лучше, мне больше достанется. В подтверждение этого тезиса я опрокинула оба бокала один за другим и потянулась за бутылкой, чтобы налить себе ещё.

— Закусить не желаешь? — едко поинтересовался Орвин.

Я вложила в свой ответный взгляд всё возможное презрение к слабакам, нуждающимся в такой глупости, как закуска.

Захмелела быстро. Собственно, к чему стремилась, то и получила. Не учла одного: такое состояние развязывает язык. Обычно это не имело большого значения, ведь пила я в компании Хаша, а ему можно сказать столько же, сколько самой себе, и даже больше. Но в этот раз зелёного змия рядом не было (не прицепишь ведь флягу с портвейном к платью). Вместо него имелся принц, хотя я даже не помнила о его присутствии, когда начала высказываться.

— Хм, а ведь меня сегодня в первый раз пытались убить за долгое время, — чуть заплетающимся языком провозгласила я. — За это надо выпить! — И, лишь опустошив бокал, я сообразила, что тост был неоправданным. — А, нет, не первый! Забыла про тот случай в ущелье.

— А прежде на твою жизнь покушались? До того, как... словом, когда ты служила во дворце?

Только теперь я вспомнила о присутствии Орвина. Прищурилась, стараясь сфокусировать взгляд. Поняла, что это бессмысленно, и плеснула себе ещё бренди.

— Было дело. Но нечасто.

— А в тюрьме?

— В тюрьме? — удивлённо воззрилась на него я.

— Я слышал, что такое случается.

Орвин отвёл глаза: похоже, смутился, или решил, что чем-то меня обидел. Я смотрела на него почти с умилением. Надо же, то ведёт себя как воин и мужчина, а то чистой воды ребёнок!

— Бывает, — подтвердила я, уже без прежнего напускного апломба. — Но я сидела в одиночной камере, и к ней старались лишний раз не приближаться. Меня боялись.

— Кто?

Я передёрнула плечами.

— Все. За это надо выпить? — спросила я у пустого бокала, рассматривая его в свете магической лампы.

— Как «все»? И стражники? Боялись заключённую?

Я откинула голову назад и рассмеялась, разглядывая расписанный цветочными узорами потолок. От переплетения разноцветных линий зарябило в глазах, и я бросила это занятие.

— Ещё как боялись. Ещё как...

Зря я освежила в памяти те события, когда впустила Гилберта к себе в голову. Впрочем, что значит «зря»? Не сделала бы этого — и сейчас лежала бы в зеркальной комнате бездыханным телом вместо старого мага. Но легче от этого не становилось. Я крепко сжала виски: казалось, от воспоминаний вот-вот лопнет голова. И чтобы она не лопнула, я заговорила.

— Считается, что у мага нет в тюрьме преимуществ. Всё оборудовано так, что к колдовству не прибегнуть. Никаких зеркал, ни одной отражающей поверхности. Каждого, кто там работает, тщательно обыскивают на входе. Воду приносят в специальных бутылках, её не пролить. Нужно присасываться к горлышку, чтобы напиться. А если бы даже вдруг получилось расковырять бутылку, пол специально обработан магами так, что жидкость выпивается невероятно быстро. Короче, всё устроено, чтобы не было отражений. И не только в камере. Весь наш этаж был такой, и следующий тоже. Гады хорошо подстраховались.

Я прервала рассказ, чтобы поглотить ещё одну порцию своего «лекарства», но на сей раз оно не придало прежней бодрости. Пришлось отставить опустевший бокал на стол.

— Стража любила развлекаться. — Я смотрела не на принца, а мимо него, на поленья, аккуратно сложенные в неразожжённом камине. — Меня поначалу особо не трогали, так, избивали несколько раз для острастки. То ли я им непривлекательной показалась, то предпочитали лишний раз с магом не связываться. А в тот день, видимо, очень уж им захотелось женской ласки. Меня когда наверх

поташили — развлекались они обычно наверху, — я сразу по плотоядным улыбочкам поняла, что к чему. А на лестнице крики стали слышны. И не плач даже... — я прикусила губу, подбирая слова, — ...вой почти. А потом меня затолкали в комнатку. Сторожевую, или как там это у них называется. И там даже койка имелась. Вряд ли специально для таких случаев, наверное, спят на таких между сменами. И вот, видишь как, прямо на полу бабу разложить этим эстетам не годилось, им кровать подавай! И знаешь что?

Я повернула голову к Орвину. Он слушал внимательно, хоть и не проронил ни слова. Лицо казалось бледным, и желваки как будто двигались туда-сюда. Правда, с этими магическими светильниками пойдёшь разбери, а за окном уже давно стояла ночь.

— Я испугалась! — со смешком констатировала я. — Думаешь, я такая смелая? Всё мне нипочём? — Я вроде бы и обращалась к принцу, но уже снова смотрела мимо него. — Как бы не так! У меня от страха душа ушла в пятки. Парадокс! Колдовства не боялась, к побоям почти привыкла, на мечи смотрела спокойно. А вот ведь: маленькой мужской штучки испугалась так, что хоть помирай на месте.

При упоминании маленькой мужской штучки Орвин непроизвольно закашлялся, но я не придавала этому значения.

— Казалось бы, какая разница? — выкрикнула я, продолжая давний диалог с самой собой. — Ну, неприятно, ну, противно, большое дело! Так нет, умереть хотелось больше. Но никто не предлагал. — Я перевела дух, скользя взглядом по краю стола. Откинула голову назад, прикрыла глаза и продолжила. — Уложили меня, значит, на койку. Я там точно в этот день была не первая. Пятна заметила красные, и выданные волосы, прямо клок. Но долго осматриваться не пришлось. Эта гнида небритая надо мной нависла, взгляд голодный... Одной рукой меня щупал, другой с себя штаны стягивал. Я, конечно, сопротивляться пыталась, отбивалась, ногтями царапалась... Детский сад! Мне бы одно крохотное зеркало — я бы в порошок его превратила. Только штаны и остались бы. Но не было там зеркал. Вот, — я покрутила кистями перед носом принца, — «страшное» оружие! И всё равно чёрта с два бы он один на один со мной справился. Но товарищ помог, меня придержал. А этот, первый, значит, задрал юбки... Ненавижу юбки! — Я с омерзением опустила глаза на собственное платье. — В них всё равно, что совсем без одежды. Склонился он, значит, надо мной, и тут я глаза его встретила. А в них — крошечные такие — мои отражения. Налей выпить, а?

Орвин поколебался — не иначе, считал, что с меня уже довольно, но потом всё-таки выполнил просьбу, даже не сопроводив сей факт нотациями. Я благодарно приняла очередную порцию горячительного.

— Ни один идиот не полезет в зазеркалье через такую крошечную дверь, как зрачки. С той стороны — пожалуйста, проход всегда можно подправить и увеличить. Как я сделала тогда с твоей брошью.

Принц кивнул, дескать, помнит.

— А с этой стороны — нельзя. Тело в лазейку не помещается, а магия-то задействована, и каким будет итог — неизвестно. Может просто стереть в порошок. Но мне-то терять было нечего. Даже если я прямо под этим уродом рассыплюсь прахом, то тем лучше. Пусть напоследок зайкой станет. Я, помню, даже улыбнулась ему тогда. И шагнула в отражение. Не буквально, мысленно. Этого должно быть достаточно, чтобы переместиться. Но, как оказалось, с глазами всё работает совсем не так.

Я замолчала, облизнула пересохшие губы, задумалась. Объяснять принципы работы зеркальной магии человеку со стороны сложно, а непосредственно сейчас я была совсем уж не в том состоянии, чтобы формулировать лекции.

— Глаза называют зеркалом души, и это очень точно. Они связывают человеческий разум с внешним миром. По одну сторону — всё, что человек видит. По другую — его мозг. Вот туда-то я и попала.

— В мозг?! — ужаснулся Орвин.

— Не физически, — успокаивающе пояснила я. — Даже не представляю, что бы было в этом случае. Но, понимаешь, для того, чтобы работать с зеркалами, обязательно проходить сквозь них в буквальном смысле. Можно сосредоточиться, сконцентрироваться на отражении, и перенестись в зазеркальный мир ментально. Так и тут. Моё тело осталось на кровати, но мысленно я проникла в его сознание. И это, скажу я тебе, крайне мерзопакостная штука.

Меня передёрнуло. Даже не думала, что воспоминания могут оказаться настолько яркими. То ли всему виной алкоголь, зелёный змий его побери, то ли мне просто необходимо было выплеснуть всё это хоть кому-нибудь...

— Объяснить, как всё это происходило, не могу. Сама толком не понимаю. В институте мы точно

такого не проходили. И в книгах сталкиваться не доводилось — а ведь я потом искала. Так что только свои ощущения могу описать. Я увидела нечто такое маленькое, ёжащееся, склизкое, но мечтающее почувствовать себя огромным, сильным и значительным. И девчонка на койке идеально подходила для этой цели. Понимаешь, при таком проникновении вроде бы как сливаешься с чужим разумом. Начинаешь видеть и чувствовать то же, что он, даже мыслить его категориями. Это было мерзко и страшно, может, даже страшнее, чем то, что вот-вот должно было случиться вовне. И я не стала дожидаться, пока окончательно в нём растворюсь. А начала действовать. Как именно — тоже объяснить не могу. Всё происходило на ментальном уровне и совершенно интуитивно. Я просто стала раскидывать его мысли в разные стороны. Швыряла с максимальной силой всё, что попадалось под руку. Как если бы ворвалась в чужую комнату и устроила там погром. А потом быстро-быстро выскочила обратно. В своё тело, на койку.

— И...что? — хриплым голосом спросил Орвин.

— К тому моменту он ничего не успел. Это ведь рассказывать долго, а происходило всё стремительно. А потом ему стало не до того. Он вдруг заорал — громко и как-то дико. Глаза расширил в ужасе, отшатнулся от меня, кинулся к двери — прямо так, со спущенными штанами. Запутался, упал, пополз, выкрикивая что-то совершенно бессмысленное. Товарищ его перепугался, метнулся к нему. Но ничего мало-мальски разумного добиться так и не смог. В итоге тот кое-как штаны подтянул и в коридор выскочил, вопя на ходу. Дружбан — за ним. Дверь заперли. А потом за мной долго-долго никто не приходил. Заявились, должно быть, через несколько часов — и целым отрядом. Я уже думала: всё, сейчас на месте прирежут. Но нет, в камеру сопроводили, можно сказать, даже вежливо. Держались от меня на расстоянии вытянутого клинка, ближе не подходили. Оказалось, тот, который ко мне полез, лишился рассудка. Ну, а второй всем растрезвонил, что зеркальница сводит с ума одним взглядом. С тех пор ко мне не лезли. Только еду и воду раз в день приносили — и то, старались в сторону глядеть. Дураки! — Я опустила голову на руки и беззвучно засмеялась, тряся плечами. — Как будто у меня было желание заглядывать в их мозг. Эдак и самой свихнуться недолго. — Я подняла глаза на принца, вытянула вперёд указательный палец и требовательно спросила: — А ты меня боишься?

— Нет.

Ему даже секунды не потребовалось, чтобы определиться с ответом. Это меня задело.

— Почему? Я же могу тебя уничтожить одним взглядом.

— Можешь. Но не станешь.

— С чего ты взял? Я же преступница, изменница и этот...практически монстр!

— Ты не монстр, ты — жертва.

От такого заявления я даже слегка протрезвела.

— Ну, ты палку-то не перегибай. Жертва из меня ещё та. Всем моим обидчикам пришлось, мягко говоря, несладко. Не считая твоего папаша, в смысле, приёмного. Вот с ним я ещё не определилась.

— С ума сошла? — шикнул на меня Орвин. — Вот ты что сейчас делаешь, а? Ты что, не понимаешь, что по-хорошему я просто обязан побежать к канцлеру и доложить об этих твоих словах?

— Пф! — Я фыркнула и выпятила грудь. — Ну и беги.

— Да, знаю, слышал, — отмахнулся он. — Жизнью ты не дорожишь, а в тюрьме долго не удержишься.

Я забралась на диван с ногами и обхватила руками колени.

— Хорошо, что запомнил. Потому что это правда.

Орвин молчал, и через некоторое время я покосилась в его сторону. Брови принца были нахмурены, губы сжались в тонкую линию, а взгляд устремился в одну, ничем не примечательную, точку.

— О чём думаешь? — полюбопытствовала я.

— О том, что ты рассказала. Эти женщины. Они, положим, преступницы, но их не приговаривали ни к чему подобному. К лишению свободы — да, но не к остальному. Это надо пресечь.

— И как, интересно знать, ты собираешься это сделать?

— Известное дело, как. Отправить проверяющих.

— К прибытию которых всё будет чинно и красиво. Заключённым даже клюквенный сок подадут

вместо простой воды.

— Значит, внедрить людей так, чтобы об их задаче не догадались.

— Допустим. А куда? Во все тюрьмы страны? Ты хотя бы знаешь, сколько их? И потом, ну поймают они нескольких тюремщиков, ну выгонят. Думаешь, те, кто придёт на их место, будут лучше? Систему не переделаешь.

— Ещё как переделаешь, — возразил принц. — Если десяток-другой виноватых повесить, остальные очень сильно призадумаются.

Я приподняла бровь, склонила голову набок. Всё может быть, ваше высочество. Если вы действительно надумаете проводить такие реформы, и это не более чем минутное воодушевление... Возражать я, во всяком случае, не стану. И вздёрнутых мне будет не жаль. Но вслух я сказала:

— Лучше было бы их обесчестить.

— В наших законах не прописан такой вид наказания, — едко напомнил Орвин.

— Жаль.

— И потом, пожалей палачей. Бедняги не нанимались на такую работу. Скажи, — он сменил тон, внезапно посерьёзнев, — а этот... Итан Ритрей разорвал помолвку после всего, что ты описала?

— Сдался тебе этот Итан, — поморщилась я. — Не знал он ни о чём. Говорю же: не было у меня связи с внешним миром.

— Ну да, — отстранённо кивнул принц. — Я смотрю, очень удобно это: ни о чём не знать.

Я хотела предложить его высочеству не вмешиваться не в своё дело, но вместо этого громко зевнула, лишь на середине сообразив прикрыть рот рукой.

— Пора мне, — решительно заявила я. — Уже небось и утро скоро. Если король захочет меня допросить, всё завтра.

— Куда ты сейчас в таком состоянии пойдёшь? — не оценил моего порыва Орвин.

Я прикинула своё состояние, уделив внимание, среди прочего, и внешнему виду, включая отсутствие обуви.

— Могу через зазеркалье дойти, — с сомнением предложила я.

— Угу. И если заблудишься, кто тебя там будет искать? Охотник? Нет, уж лучше ложись во дворце, тем более что тебе уже приготовили соседние покои. Домой и завтра можешь вернуться.

Я хотела решительно возразить, но затем подумала: а что такого? Дома меня никто не ждёт. Я устроила свой быт так, чтобы даже слуги не вздумали выказать удивление поздним — или, если на то пошло, ранним — возвращением.

Кивнула, встала — и сразу свалилась бы, если бы меня вовремя не поддержал принц. Он и повёл меня в соседнюю комнату, но этого я уже не помнила...

Проснулась я в мягкой, пахнущей лавандой постели, на совершенно огромной кровати, чувствуя тепло чужого дыхания и приятное прикосновение чьей-то руки. Промогралась, повернула голову и обнаружила, что мои пальцы переплетены с пальцами Орвина, безмятежно спящего рядом. На подбородке принца проступала едва заметная щетина, губы тронула улыбка, грудь размеренно вздымалась и опускалась.

Я озадаченно приподняла брови и тихонько хмыкнула в насмешку над самой собой. Ситуацию надо было как-то осмыслить. Вспомнить обстоятельства, при которых я заснула, не получалось, а значит, предстояло прибегнуть к логическому мышлению. Могло ли между нами что-то произойти? Чисто теоретически — могло, учитывая, сколько бренди я выпила вчера без закуски. Но теория меня не устраивала, меня интересовала практика. Я прислушалась к собственным ощущениям... Да нет, быть не может! Не почувствовать никаких последствий бурной ночи? Смешно. Да и постель смята не сильнее, чем бывает после обычного сна. А, самое главное, Орвин одет и лежит поверх одеяла. Значит, довёл меня вчера до кровати, задержался — уж не знаю, зачем, может, присел на минутку отдохнуть? — и заснул. Что и немудрено: время-то было позднее.

Дверь распахнулась и в комнату вошла горничная.

— Доброе утро, госпожа! — бодро объявила она, поставила на столик поднос и пошла к окну распахивать гардины.

Я с удовольствием потянула носом: по спальне поплыл запах свежесваренного кофе. Служанка наконец дотянулась до нужной верёвочки, занавеси раздвинулись, и через окно на пол хлынул мощный поток солнечного света.

— День-то какой погожий!

Девушка насыпала в чашечку сладкий порошок, размешала, постукивая ложечкой о края, повернулась к кровати...

— Ой!

Ложечка выпала из разжавшихся пальцев и звонко ударилась об пол. Этот звук вывел горничную из оцепенения, и она, пробормотав невнятные извинения, выбежала вон.

Какая, однако, нервная! Я усмехнулась и поднялась повыше, вертикально расположив подушку, чтобы было удобнее спине. Для этого пришлось вытащить руку из пальцев принца. Он недовольно поморщился, потянулся и открыл глаза. Которые, встретившись с моими, округлились в высшей степени изумления. Бедолага приподнялся на локте, всматриваясь в меня так, словно рассчитывал, что я — остаток развеивающегося сна и вот-вот исчезну. Увы, тут я мужских ожиданий не оправдала. Орвин отвлёкся от моей персоны, огляделся и тряхнул головой. Я наблюдала за его живой мимикой с не менее живым интересом. Наконец принц со стоном откинул голову на подушку.

— Да, именно так реагируют все мужчины, которые проводят со мной ночь, — весело солгала я.

— Какую ночь? — скривил губы он.

— Страстную. — Я откровенно развлекалась. — Просто мы, зеркальные маги, стираем память тем, над кем надругались. Ты об этом не знал?

— Избавь меня от своего дурацкого юмора.

Принц принялся ожесточённо разминать шею, которая, видимо, затекла. Оно и неудивительно после сна в таком положении.

— Вот почему пила вчера ты, а голова раскалывается у меня? — пожаловался на вселенскую несправедливость он.

Я лучезарно улыбнулась: моё собственное самочувствие было отличным.

— Не надо быть трезвенником, — объяснила я. — От этого все беды.

— Я не трезвенник! — Кажется, принц оскорбился до глубины души. — Просто...

Он запнулся, и я подсказала:

— Просто рядом с такой стервой, как я, лучше держать ухо востро? В принципе верно. Кстати, как раз по этому поводу... Я довольно смутно, но всё-таки помню, что наболтала вчера намного больше, чем следовало. Так вот, это останется между нами. Иначе страна может потерять наследника. Будет очень обидно.

Я старалась говорить жёстко, дабы скрыть — в первую очередь, от себя самой, — то дичайшее чувство неловкости, которое охватывало меня при мысли о недавней откровенности.

— Я не наследник, — проворчал он, кажется, не особо уstraившись.

— О таких вещах никогда не надо говорить с уверенностью, — возразила я. — Хочешь, устроим небольшой государственный переворот и посадим тебя на престол?

Орвин тоже уселся, опираясь спиной о подушку, и теперь сверлил меня подозрительным взглядом.

— Опять шутишь?

— Ага. Я сегодня в ударе.

— Со смертью ведь играешь, — предостерёг он.

— Самый лучший партнёр для игр, — улыбнулась я. — Играть с кем попало неинтересно.

Ноздри в очередной раз уловили дразнящий аромат кофе, и я подумала, что надо бы сделать над

собой усилие и встать с кровати, когда из коридора раздался зычный окрик Эдбальда:

— Орвин! Выйди ко мне немедленно!

— Тебя папа зовёт, — ехидно заметила я и подтолкнула принца в бок.

Тот довольно-таки нецензурно выругался, поднялся и, не оглядываясь, направился к двери.

Я задумчиво посмотрела ему вслед, подождала, пока снаружи начнут раздаваться приглушённые голоса... и, соскользнув с кровати, повторила его маршрут. Благо обуви у меня всё равно не было, а босые ноги ступали тихо. Подслушивание, конечно, правилами этикета не одобряется, но...какое мне дело до этих правил?

К счастью, его величество с сыном не озаботились тем, чтобы уйти далеко от двери. Так, сделали для приличия несколько шагов, не больше. Поэтому, прильнув к щели, я вполне неплохо разбирала их реплики, лишь изредка «теряя» то или иное слово. Оценить общую картину это не мешало.

— Я тебя к ней для чего приставил? — вполголоса выговаривал монарх. — Чтобы мы знали о ходе расследования (чёрта с два она бы стала передо мной отчитываться)! И чтобы ты защитил её, если понадобится. А ты что сделал?

— Всё то, что ты перечислил, — сдержанно ответил Орвин.

В конце коридора звякнула кольчуга охранника. Такие вещи я отлично определяла, ориентируясь на звук. Значит, Эдбальд не так уж и беспечен. Кто попало к ним сейчас не приблизится, а стало быть, подслушать могу только я. То ли король сплеховал и попросту не учёл такой вариант, то ли ему было элементарно безразлично, узнаю я содержание этого разговора или нет.

— И кое-что ещё в придачу. — Слова принца короля явно не устроили. — Какого чёрта ты полез к ней в постель? Понимаю, у неё милая мордашка, и фигура тоже в порядке, но ты хотя бы соображаешь, что это значит — связаться с магом такого уровня, как она? Понимаешь, какие это может иметь последствия? Тебе что, девок во дворце не хватило?

— Мне казалось, — за холодными, даже стальными, интонациями в голосе Орвина читалось бешенство, — я давно вошёл в тот возраст, когда могу сам решать, с кем вступать в связь, при каких обстоятельствах и при каких возможных последствиях. Это мои личные отношения, а не политика.

— Всё, что касается тебя, — это политика, — отчеканил Эдбальд.

Они всё-таки зашагали прочь, в сторону лестницы, и, несмотря на повышенные тона, разобраться в ходе дальнейшего спора я не смогла. Пришлось вернуться к своим делам, каковых у меня в этой спальне, впрочем, было мало. Я глотнула кофе, увя, остывший и оттого совсем не такой вкусный, несмотря на приятный запах. Выглянула в окно, выходявшее, как оказалось, в небольшой боковой цветник — вообще маленьких садов здесь было множество, все с разными растениями и разбитые в разном стиле. Потом я подошла к зеркалу и уделила внимание своему внешнему виду. Здесь тоже мало что реально было исправить. Вчерашнее платье сильно помялось, кое-где перепачкалось, а в паре мест почернело из-за пролетевшего близко шара. Ничего катастрофического, но выйти в таком на люди вряд ли будет прилично. Особенно в сочетании с босыми стопами. Волосы растрёпаны, но я постаралась, насколько возможно, причесать из при помощи пятерни: гребня поблизости не обнаружилось.

Я успела подумать о том, что надо бы послать кого-нибудь ко мне домой за комплектом одежды, когда в комнату вернулся принц. Судя по тому, как распахнулась дверь (резко, широко, а, ударившись о стену, снова стала закрываться), я поняла, открыли её пинком.

— Всё слышала? — полюбопытствовал он.

— Не совсем. — Я была сама честность. — Под конец вы слишком далеко ушли. Почему ты просто не сказал, что ничего не было?

— С какой стати? Я ни перед кем не обязан отчитываться.

Эдбальд, без сомнения, имел другую точку зрения на этот счёт, однако меня отсутствие взаимопонимания между этими двоими не касалось ни в каком виде.

— Ладно. И на чём же вы порешили?

— Он хочет отстранить меня от дела. Я напомнил, что архиепископ ждёт не только тебя, но и меня, и не прийти было бы невежливо.

— Встреча уже завтра, — заметила я.

— Именно. И она состоится, как запланировано. А дальше посмотрим.

— Боги! — Я засмеялась, запрокинул голову. На этот раз узорчатый потолок не смущал и не заставлял чувствовать себя неустойчиво. — Я так хотела избавиться от твоего сопровождения, кипела от злости, как горячий чайник, а, оказывается, всего-то и нужно было — с тобой переспать! Хотела бы я, чтобы все проблемы решались так просто!

Принц шагнул ближе, подступил ко мне почти вплотную.

— Значит, переспать со мной для тебя просто? — спросил он, требовательно вглядываясь в мои глаза.

Это был тот редкий случай, когда я поступила, как классическая женщина. То есть не ответила. Вместо этого извернулась, отошла к окну и, опершись о подоконник, выглянула в сад. У стены мелькнула чья-то тень.

Н-да, за принцем, похоже, присматривают. Делается это, скорее всего, из лучших побуждений, но рано или поздно ему должно было надоесть. Так устроен мир.

Глава 9. Между двух работ

Сменную одежду мне во дворце предоставили, так что домой я вернулась в обуви и весьма приличном платье, к тому же идеально сидевшим, будто оно было специально на меня сшито. Тем не менее, по возвращении я первым делом поспешила наверх и переоделась. Брюки и тяжёлые сапоги устраивали меня куда больше юбок и лёгких туфелек. Теперь можно было и перекусить. Завтраком это считать или обедом, значения не имело.

Надо признать, запахи с кухни доносились весьма соблазнительные. Служанка (кажется, её звали Анита, хотя мне стоило некоторого труда воспроизвести имя в памяти) накрыла на стол, а кухарка (вот как звали её, я точно не помнила) принесла суп с кусочками мяса и картофеля. Но прежде, чем приступить к еде, я вскрыла конверт и с некоторым удивлением прочитала короткое письмо от ректора Института магии и стихий. В этом послании доктор Исберт Крофт приглашал меня заглянуть к нему, когда мне будет удобно. Если таким образом он стремился меня заинтриговать, то безусловно добился цели. Так что, ощутив приятную тяжесть в желудке и с сожалением покосившись на остатки поданного на второе жаркого (оставлять жалко, но место в животе, увы, кончилось), я прихватила сумку и направилась непосредственно в институт.

Магистр Торренс, такая же аккуратная и собранная, как в прошлый раз, встретила меня в приёмной, вежливо поздоровалась и провела в кабинет ректора.

— Госпожа Блэр! — Крофт поднялся мне навстречу и протянул руку для пожатия. — Добро пожаловать. Я был очень рад видеть вас на балу. Вы восхитительно выглядели.

На балу... А ведь верно: он тоже там присутствовал. Интересно, знает ли он о нашей с Гилбертом зазеркальной дуэли? И не мог ли приложить к этому руку? По идее вряд ли, уж если подозревать кого-то в помощи придворному магу, то скорее Джейкоба, однако... У меня недостаточно сведений, чтобы отметить хоть какую-то версию.

— Благодарю вас, — ответила вежливостью на вежливость я, усаживаясь в предложенное кресло. — Вы меня заинтриговали.

— Запиской? — понимающе улыбнулся ректор. — У меня есть для вас взаимовыгодное предложение.

— Неужели?

Я продемонстрировала, что вся обратилась в слух.

— Как вы относитесь к идее провести у нас мини-курс по зеркальной магии?

— Мини-курс? — в некоторой растерянности переспросила я.

— Короткий семинар, состоящий из нескольких занятий. С практическим уклоном.

Относилась я к такой инициативе резко отрицательно. Я терпеть не могла места большого скопления народа и не имела ни малейшего желания возиться с юными оболтусами, стремящимися перешеголять друг друга в искусстве подслушивать разговоры преподавателей.

— Это не моя стихия, — лаконично отказалась я.

— А мне кажется, именно ваша, — не спешил сдаваться Крофт. — Я помню ваше выступление в День открытых дверей. У вас почти не было времени на подготовку — и тем не менее вы провели его превосходно. У вас есть талант. Вы можете не только продемонстрировать, но и заинтересовать. Держать аудиторию. Я уверен, что наши студенты запишутся на такой курс с удовольствием и получат от него огромную пользу.

Отчётливое ощущение дежавю. Не так давно король уговаривал меня работать на него и утверждал, что я — самая подходящая кандидатура. Теперь то же самое делает ректор.

— Вы сказали, что это взаимовыгодное предложение, — лениво заметила я. — Что получает институт, я приблизительно поняла. Но зачем это нужно мне?

Ректор улыбнулся, подался вперёд, и я поняла: ему есть что ответить. И невольно заразилась его улыбкой. Похоже, в некоторых вопросах этот человек отлично умел добиваться своего — значительно лучше, чем в магических фокусах.

— Вы получите возможность с близкого расстояния понаблюдать за нашими лучшими зеркальщиками. — Он с победоносным видом откинулся на спинку стула. — Вас ведь интересовали талантливые студенты. Так вот, именно они придут в вашу группу. И вы сможете посмотреть на них в действии, притом сами решите, какие именно назначить задания. С одним условием: они должны

быть безопасными. Всё-таки мы в ответе за своих подопечных.

Я поджала губы, задумавшись над его предложением. Рациональное зерно бесспорно присутствовало, но работать в этом сумасшедшем доме?!

— К преподавателям вы тоже сможете присмотреться. — Крофт понял, что сумел подобрать ко мне ключик, и теперь стремился дожать. — У нас сплочённый коллектив, общения достаточно. Давайте говорить откровенно. Вы ищете хранителя институтского артефакта. В таком случае, что может быть лучше, чем на легальных и совершенно безобидных основаниях работать на факультете зеркальных глубин? Я не случайно предложил именно мини-курс: это не вынудит вас потратить на нас слишком много времени. А выиграем мы все. Я, знаете ли, тоже не заинтересован в ещё одном убийстве, тем более — в стенах этого заведения.

Я выразительно приподняла брови.

— Я ведь слежу за политической ситуацией, — ответил на немой вопрос ректор. — И умею делать логические выводы. Трое из семерых — это слишком много для случайного совпадения.

Я утвердительно кивнула, при этом не упоминая о главном: в стенах института вполне мог находиться не только хранитель, но и Охотник.

— И поэтому вы решили пригласить меня?

— Поэтому — лишь во вторую очередь. Всё же у нас есть и свои специалисты. Я очень надеюсь, что они сумеют справиться с ситуацией.

— И какая же причина — первая?

— Ваш курс станет жемчужиной нашей учебной программы, — широко и обаятельно улыбнулся Крофт. — Ну как, по рукам?

— Сколько у меня будет студентов? — мрачно спросила я, чувствуя, что положительный ответ неизбежен, но стараясь оттянуть момент.

— Немного, — поспешил заверить ректор, явно заметивший, что толпы не приводят меня в восторг. — Мы установим так называемую «пропускную оценку» — средний балл, который студент должен был получить за предыдущие годы обучения, чтобы поступить к вам на курс. Так вы получите только самых лучших. Это сделает семинар более эффективным и станет стимулом для остальных: они будут знать, что за хорошую учёбу можно получить нечто интересное. Ах, да, ну и, конечно, именно эта группа важна для вашего расследования, — добавил он, заметив, как тяжелеет мой взгляд. — Подать заявку смогут лучшие ученики, со второго года по пятый. Думаю, это реально, ведь ваши занятия не будут привязаны к общей программе. Первокурсников допускать не будем: им не хватает теоретической базы, да и для вас они интереса не представляют. Хранитель не мог оказаться в этом потоке, ведь профессор Дэггарт скончался прежде, чем они начали своё обучение.

Охотник среди первокурсников — это тоже бред. Правда, и среди тех, кто опережает их на один год, тоже. Зато те, кто скоро получит диплом, — дело другое. Знаний у них много, а головы покамест горячие. В такие, пожалуй, может прийти глупость вроде желания поиграть с величайшим из зеркал.

— Класс переполнен не будет, — продолжал, прерывая мои раздумья, Крофт. — Вы ведь сами знаете: не так уж много рождается детей с талантом к зеркальной магии. И уж тем более мало кто способен погружаться глубже первого уровня. Отсеять тех, у кого недостаточно высокие оценки — и, думаю, со всей кафедры наберётся десять-пятнадцать человек. Ну так как?

Он испытывающе заглянул мне в глаза.

— Я согласна, — вздохнула я с видом человека, выносящего самому себе приговор.

— Вот и чудесно! — потёр руки Крофт.

— Только не думайте, что я откажусь от жалованья, — мстительно предупредила я, хотя в деньгах нуждалась в последнюю очередь.

— Всё устроим, согласно штатному расписанию, — пообещал ректор. — А договор магистр Торренс составит в ближайшее время, и мы пришлём его вам на дом с посыльным.

— Подписывать кровью? — мрачно поинтересовалась я.

Лицо Крофта недоумённо вытянулось.

— Какой кровью?

— Той, которую будут пить из меня ваши студенты.

— Строго говоря, они теперь — *ваши* студенты, — поправил ректор с ласковыми интонациями, пропитанными сарказмом. — Но не стоит тревожиться. На самом деле они смирные. Думаю, они вам понравятся.

— Не сомневаюсь, — пессимистично пробурчала я и, распрощавшись, покинула кабинет.

Следовало хорошенько обо всём подумать, полноценно осознать, во что я вляпалась, и, быть может, повторно напиться, только на сей раз в обществе Хаша. Однако за дверью меня ожидал сюрприз в лице декана факультета стихий.

— Вы не могли бы заглянуть ко мне на минутку? — спросил, поздоровавшись, Кейл, и я, решив не возражать, последовала за ним.

Посетить его рабочий кабинет оказалось любопытно. Начать с того, что всё здесь было несколько старомодно, тяжеловесно, но одновременно функционально. Массивные часы с тёмным циферблатом исправно тикали на полке. Нож для бумаг с инкрустированной серебром ручкой, рабочий стол с несколькими выдвижными ящиками по периметру, шкаф с многочисленными ячейками на таких низких ножках, что, казалось, его дно вот-вот коснётся пола. Конверты, чистые листы, книги, перья — всё с идеальной аккуратностью разложено по своим местам. Такой порядок никогда не был мне свойственен, и мебель я предпочитала иного рода, и тем не менее чем-то эта комната напомнила мне другую, ту, что осталась в открытом всем ветрам захолустье, с огромным зеркалом (не чета здешнему), креслом-качалкой и брошенной впопыхах книгой.

Следующим сюрпризом оказался огромный букет роз, каковой Кейл, подхватив со стола, сразу же мне и вручил.

— Я подумал, что снаружи это будет несколько неловко, — объяснил он, смущённо пожав плечами, и отступил на пару шагов.

— Спасибо. Это неожиданно, — призналась я, глядя на него поверх бутонов.

— Я не знал, какие цветы вы любите, поэтому решил прибегнуть к классике.

— Я тоже не знаю, какие цветы люблю, — успокоила я его.

А потом меня будто обухом по голове ударило. Ирисы. Я была равнодушна к ирисам...когда-то. Но успела об этом забыть.

— Надеюсь, вы на меня не в обиде, — проговорила я, когда пауза чересчур затянулась.

И с подчёркнуто беззаботным видом сделала несколько шагов, будто бы осматривая кабинет. В положении женщины, которой дарят букеты, я не ощущала себя комфортно.

— За что? — изумился Кейл.

— Ну как же. Я не дождалась вас и ушла танцевать.

— Ах, это! — Он весело прищурил один глаз. — Что вы, я не в обиде. Кто же станет упрекать девушку в том, что она согласилась на танец с принцем?

Мне показалось, или это всё-таки был упрёк?

— Ну, вы тоже времени зря не теряли, — не осталась в долгу я.

Декан понимающе рассмеялся. Атмосфера становилась менее напряжённой.

— Её высочество — прекрасная партнёрша. И разве можно не пригласить девушку на танец в день её рождения? Но, сами понимаете, она ещё совсем юна.

— Когда-то пятнадцать лет считалось официальным совершеннолетием для женщины, — заметила я.

Для мужчин грань между мальчишеством и взрослостью по традиции пролегла на год позже, в шестнадцать.

Кейл ухмыльнулся, давая понять, что не считает традиционную позицию соответствующей жизненным реалиям.

— Его высочество... В этот раз вы пришли в институт без его сопровождения.

В этом, казалось бы, *утверждениис*квозил вопрос, которого не заметил бы и ребёнок.

— Мы расстались сегодня утром, — сообщила я, не соврав даже самую малость. Ну, разве что утро было позднее.

Конечно, выводы из моих слов можно было делать весьма своеобразные, но я, со своей стороны, сказала, как было. Мне отчего-то нравилось играть с той темой, которая всего несколько часов назад, во время ночного опьянения, внушала ужас. Беззаботное, даже безалаберное, к ней отношение позволяло чувствовать себя значительно спокойнее.

Но Кейла, к сожалению, мой ответ расстроил.

— Он вам нравится? — прямо спросил декан, имея в виду, ясное дело, принца.

— Да, — снова дала я честный ответ.

Хотя заяви кто-то всего пару дней назад, что я выскажусь про Орвина подобным образом — и я бы рассмеялась такому предсказателю в лицо.

— Но, как и в случае с вашей принцессой...иногда мне кажется, что я старше него лет на сто.

— Вы через многое прошли, — проговорил, резко посерьёзнев, Кейл. — А это значит намного больше, чем число прожитых лет.

Я ничего не ответила. Спорить не имело смысла, просто подтверждать — тоже. Давно не секрет, что молчание порой ценнее слов.

— А я, похоже, буду преподавать в вашем институте, — сказала вместо этого я.

— Это же прекрасно! — просиял мой собеседник.

— Вы знали. — Я обличительно вытянула в его сторону руку. — Мои слова ни капли вас не удивили.

— Признаю: мы с профессором Крофтом обсуждали эту тему.

— Странно, — протянула я. — Мне казалось, ему скорее следовало обсудить моё назначение с профессором Джейкобом. Ведь он — декан факультета зеркальных глубин и, стало быть, мой будущий начальник?

— С профессором Джейкобом не так уж просто что-либо обсуждать. Он отличный специалист, но характер у него непростой. Всё должно происходить точно так, как он считает правильным. — Кейл слегка понизил голос. — Джейкоб очень уважал предыдущего ректора, но не слишком признаёт авторитет Крофта. Естественно, ректору это не нравится. Но идти на прямой конфликт он не хочет. И вступает в дискуссии с Джейкобом только тогда, когда это совершенно необходимо.

— Понятно, — кивнула я. — Спасибо за информацию. От самого Крофта я её не получила.

— Естественно, ректор не хотел с самого начала посвящать вас во все конфликтные ситуации, — заступился Кейл. — Думаю, он был слишком рад заполучить вас в преподаватели. А сложности постепенно разрешатся. Вам главное помнить, что такие конфликты — не ваша забота, и методично транслировать это всем сторонам.

— Благодарю вас за объяснения, — улыбнулась я. — С меня ответная услуга.

Кейл ломаться и отказываться не стал.

— В таком случае, как насчёт обеда? Здесь неподалёку как раз есть отличная ресторация.

— Если там подают приличное вино, то я не возражаю.

Моё трудоустройство действительно стоило заесть и запить.

На следующее утро за мной заехал Орвин, и мы отправились в резиденцию архиепископа. Его святейшество принял нас в комнате с узкими окнами, высоким потолком и мебелью, значительно более древней, чем в кабинете Кейла.

— Чем я могу быть вам полезен, дети мои?

Мужчина в годах, тяжело опустившийся в кресло напротив, взирал на нас доброжелательно.

Принц предоставил мне вести переговоры, ограничившись привычной ролью наблюдателя, и я приступила.

— Мы пришли к вам как к хранителю ключа от Первозданного зеркала, ваше святейшество.

— Понимаю.

Он прикрыл глаза и задумчиво покивал. Я обратила внимание на медную цепочку, прячущуюся под золотистой сутаной, и подумала, что артефакт вполне мог висеть именно на ней.

— Стало быть, смерти министра, посла и воина не случайны, — проговорил архиепископ, не поднимая век.

— Посол, возможно, не мёртв, — на всякий случай уточнила я.

— Мне кажется, мёртв, — вздохнул глава эльмиррской церкви. — Но я рад был бы ошибиться.

Я, конечно, запомнила эти слова, но решила не расспрашивать собеседника о природе его интуиции. Вместо этого, не удержавшись от упрека, поинтересовалась:

— Если вы знали, как серьёзна ситуация, отчего же не согласились встретиться со мной раньше? Ведь речь идёт, среди прочего, о вашей безопасности.

— Я не располагаю своим временем, дочка, — улыбнулся архиепископ. — Мой ранг и мой дар — большая честь, но и тяжкое бремя. Я должен заниматься делами государства и лечить людей. Конечно, мне не дано помочь всем, но даже один больной, которого я мог исцелить, но не успел, ляжет камнем на мою совесть. Что же до моей безопасности — она важна в последнюю очередь. Я проживу столько, сколько мне отпущено. А когда боги решат, что срок истёк, приму их решение с благодарностью.

Насколько я могла судить, говорил он искренне, не играя на публику. И это было странно. Я и сама не так давно заявила королю, что не слишком дорожу своей жизнью. Но случай архиепископа отличался кардинально. Он ценил жизнь, любил её, но был готов расстаться с ней по первому требованию высших сил. Мне, человеку, стремящемуся к контролю и не слишком верящему в судьбу, эта позиция была настолько не близка, что даже осознать её казалось сложным.

— Что ж, в таком случае мы постараемся не отнять много вашего времени. Вы позволите задать несколько вопросов?

— Ну конечно же!

— Самое очевидное: не совершались ли в последние несколько недель покушения на вашу жизнь?

— Нет, насколько мне известно.

— Это могло выглядеть как случайное стечение обстоятельств. Присыпанная травой яма, рядом с которой вы ступили. Тяжёлая статуя, упавшая сразу после того, как вы прошли мимо.

Архиепископ нахмурил брови, напряжённо думая, но вскоре покачал головой.

— Не припоминаю ничего подобного.

— Хорошо, а как насчёт новых людей? — решила подойти с другой стороны я. — Появлялись такие в вашем окружении?

— В моё окружение не так легко попасть. Мои соратники — монахи и священники, которые давно и верно служат церкви. Да и не было в последнее время никого нового. Вот про слуг не знаю. Я не замечал, но всякое случается. Дел у меня много, мог и пропустить кого-то. За этим следит охрана, присланная из дворца. Страждущих приходит немало, но никто из них напасть на меня не пытался, стало быть, не было среди них злоумышленника.

Я досадливо кивнула. Пока никакой зацепки разговор не дал. Охраной резиденции архиепископа занималось специальное подразделение королевской армии, и, ясное дело, работали они на совесть. И слуг проверяют тщательно, и все те же вопросы, что и я, наверняка уже задавали. И всё-таки где гарантия, что рано или поздно Охотник не проберётся сюда под видом хворого бедняка, покрытого язвами?

— А если совсем уж начистоту говорить, — добавил после непродолжительной паузы его святейшество, — я плохих людей чувствую. Нет их здесь. Вам это вряд ли покажется убедительным, — он озорно подмигнул, — но я-то знаю.

— Что, даже сейчас в этой комнате нет? — хмыкнула я.

— Нет, — убеждённо ответил он. И без прежней весёлости продолжил: — Неуверенные есть. Изломанные. А плохих нет.

— А вообще плохие люди существуют? — решила прощупать почву я.

У меня-то ответ на этот вопрос имелся, самый что ни на есть положительный. Но священнослужитель мог мыслить иначе. И если в его представлении хорошими были решительно все, то и Охотник тоже подпадал под эту категорию.

— О, я вижу, вы не против вступить в сложный философский диспут, — просиял архиепископ. — Это был бы весьма интересный разговор, но времени он займёт много, а истину мы с вами вряд ли найдём. Как-никак лучшие умы давно и тщетно бьются над этим вопросом.

— Истина в вине, — машинально пробормотала я известную присказку.

— Нет её там, — покачал головой глава эльмирской церкви. — Можете мне поверить, я проверял. По молодости.

Я рассмеялась. Разговор начинал мне нравиться, хотя в расследовании нас и не продвигал.

— Думаю, её нет нигде, — честно высказалась я.

Принц демонстративно возвёл глаза к потолку — дескать, кто так разговаривает со священнослужителями? Но самого архиепископа мои безбожные речи нисколько не смутили.

— Есть, — уверенно, но без малейшего упрёка возразил он. — Только она не на поверхности. И её никогда нельзя ухватить, озвучить, посадить в клетку из человеческих слов. Вам ли не знать, сколь многое таится в глубине? Вот и с людьми тоже так. Здесь плохой, там хороший, а может, наоборот. Глубина в каждом что-нибудь, да откроет.

Откроет, конечно, тут не поспоришь. Вот только не лучше ли этому «чему-то» подольше оставаться закрытым?

— А зеркала в вашем доме маги проверяли? — на всякий случай уточнила я.

Слишком резко сменила тему, судя по очередному укоризненному взгляду Орвина. Что поделать? Задумалась. А годы одиночества не делают человека хорошим собеседником.

— Проверяли, и зачаровывали, — откликнулся священнослужитель. — Лишнее всё это, как по мне, но я не вмешивался. Они свою службу несут, я — свою.

— Вы не находите, что очень беспечно относитесь к этой теме? — недоумевающе нахмурила брови я. — Допустим, к собственной жизни вы относитесь философски. Но вы же образованный человек. И наверняка понимаете, чем чревата охота за ключами. Устранить конкурента, украсть ценную вещь, исправить врождённое уродство — всё это можно сделать и на третьем уровне, было бы умение. А кое-что даже на первом. Если же человек так отчаянно пробивает себе дорогу к четвёртому, тут можно ожидать любой катастрофы. Вплоть до уничтожения страны, континента, а то и целого мира, — кстати припомнились слова, обронённые Орвином при нашей первой встрече. — Всё зависит от амбиций и степени ненормальности этого Охотника.

— Мир сам не допустит, чтобы его уничтожили, — улыбнулся архиепископ. — Можете не сомневаться: если возникнет такая угроза, природа вступит в игру. И против неё не выстоит ни один охотник. Наша задача — делать то, что от нас зависит. А остальное предоставить ей.

— Всё это хорошо, — не унималась я, — но неужели вы полагаете, что, получив все семь ключей, преступник просто подавится вишнёвой косточкой? Потому что так задумает природа?

— Ну отчего же? Необязательно. Она может действовать и через посредников. Через человека, который остановит убийцу. Но мир уничтожен не будет, в этом у меня нет ни малейших сомнений.

Вскоре аудиенция завершилась. Беседа оказалась интересной, однако, увы, ничего нового мы так и не узнали.

Глава 10. Яды и зеркала

На следующий день мне пришлось засесть за подготовку мини-курса. Ректор не обманул, и документы, составленные магистром Торренс, были присланы в срок. Я подписалась не кровью, а чернилами, после чего курьер удалился, оставив мне вторую копию стандартного договора с институтом, а также ценные указания, связанные с преподаванием курсов разного вида. Мой вариант фигурировал в конце списка, после «лекций», «семинаров» и «лабораторных занятий».

Принц пришёл сам, без предупреждения, и, едва увидев его лицо, я поняла, что случилось.

— Архиепископ?

— Скончался два часа тому назад, — подтвердил моё предположение Орвин. — Сначала подумали, что всему виной слабое сердце, но начальник охраны в эту версию не поверил. Послал во дворец за специалистами, и они быстро выяснили, что приступ был вызван ядом.

— Умный парень, — пробормотала я.

Архиепископа было реально жаль. Не думала, что смерть человека, которого видела всего один раз, может хоть как-то меня тронуть, а вот ведь... Я отвернулась от принца и запрокинула голову, стараясь поскорее взять себя в руки.

— Как яд попал в организм, разобрались?

— По-видимому, вместе с едой.

— Поваров допросили?

— Допрашивают.

— Едем.

Я подхватила сумку, даже не разбираясь с её содержимым, и следом за принцем вышла на крыльцо.

Прощание с главой эльмирской церкви проходило в главном городском храме, помещение которого традиционно делилось на три части: для крестин, для молитв и для панихид. Архиепископ возлежал на мраморном возвышении, по форме напоминающем алтарь, укрытом сверху покрывалом из красного бархата. Почти как живой — но нечто неуловимое всегда отличает тех, чьё тело навсегда покинула душа.

Я не стала задерживаться надолго, почти сразу же отступила, и заметила неподалёку от огромной, почти в два человеческих роста, двери, офицера, явно не празднующего в мою сторону. Перехватив мой взгляд, он жестом предложил выйти наружу, и я присоединилась к нему в храмовом дворе.

— Здравствуйте, магистр Блэр, — негромко, как и подобает в сложившихся обстоятельствах, приветствовал он. — Меня зовут Роджер Блим.

— Начальник охраны резиденции его святейшества?

Офицер кивнул и дополнил:

— То есть человек, полностью проваливший своё задание.

— Не думаю, что ситуация была в вашей компетенции, — возразила я, но, судя по выражению лица собеседника, его эти слова ничуть не успокоили.

— Архиепископ мёртв, это непреложный факт. И ответ держать мне.

— Зато благодаря вам мы знаем, что это было убийство. Как вы полагаете, преступник мог проникнуть через одно из зеркал?

— Не думаю. Зеркала зачаровывал придворный маг из самых опытных. Он точно знал своё дело.

— А кто именно, помните? — насторожилась я.

Ветер усилился, и я немного изменила положение, чтобы он не дул прямо в лицо.

— Магистр Гилберт.

Я раздосадованно прикусила губу. Это плохо. Потому что не даёт никакой зацепки. Можно было бы предположить, что маг, помогавший с охраной здания, оставил для себя некую лазейку. Дождался

подходящего момента, проник в резиденцию и подсыпал яд архиепископу. Но Гилберт этого сделать никак не мог.

— Скажите, — офицер помрачнел, похоже, его посетило неприятное предположение, — смерть мага не может ослабить его колдовство? Или вовсе отменить?

Я покачала головой.

— На этот счёт можете быть спокойны. В зазеркальном подпространстве свои законы, но всё, что касается нашего с вами мира, остаётся неизменным. И если Гилберт, грубо говоря, запер вход, с его кончиной замкине открылись.

Блим с облегчением выдохнул: видимо, известие ещё об одном промахе могло нешуточно его подкосить.

— А все-таки, если не возражаете, давайте пройдем в дом и посмотрим на зеркала, — предложила я. — Хочу лично убедиться, что охрана от проникновения настроена как надо.

— Конечно. Я в вашем распоряжении.

Он шагнул впереди, показывая дорогу, хотя в целом я неплохо представляла себе направление.

— Какие ещё вы рассматриваете варианты? — Я решила не терять времени даром и нагнала офицера, чтобы расспросить его по пути. — В резиденции появлялись в последнее время новые слуги?

— Нет, новичков не было.

А старые наверняка давно проверены и службой охраны, и самым надёжным стражем — временем. Впрочем, исключать подкуп нельзя.

— Больные, которые обращались за помощью? — высказала ещё одно предположение я.

— Это, конечно, проблема. — По лицу офицера пробежала тень: посетители архиепископа явно давно уже стали его головной болью. — Там всех как следует не проверишь, и сброд, скажу я вам, бывает разный. Но на кухню им ходу не было. Его святейшество принимал их в храме. А резиденция хоть и рядом, проверка у ворот строгая. Просто так и мышь не проскочит.

— Что-то я не припомню особо строгой проверки.

Мы как раз приближались к напоминающему дворец зданию. Мимо просеменила девушка в переднике, несшая в руках таз с мокрой одеждой.

— Так вы же с кем приходили? — усмехнулся Блим, проявив естественную для его должности осведомлённость. — Конечно, его высочество всегда пропустят, и постараются не мозолить ему глаза своим казённым видом. Так что вы моих ребят наверняка не заметили, но вот они вас — ещё как, можете не сомневаться.

— А слуг так-таки всех помнят? — продолжала допытываться я. — Вон если такая девица с бельём мимо проскочит, виляя бёдрами? Остановят её, или решат, что так и надо?

— Слуг-то помнят. — Мой вопрос заставил офицера помрачнеть, но почему, пока оставалось неясным. — Служба у них такая — всех помнить. А если кого не признают, спросить не постесняются. А только случилось кое-что со слугами, с одним точнее...

Он покосился на меня оценивающе, не иначе прикидывал, достойна ли я доверия. Не думаю, что моя внешность могла склонить чашу весов в ту или иную сторону; вернее всего, решающей стала моя должность и данные королём полномочия.

— Не знаю, — мы проходили мимо двоих споривших о чём-то мужчин, и Блим понизил голос, — может, вся эта история и выведенного яйца не стоит, но мне она не даёт покоя. — Он дождался момента, когда мы отделились от потенциальных слушателей, и лишь затем продолжил. — В общем, пропал один слуга.

— Мужчина? — уточнила я.

— Мальчишка. Шестнадцать лет исполнилось пареньку. Работал здесь на подхвате, давно уже, года два, наверное. В хозяйские комнаты ему, конечно, хода не было, но вот на кухню забежать мог запросто, дров, например, принести. И повариха наша его любила, так и норовила пирожок какой-нибудь подсунуть.

— То есть подсыпать в блюдо яд для него особенной сложности бы не составило, — заключила я, к

явному неудовольствию офицера, хотя он сам только что намекал именно на это. — Свой в доску, на такого и внимания никто не обратит. А что с ним случилось? Вы говорите, пропал. Когда?

— Да то-то и оно, что со вчерашнего вечера, — поморщился Блим. — А соус, в который подмешали отраву, как раз тогда и приготовили. Какой-то он особенный, должен ночь настояться, так мне повариха объясняла, та самая. Сам я в этих делах, сами понимаете, не знаток. А мальчишка как вчера ушёл, так с тех пор и не возвращался.

— А говорил кому-нибудь, куда идёт?

Блим, сжав губы, покачал головой.

— Он в последнее время всем пытался показать, какой он взрослый да самостоятельный. И, дескать, старшие ему не указ. Возраст такой, сами понимаете. Так что ушёл, никому не сказавшись. Здешние и не переполошились, когда ночевать не вернулся: не в первый раз. Может, в пивную заглянул, да там и заснул на скамейке. Случалось с ним такое пару-тройку раз. Относились с пониманием: поиграет в большого дядю — и успокоится. Парень-то хороший. Я и сейчас думаю: кто знает, может, ещё вернётся? Но, с учётом обстоятельств, закрыть глаза на его исчезновение не могу.

— Магического таланта у вашего паренька случайно не было? — полюбопытствовала я.

Подросток с недюжинным даром, которому внезапно ударили в голову гормоны? Решил доказать, что способен сразиться с целым миром? Маловероятно, но не исключено.

— Да какой там магический талант, ума и того особенно не было, — отмахнулся Блим.

Мы уже вошли в здание, но двинулись не в ту сторону, куда в прошлый раз проводили нас с принцем, а в противоположную. После яркого солнечного света казалось, что внутри царит полумрак. Стало ощутимо прохладнее, но не настолько, чтобы я пожалела об оставленном дома плаще.

— Значит, кто-то подкупил, хотя бы в той же пивной. Парень подсыпал яд в соус, испугался и дал дёру, пока его не раскрыли?

— Сам об этом думаю. Но, знаете, как ни глупо такое говорить в нашей профессии, не верю. Мы его несколько лет знаем, с мальчишества. С четырнадцати — каждый день на виду. А у меня глаз намётанный, и не у меня одного. Дурного нутра он не скрыл бы. А так... Слишком борзый — да, не семи пядей во лбу — согласен, но чтобы убийца... — Он раздражённо повёл плечами.

Я задумчиво потёрла подбородок. С одной стороны, «хорошие люди» способны порой на любую гадость. С другой, интуиции профессионала стоило доверять. Что ж, с этим можно было разобраться позднее, когда мальчишка либо вернётся домой, либо, наоборот, так и не пришлёт даже весточки.

— Вот вход в приёмную. — Остановившись, Блим кивнул на узкую резную дверь, и я вдруг сообразила, что это место мне тоже знакомо, но только с позапрошлого посещения, когда мне вежливо дали от ворот поворот. — Зеркало там есть. Я подумал, раз сюда приходят посторонние, то и начать логично будет отсюда. Но если хотите, я могу сразу проводить вас в жилые комнаты.

— Не стоит, — возразила я. — Осматривать каждое зеркало не понадобится. Через одно я вполне смогу оценить уровень защиты всего дома.

Офицер одобрительно хмыкнул, кажется, сожалея о том, что не может аналогичным образом проверять только один пост охраны. Я усмехнулась. Во всякой работе свои преимущества и свои издержки.

Я прикрыла глаза, глубоко вдохнула и медленно выдохнула, погружаясь в нужное состояние. Блим проявил себя как человек понимающий, и тихонько отступил на несколько шагов. Я вытянула руки так, чтобы ладони приблизились к зеркалу, но одновременно его не касались. И начала делать такие движения, будто ощупываю стеклянную поверхность. В действительности это не было нужно: процесс шёл исключительно на ментальном уровне. Но маги — живые люди, и нам не чужды человеческие инстинкты.

Мой внутренний взор блуждал по зазеркальному подпространству, надёжно запечатанному колдовством Гилберта. Сколько я ни старалась, но так и не обнаружила ни лазейки, намеренно оставленной самим магом, ни следов взлома. Нет, границы никто не нарушал. Снаружи это было бы практически нереально. Изнутри — чуть проще: мне бы, пожалуй, удалось, после долгой и кропотливой работы, создать небольшое окно перехода. Но ни единого следа подобной брешки не было, к тому же проникновение снаружи интересовало меня в данный момент намного сильнее, чем побег изнутри. Всё сводилось к одному: как бы ни действовал преступник, кем бы он ни был, в здание резиденции он проник не через зеркало. Значит, всё-таки кто-то из своих.

Шестнадцатилетний мальчик? Но было ли ему по силам справиться с сильнейшим артефактом? Хотя нет, неправильный вопрос. Паренёк сбежал прежде, чем ключ был похищен. Или...Стоп!

— Господин Блим! — Я открыла глаза и обернулась к офицеру. Всё это было сделано слишком резко, и заставило меня испытать малоприятный приступ головокружения. — У архиепископа был артефакт в форме ключа, скорее всего, он висел на цепочке. Полагаю, на теле его не нашли?

— Как раз напротив, нашли, — заверил офицер, обрадовавшийся, что хоть в чём-то их братия не оплошала.

— Где он? — вскинула голову я, чем добилась очередного приступа.

— Внизу, с другими реликвиями. Они хранятся в Малой сокровищнице, пока новый архиепископ не пройдёт посвящение. Тогда он заберёт их в ходе торжественного ритуала.

— Когда это произойдёт?

Из рассказа Блима я выловила главное слово, «внизу», и, не желая мешкать, поспешила к лестнице.

— Преемник уже избран. — Офицер старался не отставать. — По местным обычаям до церемонии остаётся пять дней.

— Понятно.

Я перепрыгивала через две, а то и три, ступеньки. Лестница, хоть и вела на подземный этаж, производила впечатление не служебной, а парадной. Её даже устилал красный, хорошо вычищенный ковёр.

Внизу обнаружилось несколько человек, в основном — священников и монахов, но среди них я сразу заметила и Орвина.

— Госпожа Блэр! — Он первым шагнул мне навстречу. — А я-то всё гадаю: когда вы догадаетесь сюда спуститься?

— Ваше высочество! Предпочитаете продуктивному сотрудничеству соревнование? — поддела я.

— Я всегда готов сотрудничать, — парировал принц. — Это вы внезапно исчезли из храма, не соизволив хотя бы предупредить.

Наверное, доля истины в этом завуалированном упреке имела, но я привыкла работать одна, и в этом отношении инстинкты были не менее сильны, чем при воровстве.

— Надеюсь, за это время вы выбили для нас разрешение взглянуть на артефакт? — едко поинтересовалась я.

— Выбил, — с гордостью сообщил Орвин. — Хотя, должен заметить, кого попало сюда не пускают.

— Простите, — прервал словесную перепалку священнослужитель в серебристых одеждах, с выбритой наголо головой.

Обменявшись убийственными взглядами, мы с принцем прошествовали через распахнутую дверь. Гордому виду, впрочем, несколько мешала необходимости пригнуть голову: карниз оказался довольно низким.

Мы оказались в небольшой комнатке с неровным полом и потолком, вид которых свидетельствовал об очень старой постройке. Видимо, основная часть здания неоднократно обновлялась, однако воздвигнуто оно было несколько сотен лет назад. Прямо перед нами, на возвышениях, напоминавших невысокие колонны, взрослому человеку по грудь, стояли три стеклянных ларца, в каждом из которых лежало по предмету. В одном — золотой восьмиугольник, символ эльмирской церкви, покрытый древней рунной вязью. Во втором — нечто вроде скипетра, выкрашенного в зелёный, белый и, опять-таки, золотой. И наконец в третьем — длинный старомодный ключ, на вид как будто бы медный, хотя в действительности он исполнен из совсем другого металла. Вне всяких сомнений, тот самый.

Я поджала губы, оценивающе разглядывая хрупкую на вид коробочку. Ох, и неподходящее место для артефакта! Забрать бы его отсюда, да припрятать как следует.

— Только не думай его умыкнуть, — шёпотом порекомендовал Орвин, склонившись к самому моему уху. Видимо, моя мимика была излишне выразительной. — Здешние обитатели тебя не поймут. Для них это — одна из главных церковных реликвий.

— Иными словами, ты уже попытался и не преуспел, — парировала я.

— Не без этого, — с лёгкостью сознался принц. — Моё предложение сохранить ключ в надёжном месте встретило жесточайший отпор. И приказать не выйдет: эльмирская церковь, как ты знаешь, довольно-таки автономна, а уж в таких вопросах — тем более.

Я обернулась к стоявшему поблизости священнослужителю.

— Долго артефакт пролежит здесь? — спросила я, кивком указав на нужный ларец.

— Пять дней. В течение этого времени наши братья будут денно и ночью дежурить здесь, сменяя друг друга и вознося молитвы.

— То есть ларцы ни на миг не останутся без присмотра?

— Ни на миг.

— А что потом?

— Потом новый архиепископ пройдёт церемонию посвящения, — удивлённо, словно я не могла этого не знать, — ответил церковник. — Тогда реликвия перейдёт к нему.

— Уже известно, кто это будет?

— Конечно. Благонравный Иртом Меллийский. Его святейшество — я имею в виду покойного, — уточнил он, возводя глаза к потолку, — заранее одобрил эту кандидатуру.

— Понятно, — проговорила я, мысленно делая себе пометку выяснить, владеет ли этот Иртом магическим даром. И снова переглянулась с принцем. — К новому архиепископу придётся приставить телохранителей, чтобы дежурили днём и ночью. Еду и воду тоже кто-то должен проверять.

— Об этом мы позаботимся, — кивнул Орвин. — Но в данный момент меня куда больше занимают ближайшие пять дней.

— Да уж, это точно.

Мы вышли в соседнее помещение, в очередной раз пригнув головы. Офицер Блим поджидал нас, сцепив пальцы рук.

— Вы служите здесь не первый год, — обратился к нему Орвин. — Каково ваше мнение, реально обеспечить реликвиям идеальную охрану, такую, чтобы даже мышь не проскочила?

— Идеально было бы никого не пускать, ваше высочество, — честно ответил Блим. — Но вы, полагаю, уже знаете, что ближайшие пять дней в сокровищнице постоянно будут молиться монахи? — Он многозначительно пошевелил бровями, затем покосился на застывшего в сторонке священнослужителя.

— Давайте выйдем на свежий воздух, — понимающе предложил принц.

Во дворе у нас возникла возможность поговорить без посторонних ушей.

— Я уважаю здешних обитателей, ваше высочество, но, положив руку на сердце, не дают они нам работать как надо, — пожаловался офицер. — Вот и сейчас. Надо бы комнату запечатать, чтобы, как вы говорите, даже мышь не пропустить. Но традицию нарушать они отказываются наотрез и, помяните моё слово, не отступят. Я, конечно, своих самых надёжных ребят поставлю, будут дежурить круглые сутки. Однако и магическая защита нам ох, как не помешает.

Тут он уже покосился на меня. Я кивнула.

— От проникновения через зазеркальное пространство запечатаю. Но и вы посодействуйте. Надо, чтобы никто из монахов не пронёс в сокровищницу, к примеру, маленькое зеркало, или ещё какой-нибудь отражающий предмет. Скорее всего, моя защита сработает даже в этом случае, но бережёного бог бережёт.

— Нам потребуются полномочия, чтобы обыскивать входящих. Сами они, конечно, не придут в восторг, но, думаю, если указание поступит свыше, согласятся.

— Обыскивайте. Я обеспечу вам такое разрешение, — пообещал Орвин. — Мы очень во многом идём этим людям навстречу, и хотя бы в некоторых вопросах им придётся сделать то же самое. Сколько человек будут одновременно посещать сокровищницу для молитвы?

— Только один. — Блим, похоже, во всём уже успел разобраться. — Каждый монах возносит молитвы в течение двух часов. Затем уходит, а его сменяет следующий, снова на два часа. Так будет

происходить круглосуточно.

— Значит, ваша задача — получить список тех, кто будет участвовать в молитвах, — заключил принц. — Проверить их благонадёжность. Можете связаться с нашим ведомством, они поделятся с вами сведениями. Тех, для кого будет утверждён допуск, будет необходимо проверять перед входом на предмет наличия отражающих поверхностей. Ну, и, конечно, перед уходом их тоже придётся проверять.

— ...на предмет наличия церковных реликвий, — уточнила я. — Самое главное, что нас интересует, — это ключ.

— Понимаю, — кивнул офицер. — Во время каждой смены молельщиков мы будем проверять, на месте ли ценности, проводить обыск вновь пришедшего, и лишь затем пропускать запускать одного и выпускать другого. Я поставлю на входе достаточно людей. Сменять караул тоже будем достаточно часто, чтобы часовые, устав, не утратили бдительности. Я и сам постараюсь бывать там как можно больше.

— Я тоже, — подхватила я. — Хотя постоянно дежурить, конечно, не смогу.

Ох, и не ко времени начинается мой преподавательский дебют в институте!

— Но есть ещё один важный вопрос, — вмешался Орвин. — Как насчёт других выходов? Нет ли какой-нибудь тайной двери, выводящей из сокровищницы в другую часть дома, а то и вовсе за его пределы?

— Нет. — Сейчас офицер говорил со стопроцентной уверенностью. — С той стороны — скала, которую так просто не пробить. Да и вообще, комната маленькая, известная, и цели у тех, кто её строил, были совсем иные. На случай побега есть более удобные и подходящие места. Мы, конечно, осмотрим помещение лишний раз, для порядка, но сразу могу сказать: ничего не найдём.

— Что ж, я полагаюсь на ваш профессионализм, — завершил разговор принц. — Будем надеяться, что за ближайшие пять дней ничего нового не случится.

— Сделаем для этого всё возможное, да и невозможное постараемся, — заверил Блим.

На том они и разошлись, довольные друг другом. А вот меня терзали сомнения. Что лучше? Чтобы преступник попытался добраться до ключа уже сейчас или принялся охотиться на нового архиепископа? Не покидало стойкое ощущение, что мы услышим о нём в самые ближайшие дни.

Я шла домой, тяжело ступая по крупным, неровным булыжникам мостовой, а в голове вертелись слова:

«Четыре колдовских ключа

Не потеряй, смотри!

Один хранитель принял яд —

И их осталось три.»

— В настоящее время учёным известно четыре уровня зеркальных глубин.

Я скептически оглядела класс. Есть ли в этой разношёрстной группе, скрупулёзно отобранной для меня сотрудниками института, хоть один студент, способный на серьёзную волшебку, не говоря уже об охоте за ключами? Вид очкастых ботаников, плохо выбритых увальней и кокетливых девочек с хвостиками и падающими на лоб завитушками такого впечатления не производил. А, значит, скорее всего, я теряла время впустую. Невесело хмыкнув себе под нос, я продолжила:

— Работа на первом уровне — самая простая. Грубо говоря, что вы создаёте в зазеркальном подпространстве, то и получаете в пространстве реальном. Пририсовали, к примеру, человеку рога — рога у него и появятся.

Пара ребят, включая небезызвестного мне Луку Корниша, большого любителя подслушивать в преподавательских, стали с усмешками показывать друг на друга пальцами. Каждый давал приятелю понять, дескать, с тебя и начнём. Девочки вели себя более пристойно, но на парней глядели, прямо сказать, многозначительно. Среди них — Алана Стемпсон, та самая, что опознала меня в коридоре в День открытых дверей, обеспечив мне несколько весьма неприятных минут.

— Собственно, примерно так магия первого уровня и используется, — продолжала я, не поведя бровью. — К примеру, в косметологических целях. Необходимо, разумеется, учитывать некоторые

нюансы. Даже первая глубина не идентична реальности. Право и лево меняются местами. Магнитное поле имеет иные свойства. Приходится делать поправку на разницу в освещении и, соответственно, в цветах и оттенках. Но всё это достаточно легко изучить. Итак, уровень прост в использовании, но у него есть свои недостатки. Кто-нибудь может сказать мне, какие именно?

Ещё одна девчушка, со светлой косой, вытянула руку.

— Нельзя вносить слишком существенные изменения, — высказалась она.

— В каком-то смысле, — согласилась я. — То есть, конечно, с позиции мужчины, у которого появились на голове рога, это изменение — весьма существенное. — Студенты снова захихикали. — Но с точки зрения магической науки не так уж оно и глобально. А вот, скажем, превратить собаку в кошку, — кстати припомнился приведённый когда-то пример, — на первом уровне никак не выйдет. Есть и ещё один момент. Чем ближе к выходу из подпространства вы находитесь, тем более поверхностны результаты. Возьмём, к примеру, молодую женщину, у которой очаровательная внешность, но — вот незадача — на лице бородавка. Обратится она, положим, в салон магической косметологии. Закрасят ей на первом уровне эту бородавку так, что станет совсем незаметно. Не только не увидишь, но и не нащупаешь. Назавтра она отправится на бал и познакомится там с красивым молодым человеком. И вроде бы всё хорошо. Но вот в чём загвоздка. Если этот мужчина окажется зеркальным магом — что, конечно, статистически не слишком вероятно, но и не исключено, — и выйдет конфуз. Потому что он распознает эту бородавку с лёгкостью. Достаточно будет взглянуть на отражение прекрасной дамы — или просто посмотреть на неё зеркальным зрением.

— Это как? — заинтересованно взметнула брови Алана. — Мы такого не проходили!

— Покажу, но не на этом уроке, — пообещала я и вернулась к недосказанному. — Так вот, всё это — в хорошем случае, если в салоне поработали качественно. А если процедуру провели тят-ляп, то абсолютно каждый, кто увидит нашу даму в зеркале, сразу же разглядит там и бородавку. И получается, что лучше бы было ей попросту замазать оную стойкой пудрой.

Аудитория, выделенная для нашего курса, располагалась на втором этаже, и прямо напротив одного из наших окон красовалась пушистая крона эльмирского дуба. Именно здесь, на одной из тонких ветвей, устроилась ворона. Звонко каркнув, она перебралась на соседнюю ветку и заглянула в класс. Тут я осознала две вещи: во-первых, студенты вместо того, чтобы внимать преподавателю, банальнейшим образом пялятся в окно. Во-вторых, сам преподаватель ничем не лучше.

Встряхнувшись, я продолжила.

— Второй уровень весьма ощутимо отличается от первого. Эта реальность намного менее похожа на внешний мир. Уверена, каждый из вас хотя бы раз в жизни гляделся в кривое зеркало. И понимает, как сильно оно искажает изображение. Обычный, среднестатистический человек со стандартной человеческой анатомией покажется в таких зеркалах то поражающим воображение толстяком, то тонкой тростинкой, непропорционально вытянутой к потолку. Его шея и голова могут резко сдвигаться вбок относительно остального туловища. Или же тело может, к примеру, почти разделиться на верхнюю и нижнюю части, соединить которые будет лишь тоненькая полосочка, будто сталактит и сталагмит, долго стремившиеся друг к другу, наконец встретились благодаря нескольким последним каплям. Можно подумать, будто во всём этом нет ни малейшего следа логики. Но логика есть. Связь между реальностью и её кривым отражением можно объяснить и предугадать. Для этого требуются такие науки как оптика и геометрия, изучение которых наверняка крайне раздражает многих из вас.

Несколько кривых улыбок дали мне понять, что я попала в точку. Впрочем, это неудивительно: ведь я и сама была когда-то студенткой и изучала те самые предметы, которые многим казались совершенно лишними. Мы же занимаемся магией! Зачем нам какая-то дурацкая (а, главное, сложная) физика? Впоследствии выяснилось, что всё-таки нужна.

— Второй уровень позволяет влиять на реальность более существенным образом. К примеру, именно здесь помогают людям, страдающим анорексией или ожирением. В том, что касается физиологии, разумеется. Психологическая сторона вопроса нам неподвластна. До определённой степени с ней может помочь смежная наука, магия сна. Также второй уровень весьма успешно используют для работы с врождёнными уродствами. Основная идея — отыскать тот ракурс, то мгновение, когда пропорции оказываются нормальными или желательными, зафиксировать изображение в рамках этого момента, а затем, возможно, добавить ещё несколько косметических штрихов первого уровня. Итак, работа на второй глубине — сложная, требует вызубренных формул и точных расчётов. Для многих сфер она бесполезна, но там, где дело касается серьёзных физических изменений, может сыграть важную роль.

И наконец существует третий уровень глубины. На первый взгляд, он довольно-таки похож на первый. Отражение кажется весьма похожим на реальность. Но именно здесь в полной мере

приходит в действие правило зеркальной полярности.

— А это что значит? — недоумённо выдохнул один из студентов, должно быть, второкурсник.

Хотя, как по мне, на второй год им уже пора бы знать такие определения. Но, возможно, мальчишка не слишком заморачивался зубрёжкой, считая, что природного таланта и способности схватывать налету окажется достаточно для успешного окончания учёбы.

— Это значит, — насмешливо обернулась к нему светловолосая девушка, — что там всё наоборот. Это так, по-простому, для самых «одарённых».

Парень обиженно насупился, а я решила не вмешиваться в перепалку.

— Если на третьем уровне вы закрываете дверь, в реальном мире она распахнётся. Если забираете из амбара полмешка крупы, в действительности мешков станет два. И так далее. Но тут и осторожным приходится быть вдвойне. Во-первых, здесь возможны по-настоящему глобальные изменения, и прежде чем приступить к волшебу, стоит несколько раз подумать. Во-вторых, как именно будет меняться мир? Это далеко не всегда тривиально. Возьмём, к примеру, нашу многотрагическую женщину из салона. Положим, мы уничтожим её бородавку. Каким будет эффект? Её настоящая бородавка станет в два раза крупнее? На лице появятся две бородавки? А может быть, новая бородавка выскочит не на лице, а, скажем, на спине? Именно для таких расчётов вам и дают теоретические знания по третьему уровню. Но иногда ни один расчёт не заменит практику и профессиональное чутьё.

— Что-то мы по теории уровней ничего такого не проходили, — снова вмешался второкурсник.

— Это материал последнего года обучения, — подсказал Корниш.

Интересно, и откуда он это знает, если сам только на третьем?..

— Совершенно верно, — подтвердила я, не делясь вслух своими вопросами. — Заметьте: такие знания нужны только тому, кто способен спуститься на третий уровень. А это совсем немногие. Всего несколько человек в каждом выпуске. Но тем, кому подвластна вторая ступень, тоже на всякий случай дают такие знания, хотя бы в виде укороченного курса.

— Зачем?

— Затем, что изредка даже взрослому, сложившемуся и обученному магу внезапно удаётся попасть на более глубокий уровень, чем обычно. Это называется «прорыв» и случается крайне редко, но всё-таки случается. Как правило этому способствует целый ряд факторов, в том числе — сильный всплеск эмоций. Но если маг сумел перескочить, к примеру, со второго уровня на третий, ему удастся сделать это повторно.

— А мы будем делать упражнения на третьем уровне? — спросила Алана, внимательно и серьёзно глядя на меня из-под длинных чёрных ресниц.

— Обязательно, — ответила я. — Но не сегодня. Сегодня будем работать с первым. Если вопросов больше нет, приступим прямо сейчас. Пройдём в подпространство, — я указала широким жестом на огромное, почти во всю стену, зеркало, — и каждый из вас попробует что-нибудь поменять в этой аудитории.

— А что именно? — попыталась уточнить Алана.

— Всё, что угодно. Единственным ограничением будет ваша собственная фантазия.

Их фантазия интересовала меня более всего остального. Конечно, я не рассчитывала, что кто-то из студентов создаст в классе Перводанное зеркало, семь ключей или двойника очередного хранителя, но надеялась, что склонности так или иначе проявятся в выборе задания.

Однако либо я ошиблась, либо просто не умела находить тайный смысл в явных поступках. Во всяком случае, ни появившиеся в аудитории фикусы, ни, наоборот, исчезнувшие учебники, ни прилепленные ко всему, к чему только можно, рога ни о чём значимом мне не сказали.

Зато Алана задала весьма неплохой вопрос.

— Магистр Блэр, я вот чего не смогла пока понять. Когда мы отсюда колдуем над аудиторией, всё понятно. Подправили отражение — и то же самое меняется снаружи. А как быть, если мы что-то сделаем друг с другом? Ну, скажем, наколдую я сейчас Корнишу рога.

— А чего это сразу мне? — возмутился Лука, на всякий случай почёсывая себя по макушке — убедиться, что Алана не привела гипотетическую угрозу в действие.

Сокурсники, особенно мужского пола, посмеивались, не проявляя солидарности с товарищем. Вот пойдут теперь по институту слухи, что Алана наставила Корнишу рога — и что ты будешь делать? Или меня такие детали не касаются?

— Ну, не тебе, вообще кому-нибудь, — пошла на попятный девушка. — Если что-то наколдовать человеку, который находится в зазеркалье, — теперь она постаралась сформулировать вопрос как можно более абстрактно, — что будет, когда он вернётся в реальность? Рога, например, останутся?

— А почему бы нет? — фыркнул один из старшекурсников. — С чего бы им не остаться?

— Но мы же не принадлежим к миру зазеркалья. — Алана энергично жестикировала, как часто делают люди, не до конца уверенные в том, что хотят сказать. Чувствующие, но не знающие, как выразить свои интуиции словами. — Мы здесь — гости. Допустим, на нас как-то можно воздействовать, пока мы пребываем в подпространстве. Но ведь магия рассчитана на отражения, не на реальность. Как она продолжит работать, когда мы, настоящие люди, снова окажемся в реальном мире?

— Отличный вопрос, — заметила я. Теперь хихиканье сменилось парой завистливых взглядов, а сама Алана гордо расправила плечи. — Маг действительно работает в неестественном для человека пространстве. Именно поэтому мы никогда не покидаем реальный мир полностью. Скорее как бы меняемся местами со своим отражением. И некая наша частица всегда остаётся снаружи.

— Отражение — снаружи? — недоверчиво переспросил второкурсник.

— В каком-то смысле, — подтвердила я. — Его ещё называют «тень» или «отзвук». Увидеть его, конечно, нельзя: оптических предпосылок для этого нет. Однако же оно существует. И то, что происходит с нами в зазеркалье, оказывает влияние на это отражение. Приделают вам в подпространстве рога — приобретёт их и ваша тень. Когда вы вернётесь в свой мир, снова поменяетесь с ней местами. И рогатыми останетесь оба: как вы, так и двойник. А если, к примеру, вас убьют в зазеркальном мире, с тенью случится то же самое. Человек не может жить, когда мертво его отражение. И наоборот. Вы навсегда повязаны, потому что вы — одна сущность.

Теперь никто не усмехался, и атмосфера серьёзности, самую малость замешанной на страхе, сохранилась до конца занятия.

Неспешно шагая к выделенному мне на ближайшие несколько недель кабинету, я услышала громкие голоса, доносившиеся через открытую дверь в конце коридора. Там, как я помнила, располагалось рабочее помещение ректора. Видимо, разговор на повышенных тонах вёлся буквально на пороге, поскольку я отчётливо увидела чью-то тень. Но в этот момент высунувшаяся из другого, более близкого, кабинета рука крепко схватила меня и настойчиво потянула в сторону своего обладателя. Я и пискнуть не успела, как оказалась зажата между косяком и туловищем Кейла.

— Т-с-с!

Декан факультета стихий заговорщицки приложил палец к губам. Я кивком дала понять, что поняла предостережение, и мы дружно прислушались к шумному спору.

— Это мой факультет, и вы не имеете права принимать на него сотрудников, даже не соизволив посоветоваться со мной! — бушевал профессор Джейкоб: теперь я отчётливо опознала его по голосу.

— Это ещё и мой институт, и я имею полное право пригласить лектора по своему усмотрению! — возразил профессор Крофт.

— Только после консультации с деканом! Мне лучше знать, каких специалистов не хватает на моём факультете!

— Ну почему же, я отлично осведомлён обо всех сложностях. Вы сами регулярно меня в них посвящаете и требуете в срочном порядке решить все вопросы, — не без иронии парировал ректор.

— Финансовые, профессор, финансовые и организационные!

— А ректорат решил пойти вам навстречу и оказать помощь с кадрами! Причём, заметьте, полностью за наш счёт. Бюджет вашего факультета остался нетронутым. Могли бы, между прочим, сказать спасибо. Я раздобыл вам специалиста, который повысит интерес к кафедре зеркальных глубин. А это значит, что в следующем году вы можете ждать серьёзного притока студентов!

— Послушайте, мы как здесь, по-вашему, продвигаем науку или торговлей занимаемся?

— Вот только давайте обойдёмся без лицемерия. Вы не хуже меня знаете, насколько необходима науке денежная подпитка. Но не будем уходить в сторону от сути. Вы сетовали на нехватку преподавателей-практиков, в особенности зеркальщиков. Йоланда Блэр — первоклассный практик. Завладеть вниманием студентов она тоже умеет, и отлично продемонстрировала это на Дне открытых дверей. Так что же вас не устраивает?

— Вы, видимо, так увлеклись восторгами, профессор Крофт, что не обратили внимания на суть того выступления. А между тем оно посвящалось способу бежать из тюрьмы.

— Не самое бесполезное умение в наши дни, — не колеблясь, ответил ректор.

— Ну знаете, это полная чушь! — взорвался Джейкоб и решительно зашагал по коридору.

К счастью, наша дверь не была распахнута настежь, так что нам с Кейлом удалось, застыв без движения, остаться незамеченными. Сердитый декан факультета зеркальных глубин пролетел мимо, подобно урагану. Когда опасность миновала, я подняла глаза на хозяина кабинета, лишь для того, чтобы внезапно осознать, насколько близко друг к другу мы всё это время держались. На какой-то миг мне показалось, что его лицо вот-вот станет ещё ближе. Но мы оба мешкали, момент был упущен, и Кейл, слегка смутившись, отошёл к рабочему столу.

— Я просто подумал, что ты не захочешь сейчас случайно столкнуться с кем-нибудь из них, — объяснил своё недавнее поведение он.

— И правильно подумал: это действительно было бы некстати, — признала я, тоже проходя вглубь кабинета.

Пожалуй, не стоило спешить с выходом в коридор — на всякий случай.

— Как впечатления от первого занятия? — поинтересовался Кейл.

Смущение уже покинуло его, и теперь он говорил в своей обычной непринуждённой манере.

— Ты знаешь, вполне приемлемые, — проговорила я и сама удивилась этому факту.

Раньше мне казалось, что уроки будут в тягость, и радовало лишь одно: весь этот фарс продлится лишь несколько недель. Но, как ни странно, ощущения от лекции и практикума остались вполне позитивные. Позитивными оказались и ощущения от недавней близости Кейла, и это тоже было удивительно. Я успела буквально почувствовать его дыхание на своём лице, и это не раздражало. Даже наоборот, было по-своему приятно. Это, пожалуй, стоило обдумать, но не сейчас.

— Я ничуть не удивлён. — Мне потребовалось секунд десять, чтобы понять, о чём именно он говорит. — Они действительно хорошие ребята. Даже самые безалаберные, у которых, казалось бы, ветер в голове. Возраст, гормоны, романтика студенческих лет. Всё это берёт своё. Но, в сущности, они умны и по-настоящему заинтересованы в результате. А если профессор им по-настоящему нравится, они душу за него готовы отдать.

— Я надеюсь, в этом институте никто не взимает плату за обучение в душах. Кроме Джейкоба, конечно, — пошутила я.

— Тебя это, наверное, покажется странным, но Джейкоб тоже неплохой парень. Со странностями, конечно, и с тяжёлым характером. Но последнее можно понять: у него вредная работа, — хитро усмехнулся Кейл.

— По себе судишь? — хмыкнула я.

— Не без этого. Сердишься, что я заступился за Джейкоба? — спросил он, посерьёзнев.

— Что за глупости? Наоборот. — Садиться не хотелось, но я для удобства облокотилась о стул. — Если хочешь знать, я всецело на его стороне в этом споре с Крофтом. Совершенно не понимаю, как можно было принять на работу кругом подозрительную личность вроде меня. Тут есть от чего взбеситься. Что, цинично прозвучало? — полюбопытствовала я, заметив, что Кейл окончательно посерьёзнел и пристально глядит на меня, склонив голову набок.

— Цинизм — это, знаешь ли, не самый страшный недостаток, — отозвался он. — Вообще люди с тяжёлым прошлым делятся на три категории. Первые ломаются, вторые начинают ненавидеть весь мир, а третьи становятся циниками. Твой вариант совсем не плох.

— Ну, ненависть к миру мне тоже очень даже свойственна, — справедливости ради отметила я.

Декан скорчил недоверчивую физиономию.

— Как-то неубедительно. Но ты потренируйся, может быть, постепенно получится, — подмигнул он.

Глава 11. Убийственный взгляд

О том, что случилось в доме архиепископа, я догадалась, едва начала спускаться по ведущей в сокровищницу лестнице. Нет, на саму территорию резиденции я прошла благополучно. Охранник у ворот приветствовал меня кивком головы, ни о чём не спрашивал и документов не требовал. К тому моменту меня хорошо знали: как-никак, в последние дни я проводила здесь немало времени. Однако, в силу случайности или закономерно, в моё присутствие Охотник не давал о себе знать.

Теперь же он сделал свой ход, в этом не оставалось ни малейших сомнений. Достаточно было взглянуть на встревоженных людей, сновавших вверх и вниз по ступенькам. На стражника, перекрывавшего вход в сокровищницу с грозным видом, призванным скрыть чувство растерянности. На мужчину в исподнем, остриженного, как монах, раскачивавшегося вперёд-назад и рыдавшего в углу. И наконец на Орвина, взъерошенного наподобие драчливого воробья и ожесточённо тёршего себе виски.

— Всё, ключа нет? — с места в карьер спросила я.

Не люблю терзаться сомнениями во время продолжительных предисловий.

— Угу, — подтвердил принц и лишь затем убрал руки от головы.

— Всё-таки нашёлся потайной ход?

Других предположений у меня, признаться, не было. Я не видела иных лазеек, с учётом всех принятых мер предосторожности. Нет, разумеется, если бы в распоряжении Охотника имелась целая армия, он мог бы взять резиденцию штурмом, но в этом случае представшая моим глазам картина была бы совершенно иной.

Однако Орвин отрицательно мотнул головой. Выглядело это как-то совершенно не по-королевски. Складывалось ощущение, что он не только растерян, как многие другие, но ещё и доведён до белого каления.

— Так что случилось-то?

Спокойствие изменило и мне.

— Именно это я и пытаюсь выяснить, — чуть ли не прорычал Орвин и повернулся ко второму стражнику, которого я поначалу в общей суете даже не заметила. В отличие от первого, дежурившего у двери, этот стоял в сторонке, сжавшись в комок.

— Ну-ка теперь то же самое сначала, чётко и ясно! — потребовал принц.

Охранник кивнул, сглотнул и принялся объяснять.

— Всё было как обычно. Потом пришёл брат Оноре. — Он бросил взгляд на мужчину, раскачивавшегося в углу на табурете. — Его проверили, ничего подозрительного не обнаружили. Он молился в сокровищнице, как и все, два часа. Потом ушёл. Ключ был на месте. Начал молиться другой монах, брат Симон. А дальше оказалось, что брат Оноре остался внутри, а ключ пропал.

— Стойте-стойте. — Я запустила руки в волосы и тряхнула головой. — То есть брат Оноре ушёл, но он же остался?

— Ушёл и остался, — с готовностью подтвердил стражник.

— Не вернулся назад, а именно остался? — уточнил принц.

Стражник кивнул.

— Выходит, было два брата Оноре?

— Выходит, что так.

— А когда первый брат Оноре пришёл, он был один или с кем-то ещё?

— Один.

— И ушёл тоже один?

— Истинно так.

— Точно ушёл?

— Точно.

— Но если он пришёл один и ушёл один, то никого другого в сокровищнице быть не могло. Кроме брата Симона, которого вы впустили отдельно?

— Не могло, — охотно согласился допрашиваемый.

— Тогда откуда в сокровищнице, кроме брата Симона, взялся брат Оноре? — рявкнул принц.

— Не знаю, ваше высочество, — аж затрясся стражник.

Я повернулась к раздетому мужчине на табурете. Рыдать он уже перестал, но трясся не то от холода, не то от нервов, и вид имел невероятно печальный.

— Это вы — брат Оноре?

— Да.

— Тот, который вошёл, или тот, который вышел?

— Я не уходил, — ответил он и почему-то снова зарыдал.

К счастью, в этот момент к нам спустился офицер Блим, бледный донельзя, но деловой и сосредоточенный, и картина довольно быстро прояснилась. Точнее, прояснилась последовательность событий, хотя объяснения некоторым из них по-прежнему не было.

Итак, монахи сменяли друг друга каждые два часа. Очередным из них стал брат Оноре. Его проверили на предмет оружия, зеркал и прочих запрещённых предметов. Прибегли для этой цели как к обыску, так и к магическим амулетам. Ничего не обнаружили и пропустили инока в сокровищницу. Час спустя туда заглянули, как полагалось. Всё было в порядке. Ещё через час брат Оноре вышел в коридор. Стражник убедился в том, что артефакты на месте, опять же, в соответствии с предписанием. Затем монах ушёл, а его место занял следующий, брат Симон, какового предварительно обыскали, как и прочих.

Непонятное началось полчаса спустя, когда вышеупомянутый Симон с воплями вылетел из сокровищницы и принялся жестами зазывать охранников внутрь, не в силах как следует что-либо объяснить от волнения. В углу комнатки, за огромным старым сундуком, обнаружили полуодетого, связанного брата Оноре с кляпом во рту и огромной шишкой на голове. По-видимому, его ударили чем-то тяжёлым и оставили лежать без сознания. Когда же он пришёл в себя, брат Симон услышал подозрительные звуки и вскоре обнаружил своего собрата по вере. Внятно объяснить, что с ним случилось, пострадавший пока не мог из-за сильного потрясения.

Реликвии как будто бы не пострадали, но срочно вызванный на место офицер Блим в благополучный исход столь подозрительных событий не поверил. Он поспешил привлечь специалистов, и те без труда установили, что ключ, лежащий в стеклянном ларце, — не более чем искусная подделка. В какой именно момент была совершена подмена, определить пока не удалось, но весьма логичным представлялось, что артефакт унёс столь же фальшивый брат Оноре, давно покинувший сокровищницу.

Мы с принцем и офицером поднялись наверх, дабы устроить небольшой совет подальше от посторонних ушей. Кое-что прояснялось. К примеру, не было никаких сомнений в том, что злоумышленник принял облик брата Оноре, воспользовавшись зеркальной магией. Он вырубил настоящего монаха, надел его рясу и спрятал за сундуком бесчувственное тело. Потом заменил артефакт изготовленной заранее копией, в нужное время вышел за дверь и спокойно удалился. Конечно, существовал риск, что стражи обнаружат двойника, но вероятность была невысока: не стали бы они без особых причин проводить тщательный обыск. Впрочем, я подозревала, что преступник был готов и к такому сценарию. Причём весьма вероятно, что жертв при этом развитии событий оказалось бы куда больше.

В сущности, в данный момент нам не давал покоя один вопрос: каким образом Охотник (а это, скорее всего, был именно он) сумел проникнуть в сокровищницу? Как он ушёл, мы приблизительно понимали, но, чёрт побери, сперва он должен был как-то туда пробраться! Вновь спустившись по лестнице, мы принялись проверять всевозможные гипотезы. Первым делом я прощупала магическую защиту, которую самолично поставила несколько дней назад. Следов взлома не было. Стало быть, преступник не мог проникнуть в комнатку через зеркало или другую отражающую поверхность вроде отполированной стены или даже пролитой на пол воды. Вариант потайного хода нельзя было отменить полностью, но он оставался маловероятным по прежним причинам. К ним добавлялась и ещё одна, не менее важная: если бы такой ход существовал, Охотник воспользовался бы им не только для того, чтобы войти в сокровищницу, но и для того, чтобы выбраться наружу. Стоило ли рисковать и устраивать маскарад, если у него имелась такая возможность?

Пока я разбиралась с комнатой, Орвин и Блим допрашивали стражников. Все ли монахи молились в одиночестве? Не покидала ли охрана свой пост, хотя бы даже на несколько секунд? Иными словами, мог ли некто неучтённый тайком проникнуть в сокровищницу, чтобы потом выйти оттуда под видом брата Оноре?

Если верить допрашиваемым, ответ на все эти вопросы был отрицательным. Дверь караулили двадцать четыре часа в сутки. Охранники сменяли друг друга, но минимум два человека бдели всегда. Монахи входили исключительно по одиночке, и никто не оставался внутри более двух часов. Никто, кроме брата Оноре.

— Надо расспросить пострадавшего, — озвучил закономерный вывод Блим. — Он, похоже, уже лучше себя чувствует.

Дружно кивнув, мы приблизились к монаху, уже укутанному в одеяло. Вид он по-прежнему имел печальный, но взгляд действительно стал более осмысленным.

— Брат Оноре! — позвал офицер. — Вы можете рассказать, что с вами случилось?

Монах открыл было рот, чтобы ответить, но по прошествии пары секунд лишь растерянно развёл руками.

— Не знаете, с чего начать? — предположил Блим. И, дождавшись кивка, предложил: — Давайте начну я. Вы пришли сюда, чтобы прочитать соответствующие случаю молитвы. Вас пропустили, закрыли дверь. Вы опустились на колени.

Речь начальника охраны лилась успокаивающе, как журчащие воды ручья, и монах, похоже, немного расслабился. Вновь кивнул, теперь более охотно.

— Вы пробыли в сокровищнице довольно долго. Больше часа, быть может, ближе к двум. А потом появился второй человек. Откуда, каким образом? Вы успели его увидеть, прежде чем он вас ударил?

Брат Оноре сглотнул, облизнул пухлые пересохшие губы.

— Я видел, — заговорил он. Принц, Блим, собравшиеся в коридоре солдаты и монахи, мы все застыли, прислушиваясь, боясь даже громко дышать и из-за этого ненароком пропустить хоть одно слово. — Откуда появился... Из ниоткуда. Просто вдруг возник перед моим взором. Я увидел его ноги, спину... а потом он повернулся ко мне лицом и замахнулся мечом. Не острой стороной, рукоятью. Но я всё равно испугался, думал, он собирается меня убить, но не понимал, за что. А дальше пришла боль, и я потерял сознание.

Он непроизвольно схватился за голову, приложив руку к тому месту, где успела вырасти изрядная шишка.

— Спину? — Я так удивилась, что даже вмешалась в ход допроса, чего изначально делать не собиралась. — Святой отец, я поняла вас правильно? Сначала тот человек стоял к вам спиной, и лишь потом обернулся?

Монах энергично закивал.

— Сначала спина. Камзол. Зелёный, с тонкими золотистыми полосками. Прямо перед глазами.

Стало быть, человек небедный. Мужчина, либо переодетая в мужчину женщина.

— И он сразу развернулся к вам лицом? — продолжала допытываться я.

— Не совсем сразу. Он стоял слишком близко. Почти вплотную, я дышал ему в спину. Он бы не смог сразу развернуться. Сначала отошёл подальше, а уж потом посмотрел на меня, вытащил меч, и...то, что вы уже знаете.

— Спиной и почти вплотную.

Я даже не знала, переспрашиваю ли или просто повторяю вслух, чтобы лучше осмыслить услышанное. Так или иначе, рассказ монаха мне решительно, катастрофически не нравился.

— Вы встречались с этим человеком прежде? — предположила я под удивлёнными взглядами принца и офицера. — В том числе и незадолго до молитвы?

Брат Оноре испуганно моргнул, весь напрягся, втянул голову в плечи и слегка, едва заметно, наклонил голову. Это движение было призвано обозначать кивок.

— Это ваш давний, хороший знакомый? — Раз уж я перехватила инициативу в допросе, теперь

останавливаться на полпути не имело смысла. — Вы можете его назвать?

— Я не знаю его имени. — Монах был порядком испуган, но говорил, насколько я могла судить, честно. — И его самого встретил только один раз. То есть до сокровищницы — один. Мы как раз тогда познакомились. — Вот тут он смутился. То ли солгал, то ли умолчал о чём-то важном. А может быть, испугался. — Поговорили...

— А как вы расстались?

— В общем-то никак. Он ушёл, и больше я его до сокровищницы не видел.

— Ушёл? — не унималась я. — Именно ушёл? Вы видели его спину, видели, как его ноги делают шаг за шагом? Может быть, он спустился по лестнице или открыл какую-то дверь... Или всё-таки... — Я сделала небольшую паузу, чтобы пострадавший проникся важностью вопроса, — он исчез?

Монах немного подумал, взгляд стал ещё более растерянным.

— Может быть, и исчез, — неуверенно проговорил он. — Я отчётливо не помню. Но так, чтобы прямо спину, дверь... Нет, не видел.

Я поднялась на ноги (расспрашивая пострадавшего, я успела присесть на корточки, поскольку он по-прежнему не слезал с табурета) и медленно, задумчиво закружила по незначительному свободному пространству. Потом, мало что видя перед собой, стала подниматься вверх по ступенькам. Наверху, возле самой лестницы, столкнулась нос к носу со священнослужителем, который несколько дней назад показывал нам с принцем сокровищницу.

— Скажите, вы знакомы с братом Оноре? — мгновенно вцепилась в него я, позабыв даже о таких глупостях, как приветствие.

Впрочем, с учётом ситуации, он не очень-то удивился. Утвердительно кивнул и устремил на меня выжидающий взгляд.

— Что вы можете о нём сказать? Он производит впечатление надёжного человека? Или наоборот? Или, может быть, у него есть какие-то странности?

По тому, как вздохнул и опустил глаза священник, я поняла: ему точно есть что сказать, вопрос лишь в одном: сочтёт ли он меня достойной откровенности. Счёл. А может быть, просто хотел поделиться с кем-нибудь слухами, а тут представился благовидный предлог.

— Насчёт ненадёжности не скажу, а вот про странности... Поговаривают, — он огляделся и понизил голос, — будто брат Оноре... — Брови собеседника пару раз многозначительно подпрыгнули на морщинистом лбу. — Словом, вроде бы как мужеложство ему не чуждо.

— Понятно. Благодарю вас.

Священник немного поколебался, но затем без лишних расспросов отправился вниз, я же вышла наружу, погрузившись в прежнее состояние полутранса. Вывел меня из него Орвин, внезапно возникший передо мной незнамо откуда, будто волшебный конь из сказки. На самом-то деле, конечно, известно откуда: просто, освободившись внизу, поднялся по ступенькам следом за мной, но я была так занята своими мыслями, что не замечала ничего вокруг. До тех пор, пока перед моим носом буквально не помахали рукой.

— Что? — спросила я, вновь не слишком тревожась о правилах вежливости.

— О чём ты так задумалась? Неужели о несовершенстве вселенной? — Принц саркастически усмехнулся, но сразу же посерьёзнел. — Или ты уже поняла, кто Охотник?

— Охотника я не вычислила, — покачала головой я, постепенно вырывая себя из мира размышлений в реальность. Рывком это сделать не получалось, слишком ошеломила меня подоплёка сегодняшнего происшествия. — Но поняла, как он провернул кражу ключа.

— Ух ты! Но это уже немало. Расскажешь?

Я прикусила губу, всё ещё реагируя слегка заторможенно. Потом кивнула и огляделась.

— Надо бы отойти подальше от посторонних ушей.

Так мы и поступили. Вышли из маленького, тесного двора, миновали ещё более тесный проход между стенами двух зданий и расположились в тени одинокого, широко раскинувшего ветви клёна.

— Откуда появился Охотник? — начала я с вопроса, который, понятное дело, тревожил всех, кто пытался разобраться в этой истории. — Как он проник в сокровищницу? И вот ещё: почему он

первым делом явил монаху свою... — я хотела помянуть несколько иную часть тела, но в последний момент исправилась и поднялась чуть выше: — ...спину? Вот представь себе, что ты хочешь напасть на ничего не подозревающего человека и ткнуть его рукоятью меча по башке.

Принц скептически ухмыльнулся.

— Ну допустим.

— Что ты станешь делать? — Я испытывающе заглянула ему в глаза. — Как к нему подойдёшь?

— Скорее всего, со спины, чтобы он не успел меня заметить.

— Вот! — Я вытянула вверх указующий перст. — Что и требовалось доказать. Но допустим, что ты по какой-то причине этого сделать не можешь. Всё равно ты повернёшься к жертве лицом. Зачем демонстрировать свой тыл? Тем более — становиться практически вплотную?

Орвин нахмурился.

— И какой из этого следует вывод?

— Он не подходил к монаху. Он прямо так, в той точке, появился в сокровищнице.

— Из зеркала?

— Из глаз.

— Что?

— Охотник прошёл в глаза брата Оноре, как в зеркало. Затаился, дождался, пока монах окажется в сокровищнице, и уже потом, в нужный момент, выбрался наружу тем же путём. Только так всё сходится. Тогда понятно, куда он исчез во время предыдущей встречи с братом. Понятно, как пронёс поддельный ключ и оружие мимо охраны. И как сам умудрился незаметно попасть в нужную комнату.

Орвин, хмуря брови, запустил руку в волосы.

— Но ты говорила, что через глаза можно установить только ментальную связь. Через них нельзя попасть в зазеркалье!

— Говорила, — без колебаний признала я. — А многие говорили, что отражение в зрачках вообще никак не соотносится с зеркальной магией. Но мой собственный опыт свидетельствует об обратном. А этот парень — он же гений! — Я усмехнулась. — Самородок, тут даже сомнений быть не может. Собственно, другому и незачем охотиться за ключами. Воспользоваться четвёртым уровнем, мягко говоря, не каждому дано. А тут... Понятия не имею, как он это сделал. Но сумел! Провернул то, что никому до сих пор не удавалось. И вышел победителем. Обвёл всех вокруг пальца.

— Ты его ловишь или дифирамбы поёшь? — с раздражением поинтересовался принц.

— Одно другому не мешает. Ты только вдумайся! — воодушевлённо воскликнула я. — Мы сбиваемся с ног, блокируем все отражающие поверхности, ставим на уши охрану, чтобы обыскивали всех на входе. А он использует то «зеркало», которое каждый постоянно носит при себе, и на которое никто не обращает внимания! Ведь не прикажешь же монахам сдавать на пороге глаза и забирать их только после молитвы! Я не имею не малейшего представления о технике, которую он использовал, но это только лишнее очко в его пользу.

— Помнится, ты сама говорила, что сможешь сбежать из тюрьмы, какую бы охрану там ни установили, — проворчал Орвин.

— Не рви волосы на голове: проплешина тебе не пойдёт, — посоветовала я. Принц застыл на пару мгновений, потом опустил руку и зачем-то принялся рассматривать ладонь, будто проверял, не застрял ли чёрный клочок между пальцами. — Я своих слов назад не беру. Но сбежать — это одно, а проникнуть в защищённое помещение снаружи — совсем другое. Тем более, в тот самый момент, когда его особенно тщательно охраняют. И потом: я от короткого ментального контакта чуть не сошла с ума! А этот парень умудрился использовать глаза для полноценного физического перехода в другое пространство. И как-то сохранил после этого рассудок. Хотя... Тут гарантий нет. Вполне возможно, что он уже давно сумасшедший. Не факт, что в нормальной голове могла бы родиться вся эта афера...

— Почему он тогда не ушёл тем же путём? — оборвал мои психологические рассуждения Орвин. — Зачем рисковал с маскарадом?

— Он был вынужден выйти наружу, чтобы забрать ключ. А дальше оставлять монаха в сознании

было рискованно. Тот мог поднять шум. Закричать или, чего доброго, рассказать стражам, что с ним приключилось. Да и не такой уж серьёзный был риск. Понятное дело, внешность Охотник подделал с помощью зеркала. Наверняка прихватил его с собой, как и фальшивый артефакт. А если бы у охраны возникли подозрения, то при помощи того же самого зеркала и сбежал бы. Как он вышел на брата Оноре и почему именно на него, тоже примерно понятно. Мне тут добрые люди шепнули, что наш монах равнодушен к мужчинам. Стало быть, не слишком сложно было приблизиться к нему в достаточной мере, чтобы заглянуть в глаза где-нибудь наедине.

Принц скривил такую физиономию, что я рассмеялась. Саму меня вопрос сексуальной ориентации инока беспокоил мало, то ли дело личность преступника...

— Думаю, что и с мальчишкой он прибег к тому же методу, — продолжила развивать мысль я.

— С каким мальчишкой?

— Слугой, который пропал. Его так и не нашли, верно?

— Думаешь, он тоже предпочитал мужчин?

— Вряд ли. Но он был подростком, жаждущим доказать свою взрослость. Такому парню нетрудно заморочить голову. А дальше всё, что требовалось, — это завести его в какой-нибудь безлюдный переулок, посмотреть в глаза... И всё. Новый знакомый бесследно исчез. Парнишка возвращается в резиденцию. Охотник осматривается там — глазами мальчишки, — а в удобный момент выбирается наружу. Наш друг Блим считает, что парень не стал бы подмешивать яд, и я склонна положиться на его мнение. Думаю, Охотник, выйдя из подпространства, просто убрал ненужного свидетеля. А соус отравил сам. Возможно, просчитался. Думал, что блюдо подадут на ужин, и планировал тем же вечером завладеть ключом. Откуда ему знать в подробностях, какие на кухне планы? А может, он всё отлично понимал, подмешал отраву ночью, а дальше собирался действовать по обстоятельствам. Блим, конечно, чемпион по самобичеванию, но, на самом-то деле, охрана поставлена в резиденции прекрасно. Охотник, скорее всего, пришёл к выводу, что подобраться непосредственно к архиепископу ему не удастся, и решил хоть как-то форсировать события.

— Иными словами, предлагаешь поискать труп слуги, закопанный где-то на территории резиденции?

— В саду, я полагаю, — кивнула я. — Там такое проверить удобнее всего. Пусть люди Блима поищут. Как раз и проверим, права я или нет.

Моё предположение подтвердилось. Но это выяснилось позднее. А между тем у нас обнаружился ещё один повод для беспокойства.

— И всё-таки это странное совпадение, — пробормотал Орвин. — По твоим словам, зрачки не принято использовать в зеркальной магии. Я тоже ни разу не читал о подобном. Стало быть, либо к этому методу не прибегают, либо, как минимум, о нём не распространяются. Несколько дней назад ты рассказываешь мне о том, как установила ментальный контакт при помощи отражения в глазах. И буквально пару суток спустя аналогичным образом действует преступник.

— А совпадение ли? — прищурилась я. Нехорошо так прищурилась.

Да, это неприятную тему я отложила на самый конец разговора. Но малодушничать и оттягивать до другого случая не стоило.

— Скажи-ка, Орвин, — я сложила руки на груди, — а не передавал ли ты кому-нибудь содержание нашего разговора? Хотя бы в общих чертах?

Настал черёд принца сощуриться. Сердито, пожалуй, даже зло.

— Передавал, конечно, — огрызнулся он. — Полдворца только об этом и болтает.

На такое я, конечно, не купилась.

— А если подумать? Как насчёт, например, его величества? Ему ведь ты обязан докладом?

— По делам службы, — прорычал Орвин. Сейчас мы стояли друг против друга, набывчив головы, будто готовились к поединку. — А ты, значит, считаешь, что я личные разговоры пересказываю?

— А как же моя эмоциональная нестабильность? — напомнила я.

— Да плевать я хотел на твою эмоциональную нестабильность!

Он и вправду чуть не сплюнул в сердцах, но, видно, воспитание не позволило.

— Какая же ты... — Он резко махнул рукой, будто наотмашь ударил по воздуху, и отвернулся. — Мы с отцом до сих пор на ножах, — глухо сказал он, всё ещё стоя ко мне спиной. — Практически не разговариваем.

— Из-за меня? — поразилась я. — Так что же он меня до сих пор в темницу не кинул?

— Нужна ты ему, неужели непонятно? — отозвался Орвин, запрокинув голову и глубоко вдыхая свежий осенний воздух.

Я скупой улыбнулась: похоже, парень начинал правильно оценивать ситуацию. Рука сама собой легла на его предплечье. Он ощутимо напрягся, затем полуобернулся, с удивлением поглядел на мою ладонь.

— Помирись, — убеждённо заверила я.

— Вероятно. Но не раньше, чем он вернётся.

— Эдбальд отбыл?

— На южную границу. Государственные дела.

— Понимаю. Орвин, послушай: это важно. Я не пытаюсь тебя обидеть, но, может быть, ты говорил с кем-нибудь ещё? С братом?

Принц неприязненно скривил губы.

— Он мне не брат.

«Эдбальд тоже тебе не отец, однако же пару минут назад ты назвал его именно так», — подумала я, но мысли свои оставила при себе.

— Сестра? — вместо этого выдвинула новое предположение я.

Орвин глубоко вздохнул.

— Ты несправима. Ладно, если это действительно так тебе необходимо, скажу чётко, но один раз: я никому не рассказывал о том нашем разговоре.

— Можешь формулировать ещё более чётко: это был не разговор, а мои пьяные излияния, — махнула рукой я.

Раз он принял мои подозрения так близко к сердцу, мне не жалко компенсировать моральный ущерб ударом по собственному самолюбию.

— Но тогда давай зайдём с другой стороны. Могли ли нас в тот вечер подслушать?

Орвин заложил руки за спину и прошёлся по кругу, задумчиво глядя на землю.

— Могли, — признал он, остановившись напротив меня. — Во дворце, конечно, хватает охраны, но спортивной слежке друг за другом это никогда не мешало. А мы с тобой были тогда далеко от личных покоев, где всё намного строже. Думаю, при определённой доле везения злоумышленник мог подобраться к какой-нибудь скважине, не с одной, так с другой стороны. Допустим, издали, допустим, не всё бы расслышал. Но шанс есть.

Я задумчиво опустила голову. Что и требовалось доказать. Вернее, нет, не доказать, конечно. Пока не поймал Охотника, всё, что я успела «разгадать» за сегодняшний день, так и останется гипотезой. Но она представлялась намного более вероятной, чем теория случайного совпадения. Кто-то следил за нами с принцем. Кто-то услышал мой рассказ о том, что зеркальную магию возможно применить к зрачкам. И это подало кому-то идею. Способ добраться до ключа, который охраняли особенно тщательно — невзирая даже на уверенность архиепископа в природе, которая якобы сама предотвратит катастрофу. Конечно, кому-то пришлось как следует напрячь мозг, чтобы доработать метод со зрачками. Но он сумел. И буквально через пару дней осуществил первую часть дерзкого плана.

Вот только кто это был? Допустим, преступник находился в тот вечер во дворце, но много ли даёт нам такое знание? Ведь бал, чёртов бал состоялся именно тогда. А, значит, подслушать наш с Орвином разговор могли слишком многие. Хоть кронпринц, хоть придворный маг, хоть вечно чем-нибудь недовольный декан факультета зеркальных глубин. А, может, Охотник всего лишь подкупил слугу, в то время как сам даже не приближался к королевской резиденции. Так много «может» и так мало фактов... Но я обязана была его разыскать. Это становилось всё важнее... и всё интереснее.

Глава 12. Круги на воде

Атмосфера в королевской библиотеке царила самая что ни на есть умиротворяющая. Высокие стеллажи, почти достигающие потолка, деревянные лестницы, позволяющие добраться до верхних полок, книги самой разной тематики (от глубокой философии до фривольных авантюрных романов, от учебников стихийной магии до неподъёмных фолиантов с кулинарными рецептами) и всех возможных периодов (от древних, готовых вот-вот рассыпаться свитков до шедевров современного книгоиздания). Запах пожелтевших страниц и кожаных переплётов дурманил голову. Книжная пыль имела в изобилии (попробуй-ка, уберись как следует в эдакой интеллектуальной сокровищнице), но нисколько меня не раздражала.

Я начала навещать сюда два дня назад, задавшись целью найти информацию по использованию зрачков в зеркальной магии, если таковая описана хотя бы в одном издании любой эпохи. Университетскую библиотеку я также посещала с завидной регулярностью, а некоторое количество тамошних томов валялось в данный момент у меня дома — на кровати, на тумбе, на каминной полке и даже на обеденном столе. Однако на данном этапе результаты были нулевыми. И я решила воспользоваться дозволением беспрепятственно посещать королевский дворец. Не последнюю роль в этом решении сыграло отсутствие Эдбальда. Монарха я не боялась, но самая мысль о том, что мы с ним находимся под одной крышей, была неприятна. Теперь же, во время его отъезда, я могла сидеть в стенах этого здания и спокойно дышать.

Итак, невзирая на нетривиальность возложенной на меня миссии, я чувствовала себя умиротворённо, и тем более странно было услышать грохот двери, распахнутой так резко, что она ударилась о стену, топот обутых в кованые сапоги ног и звяканье кольчуг. «Неужели опять арестовывать пришли?» — отстранённо подумала я и вопросительно воззрилась на ворвавшихся в помещение стражей. Те остановились неподалёку и переминались с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам. Не иначе с непривычки: наверняка не всем доводилось когда-либо бывать в библиотеке.

— Чем могу быть полезна, господа? — прервала затянувшуюся паузу я, приподняв бровь.

— Мы ищем принца Орвина дель Фронси, — ответил тот, что был среди них главным. В военных званиях я до сих пор разбиралась плохо. — Он здесь?

Я не без удивления обвела взглядом обнажённые клинки и вновь подняла глаза на офицера.

— А для чего он вам понадобился, могу я поинтересоваться?

Военный, кажется, рад был бы послать меня по всем известному адресу, но побоялся проделывать подобные фокусы с магом и в последний момент сдержался.

— Поступил приказ арестовать его высочество. Так он здесь?

— И по какому же обвинению?

— Государственная измена.

Офицер даже приосанился: видимо, само это словосочетание позволяло ему чувствовать себя чрезвычайно важной персоной.

Я совершенно неприличным образом присвистнула.

— Так где он?

Стражник явно начинал терять терпение.

Я пожала плечами.

— Не имею ни малейшего представления. Ищите.

Ясное дело, заявлять, что никакого Орвина в библиотеке нет, смысла не имело: всё равно на слово не поверят. Так что я спокойно понаблюдала за тем, как солдаты по приказу начальства обходят помещение, заглядывая в самые нелепые из потенциальных укрытий. По окончании этого процесса офицер принёс мне формальные извинения за беспокойство, и все удалились, произведя при этом лишь немногим меньше шума, чем в момент своего эффектного появления.

Позабыв про старинный свиток, я опёрла подбородок о сплетённые решёткой пальцы и устремила на полки расфокусированный взгляд. Впрочем, долго пребывать в задумчивости мне не дали. Правда, звук на сей раз вышел значительно более тихим, но факт остаётся фактом: в библиотеке снова открылась дверь. С той разницей, что о её существовании я прежде не подозревала. Располагалась она рядом с одним из стеллажей и до сих пор полностью сливалась со стеной.

Проскользнувший в помещение Орвин тяжело дышал и вид имел не самый лучший. Волосы взъерошены, камзол помят, верхняя пуговица рубашки позорно висит на тоненькой ниточке, под глазами наметились круги. Извлечённый из ножен меч делал образ ещё более колоритным. Бесшумно закрыв дверь, принц прислонился к ней спиной.

— Добрый день, коллега, — не меняя позы, поприветствовала я.

Усталый взгляд ожил, брови удивлённо приподнялись.

— Коллега? — переспросил Орвин. — Я ведь говорил, что не обладаю способностями к магии. А если ты о том, как я сюда добрался, то здесь потайной ход.

— Я имела в виду государственную измену.

— Ах, тебе уже сообщили! — криво усмехнулся он.

— Тебя искали среди фолиантов. Это было очень живописно. Ушли буквально несколько минут назад. Так что в ближайшее время, думаю, здесь не появятся. Но стоит ли задерживаться, если в твоём распоряжении потайной ход? Он же должен выводить из дворца?

— Выводит, — невесело усмехнулся принц. — Но мой сводный брат отлично знает все здешние ходы. Так что там уже дежурят. А я решил просто заскочить...и попрощаться.

И он прищурился, озорно, почти по-мальчишески, вот только на дне глаз читалась самая настоящая обречённость.

— Давай без пессимизма. — Я на секунду оглянулась на дверь, ту, что вела в обычный коридор, дабы убедиться, что с этой стороны нам пока ничто не угрожает. — Люди, знаешь ли, даже после тюрьмы живут, я вот тому яркий пример, а тебя пока не посадили.

— О, это не мой случай! — заверил он со смешком.

— Да что произошло, можешь ты мне объяснить?!

Я решила, что раз уж сию секунду побег не состоится, можно потратить хоть капельку времени на информацию.

— Да глупо всё вышло, — поморщился Орвин. — Ансель попросту меня спровоцировал, а я поддался, как последний идиот. Дал ему в челюсть.

— Мальчиш-ш-шка, — прошипел, высунувшись из фляги, Хаш.

— Не груби! — покачала указательным пальцем я.

— Да он прав, — отозвался Орвин.

— И что дальше? — спросила я, хотя в принципе всё уже было более-менее понятно.

— Дальше Ансель призвал свидетелей, дескать, я покушаюсь на жизнь наследника. И понеслось. Отец в отъезде, и «братец» воспользовался моментом.

— Но отец-то в отъезде не навсегда. Он вернётся и всё расставит по своим местам.

— В последнее время мы с ним были на ножах. Причины Ансель не знает, но сам факт заметил. Но, главное, рисковать он не станет. Не оставит шанса «расставить всё по местам». Именно поэтому я уверен, что из тюрьмы не вернусь. А вернее всего, даже туда не попаду. Думаю, меня ждёт несчастный случай. Какой-нибудь солдат превысит свои полномочия, или ещё что-то в этом духе. Виновного, конечно же, накажут. Ансель покается, а королю ничего не останется, кроме как принять новую данность.

Я слушала, отмечала сказанное, но в голове крутилась иная мысль. «Не мальчишка. Уже не мальчишка».

— И вот ещё что. Ты была права, — припечатал под конец Орвин. — Во время одной из первых наших встреч. Когда говорила про систему и избирательное правосудие.

— Обожаю, когда оказываюсь права, — протянула я без малейшего энтузиазма.

Продолжить никому из нас не дали. Со стороны коридора слышались шаги и голоса. Мы обменялись многозначительными взглядами, и принц нырнул в потайной ход. Впрочем, я была уверена, что далеко он не ушёл, остался прислушиваться за дверью. Я же полностью сосредоточила внимание на второй двери.

Постепенно переговаривавшиеся приблизились, и стало реально разобрать слова.

— Мне очень не нравятся те шторы в музыкальном салоне, госпожа Мэнси, — капризно произнёс голос, в котором я, кажется, опознала принцессу Этнею Альбийскую. Не так уж и часто мне доводилось её слышать, и всё же я была почти уверена. — Это безвкусица, которая бросает тень на меня лично. И на всю королевскую семью. Как может управлять государством тот, кто даже в одной-единственной комнате не может навести порядок?

Незнакомая мне госпожа Мэнси попыталась промямлить что-то насчёт прекрасных штор, которые никоим образом не могут опозорить столь великое семейство, но девушка и слушать её не стала.

— Я прошу вас заняться этим немедленно. Пусть шторы снимут сейчас же. И подготовят несколько вариантов, более подходящих к мебели. Только никакой вышивки с изображением рояля! Это ещё более безвкусно. Я потом посмотрю ткани. Надеюсь, за час всё будет готово.

— Конечно. Я всё сделаю. А как же вы, ваше высочество?

— А я зайду пока в библиотеку. Там, кажется, появились новые романы. Вот только не надо меня сопровождать! Выбрать книгу я в состоянии и сама. А у вас есть более насущные дела, если вы ещё не забыли.

— Да, ваше высочество, конечно. С вашего позволения.

Стук каблуков свидетельствовал о том, что бедная фрейлина отправилась выполнять «жизненно важное» поручение.

Я ожидала, что дверь резко распахнётся, но вместо этого её приоткрыли весьма аккуратно, тихонько проскользнули внутрь и очень плотно затворили за собой.

— Магистр Блэр? — понизив голос, обратилась ко мне принцесса. — Я так и знала, что вы здесь. Мне говорили, что в последние дни вы приходите изучать старинные фолианты.

От недавней капризности и высокомерия не осталось и следа. Девушка держалась с достоинством, но выглядела серьёзной и встревоженной, и, пожалуй, казалась старше своих пятнадцати лет.

— Не только старинные, современные меня тоже интересуют, — уточнила я, с интересом рассматривая принцессу и пытаясь разгадать, что именно привело её в библиотеку, а точнее, как теперь становилось ясно, ко мне. — Рада вас приветствовать, ваше высочество.

— Да, я тоже. Нам с вами так и не удалось как следует поговорить после вашего возвращения. Но этот разговор придётся отложить и сейчас. В данный момент есть более срочное дело: мой брат.

— Который? — полюбопытствовала я, склонив голову набок.

Она на миг нахмурилась.

— В некотором смысле оба. Но я имела в виду Орвина. Вы ведь хорошо с ним знакомы, верно?

— Полагаю, что могу так сказать.

Вопрос был несколько спорный, но не вдаваться же сейчас в философию о том, как часто люди знают друг друга по-настоящему.

— Так помогите ему!

Её последние слова прозвучали не в пример громче предыдущих, и это, видимо, позволило Орвину распознать говорящую. Дверца потайного хода распахнулась.

— Этнея? Что ты здесь делаешь?! — напустился на сестру он.

— Тебя спасаю, — огрызнулась та.

И снова повернулась ко мне, будто принца и не было в библиотеке.

— Вы должны ему помочь, госпожа Блэр!

— Так-таки должна? — полюбопытствовала я. Орвин собрался было вмешаться, но я жестом попросила его подождать. — И почему же?

— Потому что вы — единственный человек, который может это сделать, — убеждённо сказала принцесса.

Мне такой аргумент убойным не показался.

— Это накладывает ответственность, — продолжала давить Этнея. — Вы не можете просто от неё отмахнуться.

— Знаете, в том, что касается эльмиррской политики я уже взяла на себя столько ответственности, — фыркнула я, — в том числе и не без помощи вашего отца, что мне на целую жизнь хватит. А может быть, и на несколько.

— Я знаю, вас арестовали по ложному обвинению. Но если бы Орвин был в то время здесь, он бы обязательно вам помог.

Я скептически скосила глаза на принца.

— Вот уж вряд ли! Он бы исключительно порадовался, что преступница получает по заслугам. Да, в общем, и правильно бы сделал. Откуда ему было знать, что дело нечисто?

— Я бы его убедила! — горячо возразила принцесса и, быть может, в первый раз с момента её появления я по-настоящему удивилась.

— Вы? — только и выдохнула я.

— Я была уверена, что вы ни при чём. Я и отца переубедить пыталась. Но с ним тяжело было разговаривать. Он не воспринимал меня всерьёз, что, в общем-то, и понятно: я ведь была ребёнком. Но я ни секунды не верила в вашу виновность.

— Почему?

Я, в самом деле, ничего не понимала. Я и саму-то Этнею того периода помнила с трудом. Ей было около десяти. Да, она жила во дворце, да, я то и дело видела её на церемониях или просто в коридорах, но никогда не обращала на девочку особого внимания. Моя сфера деятельности никак не касалась вопросов наследования, а к остальным делам, требовавшим вмешательства магов, юная принцесса не имела отношения.

— Я за вами наблюдала. Можно сказать, вы были моим кумиром. Правда-правда, — улыбнулась она, видя высшую степень недоверия на моём лице. — Вы были всем, чем мне самой хотелось стать. Молодая, красивая, самостоятельная женщина, которая строит свою жизнь так, как хочет. К тому же ещё и зеркальный маг. Самая мысль, что вы продали государственную тайну ради личного обогащения... Это было глупо. Денег вам и без того хватало. К тому же... Мужчинам просто сложно понять, как женщине тяжело сделать карьеру, пробиться в этой жизни, не по рождению, не благодаря замужеству, а только в силу собственных талантов и упорства. И уж если подобное удаётся, кто станет жертвовать всем ради какой-то дурацкой материальной выгоды?

Она передёрнула плечиком, худым и угловатым, почти детским, и этот жест так сильно диссонировал с смыслом её слов. С глубиной понимания, какую не ожидаешь в таком юном возрасте. Тем более, от принцессы, чья жизнь априори построена иначе, чем наша. Впрочем, много ли выбора предоставляется таким, как она?

— Ладно. Попробую помочь вашему брату. — Перейти сразу к делу было намного легче, чем подбирать слова, отвечая на рассуждения о слишком личном. — В конце концов, не могу же я бросить в беде человека, с которым провела ночь!

Орвин фыркнул, Этнея же как будто проигнорировала неприличный намёк, полностью сосредоточенная на данном мной согласии.

— Вам понадобится зеркало? — с энтузиазмом спросила она.

— Надо подумать.

Я огляделась, заметила хорошо отполированную поверхность металлического крепления, которой чисто теоретически можно было воспользоваться в моих целях. Принцесса тоже обратила внимания на эту часть стеллажа, но я покачала головой.

— Не пойдёт. Так здешним магам будет слишком легко проследить наше перемещение.

Я извлекла из кармана зеркальце, которое всегда носила с собой, и отнюдь не как предмет косметического набора. Но ту же, поджав губы, закинула его обратно.

— Это тоже не годится. По моей вещи слишком многое сумеют вычислить. Нужна вода. Чтобы потом и следов «окна» не осталось.

— С-с-с ума с-с-сош-ш-шла, — прошипел, высунувшись из фляги, Хаш.

Принцесса вздрогнула, хотя не издала ни звука — ещё одно очко в её пользу. Весьма внушительный

для её возраста самоконтроль. Орвин успокаивающе положил руку ей на плечо и неодобрительно уставился на зелёного змия. Тот, впрочем, совершенно не впечатлился.

— Нарываешь-шься, — попенял он мне. Я фыркнула. Как будто я сама этого не знала! — Будет вес-с-село, — совершенно непоследовательно заключил Хаш, прежде чем вновь раствориться в воздухе.

— Нужна вода, — повторила я.

Принцесса, всё ещё смотревшая во все глаза туда, где совсем недавно покачивался зелёный силуэт, моргнула длинными ресницами и переключила своё внимание на меня. Я же искала взглядом бокал, графин или ещё что-нибудь в этом роде. Увы, ничего подобного в библиотеке не обнаружилось. Видимо, здешние зрители предпочли пренебречь удобством читателей, опасаясь за сохранность книг. И тут я вспомнила, что помимо неприкосновенной фляги с портвейном, которая, по сути, и не фляга вовсе, а переносное жилище Хаша, у меня имелась ещё одна, как раз с водой!

Я быстро сняла сосуд с пояса, раскупорила, качнула туда-сюда, прислушиваясь. Впрочем, и по весу можно было понять, что фляга почти пуста.

— Там совсем капля? — догадалась Этнея. — Этого мало. Хотите, я поищу графин где-нибудь поблизости?

— Не будем терять время, — отказалась я, хотя и скрепя сердце.

Сдавать себя всю и сразу не хотелось совершенно. Демонстрировать свои возможности тем, кто когда-нибудь может оказаться по другую сторону баррикад, — не самый умный поступок. Впрочем, устраивать побег обвинённому в покушении на кронпринца — тоже. С железной логикой Хаша не поспоришь. Но что ж поделать, видимо, я просто не уродилась достаточно умным человеком...

И, более не раздумывая, я выплеснула остатки воды на ковёр. Да, ковровое покрытие устилало в библиотеке весь пол, и жидкость должна была бы мгновенно впитаться в ворсистую ткань, не говоря уже о том, что нескольких капель, имевшихся в моём распоряжении, никак не достаточно для перехода в зазеркалье... Но на моей стороне была богатая практика и долгие месяцы тренировок.

Главный фокус — стремительно уцепиться за зыбкое, готовое окончательно исчезнуть отражение. Проникнуть внутрь ментально. И законсервировать. Остановить. Не позволить раствориться. Тут счёт идёт не на секунды — на доли секунд. Но, повторюсь, у меня богатый опыт. В тюрьме я поднатрела в науке осуществлять невозможное.

Махонький кружок воды застыл, словно ему не во что было впитаться. Хорошо. Теперь шла вторая стадия невозможного. Сделать так, чтобы это окошко в зазеркалье стало реально использовать как проход. Постепенно, миллиметр за миллиметром, увеличивать диаметр. Работать всё так же, со стороны подпространства, используя для этого ментальное подключение. Полная сосредоточенность. Ничего иного не существует. Нет реального мира, нет принца и принцессы, напряжённо наблюдающих за каждым моим движением, и уж тем более нет гипотетических звуков из коридора. Если сейчас нас придут арестовывать, я даже об этом не догадаюсь. Потому что успех всего предприятия зависит от того, смогу ли я стопроцентно сконцентрироваться на медленно растущем окошке. Смогу ли действовать так, будто уже нахожусь не в библиотеке, а с обратной стороны зеркального пространства.

Капля жидкости, доля секунды. Вот достаточная база для того, чтобы совершить переход.

Я позволила себе очнуться, лишь когда в окно стало возможно просунуть голову. На ковре красовалась лужа соответствующих размеров.

— Теперь идём, — распорядилась я, протягивая Орвину руку. — Ваше высочество, — на этот раз я обращалась к принцессе, — я постараюсь снова сжать воду до нескольких капель. Вас не затруднит от них избавиться? Промокнуть платком, например. Если не останется предмета, через который мы уйдём в зазеркалье, преследователям будет значительно труднее нас отыскать.

— Хорошо, — кивнула Этнея. — Конечно. Спасибо вам!

— Пока совершенно не за что, — возразила я, затягивая Орвина в зазеркалье.

Не владеющий нужным видом магии человек мог попасть туда только в соприкосновении с такой, как я.

Первым делом принц недоверчиво оглядел свою одежду: ему не верилось, что он сумел выбраться сухим из воды, то есть, не намочить в той луже, через которую мы проникли в подпространство. Пока он убеждался в том, что сапоги, брюки и камзол совершенно сухи, я занялась лужей, которая

с этой стороны выглядела как окно с неровными краями. Легонько двигая руками, я стала постепенно стягивать эти края, уменьшать окружность, возвращать окошко к его первоначальному состоянию — совсем маленькому кружочку, скорее напоминающему глазок в стене.

Отступив и зрительно оценив результат своих трудов, я пришла к выводу, что можно двигаться дальше.

— Пойдём! — позвала я Орвина, теперь озиравшегося по сторонам, что совершенно естественно для человека, впервые оказавшегося по ту сторону зеркальной глади. — Следуй за мной и, главное, не отходи далеко. Новичку здесь легко потеряться.

Сначала мы просто продвигались вперёд, не спускаясь на следующий уровень, но неустанно удаляясь от дворцовых зеркал. Время от времени я проверяла возникающие в стене окна, но лишь для того, чтобы оценить расстояние, отделявшее нас от королевской резиденции. И лишь сочтя, что мы достаточно отделились, начала подыскивать место для выхода.

Многие варианты никуда не годились. Настенное зеркало в каком-то богатом доме. Плохо: такой след не уничтожишь. Зеркало можно разбить, но каждый осколок сам по себе остаётся пусть небольшим, но окошком, и, значит, опытный маг раньше или позже поймёт, где именно мы выбрались в реальность.

Отполированные до блеска ножны. Судя по тому, как подпрыгивает открывающаяся взгляду картина, их обладатель то ли идёт по улице, то ли едет верхом. В любом случае наше внезапное появление вызовет переполох, а этого нам ни в коем случае не нужно.

Капля, падающая, казалось, прямо мне в лицо. Затем изображение подёрнулось рябью, и успокоилось лишь спустя несколько секунд. А вот это, кажется, подойдёт. Я стала осторожно сдвигать доступную взгляду картину, убедилась в том, что в комнате никого нет, и поманила к себе Орвина. Расширила проход, взяла принца за руку — и мы без особого труда выбрались наружу.

Я быстро огляделась: всё же реальность порой существенно отличается от отражения, которое удаётся рассмотреть с зазеркальной стороны. Но в данном случае всё оказалось более-менее верно. Небогатая обстановка, к тому же помещение скорее рабочее, нежели жилое. Пара низких деревянных столов, в данный момент не застеленных и ничем не уставленных, стул, в углу — сундук, сколоченный настолько грубо, что крышка плохо примыкает к стенкам. Занавесок нет, но ставни прикрыты, поэтому в помещении полутемно, тоненькие солнечные лучи с трудом пробиваются через узкие щели. И, конечно же, лужа, в которую изредка капает вода с потолка. Не так давно прошёл дождь, я ещё в библиотеке слышала, как струи били в стекло. А здесь, как видно, прохудилась крыша — и вот результат. Каковой, собственно, и позволил нам выбраться из зазеркалья. Через отражение в скопившейся дождевой воде.

— Мы...вышли отсюда? — не без удивления спросил Орвин, указав на мокрый пол.

Он говорил тихо, почти шёпотом, и правильно делал: на второй этаж вела лестница с узкими, неудобными на вид ступенями, и вполне вероятно, что там как раз и располагались жилые комнаты. А в этих комнатах кто-то мог бодрствовать.

— Да, — кивнула я. — И надо позаботиться о том, чтобы больше никто этого сделать не смог. Нужна ткань, чтобы впитать воду.

Мы дружно огляделись и, увы, не обнаружили ничего подходящего. Возможно, продолжительные поиски и дали бы результат, но время терять не хотелось. Недолго думая, Орвин принялся стаскивать с плеч камзол. Неплохая идея, но...

— Постой, — качнула головой я. — Нам ещё предстоит идти по улице. И вид надо иметь приличный, чтобы на нас не начали коситься прохожие. Иначе запомнят.

Принц внял моим словам, запустил руку в карман и извлёк оттуда носовой платок. Идеально белый, обшитый по периметру кружевами и, вне всяких сомнений, ни разу не использованный по назначению. Я прикинула количество воды в луже. Пока не пойдёт. Слишком много. Платок вымокнет насквозь — и мы получим новую лужу из прежних составляющих. Это не имело смысла.

Приняв решение, я опустилась на колени и, склонившись над жидкостью, принялась пить. Лишь когда оставалось совсем немного (такую малость разве что с пола слизывать), утёрла губы и поднялась на ноги. Между делом поймала взгляд принца, не лишённый брезгливости. Ах, да, конечно, это вам не бокал красного вина у камина. Неэстетично, но уж простите, ваше высочество. В конце концов, всего лишь свежая дождевая вода, ничего криминального. Пивали мы и похуже...

Впрочем, надо отдать Орвину должное: его лицо почти мгновенно приняло невозмутимое выражение, полностью скрыв инстинктивную реакцию.

— Теперь платок, — попросила я и, получив желаемое, вытерла пол насухо.

Новые капли, конечно, продолжают падать с потолка, но это будет уже другая вода. А, значит, никто не сможет воспользоваться тем источником отражения, через который из зазеркалья вышли мы.

Я возвратила влажный платок Орвину.

— Пока его лучше сохранить. Пусть высохнет, а потом уничтожим его. Постараемся сжечь, если представится такая возможность.

Белая ткань, теперь в намного более плачевном состоянии, чем прежде, до поры до времени исчезла в кармане принца.

— Дальше пойдём обычным путём.

Я старалась говорить тихо, коротко и по существу. Мы выиграли время, но сколько именно, я предсказать не рискнула бы. Слишком от многих факторов это зависело. К тому же обитатели второго этажа, если они всё-таки были дома, могли появиться в любую секунду.

— Главное — не привлекать к себе внимания. Просто идут два человека по делам. Возьми. — Я передала Орвину свой плащ. Маловат, конечно, но сойдёт. — Ты можешь вернуть свою рыжую личину? Хорошо. Тогда сделай это, но капюшон тоже накинй. Не так уж мало людей видели тебя во втором образе. Как бы кто-нибудь не припомнил. Другого плаща нет, но ничего, себя я чуть-чуть подправляю.

Я вытащила из сумки маленькое зеркальце, то самое, от использования которого отказалась в библиотеке. После непродолжительной работы черты моего лица изменились, может, не так уж радикально, но достаточно для того, чтобы среднестатистический прохожий не увидел ничего общего между девушкой, смотревшей сейчас из-за стекла, и мной настоящей. Вот так, в личинах, мы вышли из дома и быстро влились в ряды прохожих, шагавших по узкой улице.

Следовало определиться с пунктом назначения. Я уже успела обдумать этот вопрос. Возможно, вариант был неидеален, но ничего лучшего мне в голову пока не пришло. Конечно, у принца есть в столице друзья и знакомые, которые будут готовы предоставить ему убежище. Но офицерам королевской охраны, канцлеру и, вполне вероятно, кронпринцу все эти люди известны поимённо, так что к ним с обыском нагрянут в первую очередь. Ко мне, кстати сказать, в том числе. Оставались мои знакомые. Старые — которым я не доверяла совершенно. И новые, доверять которым у меня пока тоже не было особых оснований... Зато и вычислят их далеко не сразу. И кое-кто из них не слишком лояльно относится к королевской семье. И я, решив рискнуть, окольными путями повела Орвина к аккуратному двухэтажному дому, возле которого была высажена клумба пионов.

В дверь постучалась, предварительно приняв свой естественный облик. Принца же, наоборот, попросила оставаться рыжим, да ещё и отступить покамест в тень... На всякий случай.

Кейл открыл сам, и это оказалось очень кстати. Чем меньше лишних свидетелей, включая прислугу, тем лучше.

— Привет. — Он явно удивился. — Рад тебя видеть! Проходи.

Он посторонился, пропуская меня в дом. Я переступила порог, но не более. Огляделась, удостоверилась в том, что, кроме нас двоих, поблизости никого нет.

— Честно говоря, я по делу. — Затягивать не имело смысла, к тому же мы не знали, надолго ли сумели оторваться от преследования. — Допустим, мне надо было бы укрыть от закона одного человека. Который...ну, положим, не в ладах с королевской властью. Ты бы мог порекомендовать, куда податься?

Сперва Кейл никак не отреагировал, словно его мозг просто не был готов переработать информацию такого рода. Затем брови ректора факультета стихий поползли вверх. Наконец, в довершение метаморфозы, он усмехнулся.

— Почему-то я подозревал, что в рамках закона ты, рано или поздно, не удержишься. Этот человек с тобой?

— Да, — кивнула я на сгущающуюся за крыльцом темноту.

— Проходите. — Он шире распахнул дверь. — И сразу поднимайтесь на второй этаж. Средняя комната из трёх, или левая, где вам будет удобнее. И переждите, пока я отпущу кухарку.

— Спасибо. — Я жестом призвала Орвина. — Ты вполне мог послать нас на все четыре стороны.

Собственно, ещё не поздно.

— Глупости. Я всегда стараюсь помочь своим. — Серьёзный взгляд мне в глаза был призван показать, что Кейл включает меня в этот круг. — К тому же мне элементарным образом любопытно.

Принц подошёл ближе. Капюшон всё ещё скрадывал его лицо, но Кейл, стоявший прямо напротив, имел возможность разглядеть гостя. Я впервые задумалась: а видел ли когда-нибудь мой институтский друг Орвина под личиной? Не факт, но и исключать подобного было нельзя.

— Проходите наверх и подождите меня, — повторил Кейл, на этот раз нам обоим, дождался, пока мы начнём подниматься по удобной лестнице, после чего решительно зашагал на кухню.

— Госпожа Бонхен! — окликнул он, и почти сразу исчез из поля нашего зрения. Мы быстро добрались до второго этажа, и теперь голоса доносились негромко и обрывочно. — Вы можете быть свободны на сегодня. Утром ничего не понадобится... О, нет, вы столько наготовили, что, я уверен, завтра приходить не нужно. Спасибо большое, вы очень талантливы, госпожа Бонхен!

Пока Кейл выпроваживал повариху, мы с Орвином тихонько закрылись в одной из спален.

— Ты настолько ему доверяешь? — шёпотом спросил принц.

Я подошла к окну, осторожно отодвинула гардину, выглянула на улицу. Темнело, фонарщик уже приступил к своей работе. Ничего подозрительного я не заметила.

— Доверяю. Но не настолько. Поэтому будь настороже. В крайнем случае уйдём через зеркало.

Шум шагов и скрипнувшая ступенька заставили нас напрячься, но в комнату вошёл Кейл.

— Я отпустил слуг, — сообщил он. — Еды полно, с постелями справимся сами. Насколько вероятно, что стража нагрянет прямо сюда?

— Надеюсь, не нагрянет, — откликнулась я. — Обещать ничего не могу, но, думаю, мы оторвались. Иначе не пришли бы сюда. Если по-любому тонешь, зачем тащить с собой на дно хорошего человека?

— Она считает меня хорошим человеком, — со смешком поделился с принцем Кейл. — Просто недостаточно меня знает.

— Если глубоко копать, все мы не подарки, — приняла юмористический тон я.

Хозяин дома с интересом вглядывался в лицо Орвина.

— Мы раньше нигде не встречались? — щурясь, спросил он.

— Как минимум, вряд ли вы хорошие знакомые, иначе точно узнали бы друг друга, — завуалированно ответила я и поспешила сменить тему. — Если не возражаешь, было бы здорово умыться с дороги. Ты только покажи, что где находится, а дальше я всё сделаю сама. Не хотелось бы тебя обременять.

— Глупости. Пойдём вместе. Меня это нисколько не обременит.

— Я помогу, — вызвался принц, присоединяясь к нам у порога.

Втроём мы спустились на первый этаж, нагрели воду, а после там же, внизу, поужинали. Кейл не лукавил, выпроваживая повариху: готовила она на славу.

Ели всё больше молча. Перебросились с деканом парой шуточек по поводу института, и разговор сошёл на нет. Не было у нас троих общих тем, особенно учитывая, что личность Орвина мы скрывали. Некоторым образом, это меня тяготило. Не слишком честно было по отношению к Кейлу привести к нему в дом настолько проблемного (по нынешним временам) гостя. Конечно, я постаралась предупредить его об опасности, чтобы он сам мог принять решение, пускать нас к себе или нет. Но одно дело укрывать обычного преступника и совсем другое — королевского пасынка, жизнь которого не стоила в данную минуту и ломаного гроша. Увы, по этой же самой причине я не имела права раскрывать личность своего спутника. Да, я считала Кейла другом, да, у меня были причины ему доверять. Да и чутьё говорило, что он не выдаст, а с некоторых пор у меня развилась весьма неплохая интуиция. И всё же наши отношения не были проверены временем, и это смущало.

— Ты тоже останешься, или уйдёшь к себе? — спросил он, когда мы поднялись на второй этаж по окончании трапезы.

За окнами давно стемнело, и после тяжёлого дня не стоило затягивать с укладыванием. Тем более, никто не знал, что сулит нам завтра.

— Пожалуй, я бы осталась, если не возражаешь, — немного подумав, решила я. — Смогу помочь, если что-то пойдёт не так. А много мне не надо: я привыкла спать как угодно. Могу на коврике.

— На коврике не придётся, — хмыкнул Кейл. — Здесь три спальни, а мне, сама понимаешь, нужна только одна. Если бы я покупал дом, выбрал бы поменьше, но это жильё от института, так что я взял то, что предлагали.

Ни один из них не мог догадаться о сути моей ответной усмешки. Это было забавно. Точно так же рассуждала и я, получив свой временный столичный дом от короля. Мне бы хватило меньшего, но в подобных случаях берёшь то, что дают. Всё-таки у нас много общего с ректором факультета стихий.

Кейл не сразу, но всё-таки нашёл постельное бельё и запасные одеяла. Подушки и без того лежали на всех кроватях для красоты. Меня определили в среднюю спальню, Орвина — в крайнюю слева. Комната хозяина дома соответственно располагалась справа.

Раздеваться я на всякий случай не стала. Мало ли что могло случиться, к тому же вряд ли у Кейла нашлась бы женская ночнушка. Поэтому я ограничилась тем, что сняла пояс и выпустила наружу рубашку, которую обычно заправляла в брюки. Флягу с Хашем поставила на прикроватную тумбочку. Распустила волосы и вполне комфортно устроилась под одеялом.

Чувство комфорта не продлилось долго. Стук в дверь послышался буквально через минуту после того, как я легла, заставив меня резко сесть на кровати и мысленно потянуться к ближайшему зеркалу. Лишь несколько мгновений спустя я запоздало сообразила, что звук раздаётся не со стороны коридора, а из соседней комнаты. Дело в том, что все три спальни соединялись между собой внутренними дверьми.

— Кейл? — тихо спросила я.

Изящно изогнутая ручка медленно повернулась, и в образовавшемся проёме появилось смущённое лицо декана.

— Я только хотел спросить, удобно ли ты устроилась.

— О да, спасибо! — Я осторожно отпустила связь с зеркалом. — Всё прекрасно. Намного лучше, чем я могла рассчитывать. Прости, что мы так внезапно тебя потревожили. Я очень благодарна тебе за помощь. И сделаю всё возможное, чтобы мы не загостились долго. Я отлично понимаю, насколько наше присутствие...проблематично.

— Оставь. Ты отлично знаешь, каких я придерживаюсь взглядов, иначе не пришла бы сюда. И мне это нисколько не в тягость. Скорее наоборот. Честно говоря... Я надеялся, что однажды ты придёшь ко мне в гости и...задержишься. Конечно, я не думал о таких обстоятельствах, но...

Он смущённо улыбнулся, прикрыл глаза, выдохнул, заражая меня собственным чувством неловкости.

— Я тоже...рассматривала такую возможность, — призналась я. — Но сейчас обстоятельства и правда несколько иные.

— Конечно, — поспешил согласиться он, принимая максимально сосредоточенное выражение лица. — Ты абсолютно права. Собственно, я сразу так и сказал... Я только хотел спросить: может, тебе всё-таки что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо, всё в полном порядке, — заверила я, пряча улыбку.

— Тогда...спокойной ночи?

— Спокойной ночи.

Кейл ещё пару секунд помялся на пороге, затем возвратился к себе в комнату.

Я сладко потянулась, устроилась поудобнее. Поглядела на пляшущий огонёк свечи. Надо же, до чего чувствительна сущность этой стихии. Я не ощущала сквозняка, а вот пламя реагировало на малейшее колебание воздуха. Внезапно оно дёрнулось сильнее, чем прежде... И снова послышалось тихое постукивание. На этот раз — с противоположной стороны.

Теперь я быстро сообразила, что источник звука находится не в коридоре, а в одной из соседних комнат, той, что располагалась слева, если смотреть снаружи. Сейчас же, учитывая, как была повернута кровать, дверь приоткрылась справа от меня.

— Йоланда? — тихо позвали оттуда.

— Орвин?

Я приподняла свечу, чтобы рассмотреть его получше.

— Да.

Принц вошёл, прикрыл дверь и прислонился к ней спиной, почти как в библиотеке.

— Почему ты не спишь? — прошептала я.

— Да так... День выдался немного безумный.

— Да уж, это ещё мягко сказано, — хмыкнула я.

— А ты что не спишь?

«Уснёшь тут с вами, пожалуй», — чуть было не ответила я, но предпочла не вдаваться в подробности.

— Задумалась.

— Я хотел сказать тебе спасибо. Ты очень много для меня сегодня сделала.

— Не так уж и много. Из города мы пока не выбрались. И это будет непросто: тебя наверняка сейчас поджидают на каждой тропинке. Но мы что-нибудь придумаем.

— Много, — возразил Орвин. Переступил с ноги на ногу, затем сделал шаг в моём направлении, снова остановился. — Думаю, что, если бы не ты, я был бы уже мёртв. К тому же ты решилась выступить против королевской власти, несмотря на то, что в твоём положении это особенно опасно.

— Не волнуйся, выступать против королевской власти опасно даже с кристально чистым прошлым, — заверила я и от души зевнула, едва успев прикрыть рот ладонью. — К тому же я поступила так по просьбе юной леди, которая вполне может оказаться будущей королевой.

— Да, этой юной леди не занимать настойчивости, — невольно улыбнулся Орвин. — Но она пока слишком молода для игр с такими крупными ставками.

— Ты, наверное, прав. Обсудим это завтра, хорошо? — Я снова зевнула. — Спокойной ночи!

— Конечно, — согласился принц, но уходить не спешил. Всё смотрел на меня как-то странно. — Спокойной ночи! — проговорил он наконец и быстро, словно от чего-то бежал, покинул мою спальню.

Хмыкнув, я нырнула под одеяло. Свечу решила пока не гасить. В конце концов, вряд ли в доме стихийного мага огонь в дефиците.

Правильно сделала, что не погасила. Потому что не прошло и трёх минут (я едва-едва начала задрёмывать), как в дверь снова постучали. На сей раз со стороны Кейла.

— Да-да? — тоном заправского секретаря спросила я, приподнимаясь на локте и вынужденно признавая, что мои шансы на здоровый сон в эту ночь стремятся к нулю.

— Йоланда, я на минутку. — Хозяин дома аккуратно просочился в узкую щель и остановился, сцепив пальцы. — Я тут хотел тебе сказать... В общем, то, что я наболтал несколько минут назад... Забудь об этом, хорошо? Я не хотел тебя обидеть, и, наверное, говорить такое, когда ты — гостья в моём доме, неуместно.

— Ты несколько меня не обидел.

— Да? — Его глаза засветились искренней радостью. — А ты случайно не хочешь чего-нибудь выпить?

— Спасибо. В другой раз — с удовольствием. Но сейчас, учитывая обстоятельства, мне лучше сохранять трезвый рассудок.

— Да, верно, — торопливо согласился Кейл, но выглядел он расстроено. — Я об этом не подумал. Скажи, а твой спутник — ты вполне ему доверяешь?

— Да, ему можно доверять.

Я инстинктивно потерела пуговицу на рубашке, но заметила, как пристально Кейл следит за этим процессом (тоже, видимо, в силу инстинктов), и опустила руку.

— Думаю, здоровый сон всё расставит по своим местам, — бодро завершила я.

— М-да. Наверное, — вынужденно согласился мужчина. — Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Оставшись одна, я не стала удобно укладываться, вместо этого перевернулась на другой бок, вновь подпёрла щеку локтем и стала ждать. Не прогадала. Полагаю, прошло минуты две.

— Йоланда! — Орвин тихонько, аки тать в ночи, прокрался в мою спальню. — Я тут подумал: этот профессор, хозяин дома... Насколько он всё-таки надёжен? Понимаю, он нам помог, в первую очередь — мне, и, наверное, неправильно с моей стороны так говорить, но что-то меня в нём смущает. Никак не пойму, что именно.

И он задумчиво уставился прямо в вырез моей рубашки.

— Вот завтра как раз во всём и разберёшься! — Я с трудом удержала себя от желания прикрыться одеялом. Ещё не хватало жертвовать собственным удобствам из-за мужчин, которым, по-хорошему, в этой комнате не место! — Знаешь, в народе говорят: «Утро вечера мудренее».

— Да, ты, наверное, права. — Взгляд его пробежался по моей руке, обнажившейся до локтя из-за задравшегося рукава. — Всё правильно. Да.

— До завтра? — подсказала я.

— Угу. До завтра.

Когда за принцем закрылась дверь, я первым делом зарылась головой в подушку. Потом решительно встала. Затушила свечу. Практически наощупь добралась до зеркала, приложила руки к стеклу (трудно работать без зрительного контакта). Добралась через подпространство до гостиной на первом этаже. Свернулась на диване калачиком, укрылась пледом и с наслаждением погрузилась в сон.

Мужчины мне впоследствии претензий не предъявляли, но судя по практически идентичным шишкам, они всё-таки столкнулись лбами в кромешной темноте где-то неподалёку от моей кровати.

Глава 13. Порядок в доме

Когда я проснулась, солнце уже поднялось, и птицы вдохновенно пели (а по мне, так орали), устроившись на ветвях росшего за окном клёна. Судя по всему, час был ранний, но я чувствовала себя выспавшейся. Быстренько вылезла из-под пледа, привела одежду в порядок, заскочила через зеркало в свою комнату и забрала остававшиеся там вещи. Нацарапала короткую записку о том, что ухожу по срочным делам и вернусь, едва их закончу. Напоследок заглянула в комнаты мужчин, чтобы убедиться, что за ночь в доме не случилось ничего плохого. Оба ещё спали и вид имели весьма безмятежный. По окончании зеркального обхода территории я вернулась в реальность на первом этаже и обычным способом вышла на улицу.

Завершив самые срочные дела спустя пару часов, я зашла к себе домой. Следовало переодеться, прихватить кое-какие вещи и хорошенько всё обдумать в спокойной обстановке. Из кухни доносились вкусные запахи: повариха, привыкшая к моим регулярным появлениям и исчезновениям, преспокойно занималась своим делом. Я поднялась наверх, умылась тёплой водой, переоделась и спустилась в том благодушном состоянии, которое мы волей-неволей испытываем после этих процедур.

Я успела перехватить пару булочек в подвернувшейся по дороге пекарне, так что есть теперь не хотелось. Глотнув свежего яблочного сока, я устроилась на небольшом диванчике, скрестив ноги, и собиралась как следует проработать в уме план дальнейших действий, когда в дверь постучали. Совсем не так, как этой ночью. Громко, настойчиво, требовательно. Так, что аж мебель завибрировала, отзываясь.

Я думала, они не дождутся ответа и попросту снесут дверь, но нет, я всё же успела её отпереть.

В дом вошёл, ни больше ни меньше, его высочество Ансель собственной персоной. Разумеется, не один, а в сопровождении многочисленных стражников, которые поспешили рассредоточиться по комнате. Я наблюдала за процессом с высоко поднятыми бровями.

— Добрый день, ваше высочество!

Проявлять излишнюю теплоту, утверждая, будто я страсть как рада его видеть, не стоило. Я никогда не повела бы себя так в обычных обстоятельствах, и кронпринц отлично это знал. Зачем же вызывать его подозрения нестандартными поступками?

Впрочем, он и так смерил меня взглядом инквизитора, перед которым предстала убеждённая еретичка.

— Где мой сводный брат?

Этот вопрос, заданный сквозь зубы, заменил приветствие. Однако меня трудно было расстроить невежливостью.

— Не имею ни малейшего представления. Неужели он пропал?

На лице Анселя заплескали желваки.

— Обыскать! — приказал он своим подчинённым.

И, пока те рыскали по дому самым бесцеремонным образом, продолжил разговор:

— Я не верю ни единому твоему слову. Ты прекрасно знаешь, что Орвин — государственный преступник, и что он бежал от правосудия. И помогла ему бежать именно ты.

— Я? — До сих пор мне ни разу не доводилось так красиво хлопать ресницами. — Почему вы так решили?

В голове стремительно прокручивались варианты. Нас всё-таки сумели выследить? Маловероятно. В этом случае младший принц был бы уже под стражей, а старший не притаился бы сюда. Прислал бы солдат для ареста, а может, и не вовсе стал бы напрягаться: в сущности, я-то ему не нужна, по-настоящему его интересует только Орвин. Есть другой вариант: о деталях побега рассказала сестрица. Если так, то на дом Кейла пока не вышли, но дело всё равно обстоит не слишком хорошо: свидетельство её высочества не оспоришь, это само по себе государственное преступление. Впрочем, не исключено, что девушка ни при чём. Кронпринц и его сторонники могли просто сложить два и два: Орвин бесследно исчез из дворца именно в тот день, когда там находилась я. При этом моего собственного ухода тоже, по понятным причинам, никто не видел.

— Не пытайся меня обмануть, — угрожающе произнёс Ансель, не вдаваясь в интересовавшие меня объяснения.

— Я всего лишь отдыхала у себя дома, — примирительно откликнулась я. И тут же добавила, оценив творившийся кругом разгром: — Его величество ведь будет так добр, чтобы прислать сюда нескольких слуг? Кто-то должен будет восстановить здесь порядок. Не самой же мне этим заниматься, верно?

— Его величество в отъезде, — процедил сквозь зубы кронпринц.

— В самом деле? Очень жаль.

Надеюсь, моё удивление вышло убедительным.

— Где ты провела эту ночь?

А вот это был нехороший вопрос. Но уж если врать, то вдохновенно, поэтому...

— Спала в комнате наверху.

— Одна?

— С книжкой.

Ансель глядел коршуном, но я выдержала этот взгляд.

— Лжёшь. За домом следили. Ты вернулась совсем недавно. Поэтому я повторяю свой вопрос. Где и с кем ты провела ночь?

— Со мной.

В царившем кругом бедламе, поглощённая разговором, я даже не заметила, как в гостиной появился Кейл. Обнаружила его присутствие лишь теперь, когда он встал рядом и положил руку мне на плечо.

— Магистр Блэр провела ночь со мной, — чётко повторил он, глядя в глаза Анселю. — По понятным причинам она не захотела в этом признаться, но, полагаю, с учётом обстоятельств это было ошибкой.

Я попыталась изобразить смущение, хотя не уверена, что успешно. С другой стороны, Кейл прижал меня к себе настолько по-хозяйски, что, кажется, заставил принца по меньшей мере засомневаться в моей преступной сущности.

— Вы можете это доказать? — жёстко спросил он у декана.

— В общем-то, можем, — медленно кивнул тут. — Но... прямо здесь и сейчас?

Один из стражников, закончивших заниматься обыском, хохотнул в голос, за что получил гневный взгляд его высочества. Впрочем, этот взгляд вскоре переключался на Кейла. Я почувствовала, как тот напряг мышцы. Дыхание участилось: прямое противостояние с кронпринцем давалось ему нелегко, да и кому, хотела бы я знать, было бы просто на его месте? Однако же Кейл держался с достоинством и глаз не отвёл.

По лестнице с топотом спустились несколько солдат.

— Никого не обнаружили, ваше высочество, — доложил один из них.

— Вещи? — лаконично спросил Ансель.

— Мужских вещей не нашли, — последовал ответ.

— Надеюсь, вы хорошо искали, — пробурчал кронпринц.

— Ваше высочество! — В распахнутую дверь ворвался очередной человек в форме. Определённо мой дом превращался не только в свалку, но ещё и в проходной двор. — Подозреваемого видели в южной части города! У нас два свидетеля.

— Отличная работа. Иду.

Настроение Анселя заметно повысилось. Он снова повернулся к Кейлу.

— А я-то подумал на балу, что тебя заинтересовала моя сестра, — насмешливо заметил кронпринц. — Станный выбор. Фаворит принцессы, да ещё и первый, — это серьёзные привилегии. Зря, зря...

Он быстрым шагом пересёк гостиную и, наконец-то, оставил мой дом. А вместе с ним убралась и вся

ватага — вернее, простите, служители правопорядка.

Из кухни доносились нецензурные восклицания поварихи: не иначе, солдаты и там как следует пошуровали, самоотверженно разыскивая преступника в мешке с мукой и банках со специями. Но самым возмущённым в доме, к моему удивлению, оказался Кейл.

— Ей же всего пятнадцать лет! — шокированно выдохнул он; лицо от гнева пошло красными пятнами. — Да как он посмел! Да ведь это же... Да моя дочь могла быть всего на год младше!

Последние слова он произносил всё тише и тише, перейдя под конец почти на шёпот.

— У тебя дочь? — изумилась я.

Отчего-то это явилось такой неожиданностью, что я оказалась недостаточно внимательна к общему смыслу сказанного.

— Была, — мрачно ответил Кейл.

Будто окатил комнату ледяной водой.

— И дочь, и жена, — добавил он, глядя в сторону, с тем напускным спокойствием, которым нередко прикрывают внутренний трагизм.

— Что с ними случилось? — осторожно спросила я.

С некоторых пор во мне нелегко было вызвать растроганность или сострадание, но слова декана произвели сильное впечатление.

Он сделал глубокий вдох, глядя в одну точку, и я засомневалась, правильно ли поступила, задав свой вопрос. Наверное, из некоторых деликатных ситуаций просто нет идеального выхода. Спросить — значит лезть в душу. Но и не спросить — значит проявить безразличие там, где оно недопустимо. К тому же мне было не всё равно. И именно поэтому я не промолчала и не попыталась потихонечку уйти от темы.

— Тиф, — просто ответил Кейл. — Сыпной тиф. Может быть, ты помнишь, семь лет назад вспыхнула эпидемия.

Конечно, не слышать о таком было нельзя. Правда, основной удар болезнь нанесла по нашим южным соседям, но и некоторым приграничным графствам тоже досталось. Люди гибли тысячами, и даже самые лучшие маги-лекари могли спасти лишь немногих. Повезло ещё, что распространение болезни сумели остановить: она не вышла за пределы вовремя перекрытых южных районов. В противном случае Эльмирра бы сохранила не более трети своего населения.

— Да, — тихо сказала я. — А ты? Как ты выжил? Сработал иммунитет?

У магов иммунная система была сильнее. Порой это спасало даже от самых тяжёлых болезней и ранений. Не всегда. О нет, далеко не всегда. Но...случалось. Впрочем, как оказалось, у Кейла всё вышло иначе.

— Нет. Меня просто не было рядом. Они уехали на юг отдыхать. К матери жены. А когда я приехал за ними, было уже поздно.

Он сказал: дочери сейчас могло бы быть четырнадцать. Значит, сколько было тогда? Семь?

Я осторожно коснулась пальцами плеча Кейла. Он продолжал смотреть в пол.

— Не знала, что у тебя такое прошлое. Это, пожалуй, хуже, чем у меня.

Он поднял взгляд, слегка затуманенный, хотя слёз не было, и слабо улыбнулся.

— Я не знаю. — Он уже привычно, неуверенно пожал плечами. — Не представляю себе, как сравнивать такие вещи.

— Всё просто, — откликнулась я, опуская руку и глядя в сторону. — Тебе некого винить.

Необходимо было проверить, как обстоят дела у Орвина, и мы, не мешкая, двинулись в путь. Я надеялась, что обыскивать дом Кейла пока не станут, ведь младшего принца «видели» в совсем другой части города. Это, конечно, была моя работа. Простенькое заклинание, наложенное через первый уровень глубин на случайного прохожего. Продлилось его действие недолго, около часа, но этого было достаточно, чтобы пара-тройка случайных прохожих могли теперь засвидетельствовать,

что лично видели на улице Орвина дель Фронси.

К дому Кейла отправились пешком. Наверняка за моим жилищем велась слежка, но ведь такой маршрут никого не удивит. Вот если бы мы бесследно исчезли, воспользовавшись зеркалом, это вызвало бы ненужные подозрения. Тем не менее, когда впереди замаячила знакомая черепичная крыша, мы разделились. Точнее, Кейл просто продолжил путь, я же двинулась в сторону, одновременно запуская руку в сумку и нащупывая зеркальце. А, скрывшись от посторонних глаз между очередным забором и широким древесным стволом, ушла в подпространство. Таким образом, мы продвигались двумя разными дорогами, и, если бы один попал в ловушку, у другого оставались неплохие шансы благополучно добраться до места.

Не встретив преград, я оказалась в доме первой, причём вышла из зазеркалья напрямик в одной из спален второго этажа. Перетащила в коридор стул, залезла на него и несколько раз стукнула в потолок. Затем соскочила на пол и стала ждать.

Чердачное окошко, совершенно незаметное на первый взгляд, приоткрылось, и я увидела лицо Орвина, который, в свою очередь, подслеповато вглядывался в коридор: освещение наверху было слабым. Узнав меня, он на секунду исчез из виду, чтобы затем вновь появиться в проёме.

— Хорошо, что ты вернулась, — сказал он, спрыгнув вниз.

Отряхнулся. Пыли наверху, видать, скопилось порядочно.

— Как ты узнала, где я скрываюсь?

— Кейл предупредил, что ты в потайной комнате.

— И ты так сразу её нашла?

— Ну, во-первых, он объяснил в двух словах. А во-вторых, не забывай, чей это раньше был дом.

— Профессора Дэггарта. — На память и внимательность к деталям Орвин не жаловался. — Вы тесно общались?

Взгляд принца стал напряжённым.

— Он был моим научным руководителем. Со временем мы стали хорошими друзьями. Так что я здесь бывала, и про тайник под крышей знала.

— И именно поэтому привела меня сюда?

— Отчасти.

С первого этажа раздался щелчок отпираемого замка.

— Это Кейл, — поспешила объяснить я. — Учти: теперь он знает, кто ты такой. Так что можешь пока снять маскаррад.

До сих пор Орвин продолжал скрываться под своей рыжей личиной.

— Откуда он узнал?

— Не моя инициатива. Так сложились обстоятельства. Твой братец заявился ко мне домой с претензиями. Посреди этого веселья пришёл Кейл. Зато теперь мы точно знаем, что можем ему доверять. Он имел возможность сдать тебя с потрохами, но вместо этого помог.

— Всё в порядке? — окликнул нас хозяин дома, как раз поднимающийся по лестнице.

— Да, всё чисто! — тут же отозвалась я. — А как добрался ты?

— Без приключений.

Кейл преодолел последние ступени и шагнул в коридор. Орвин, лишь немного помешкав, задействовал артефакт, снимая личину.

— Ваше присутствие — честь для меня, ваше высочество, — склонил голову декан. Впрочем, без лишнего пиетета.

— Скорее большая опасность, — возразил принц. — И я благодарен вам за помощь.

— Прости, что сразу не сказала всё, как есть, — добавила я. Если эти двое говорят такие красивые слова, как же я могу остаться в стороне? — Я должна была тебя предупредить, но и права такого не имела.

— Я всё отлично понимаю, — отмахнулся Кейл.

— А как ты вообще оказался у меня дома? — запоздало спросила я.

Почему-то по дороге сюда я даже не подумала об этой странности.

— Мы забеспокоились, когда выяснилось, что ты ушла, — ответил за него Орвин. — И магистр Грант решил тебя поискать.

— Можно просто Кейл, — вмешался тот. — На всякий случай я предложил его высочеству (точнее, тогда я не знал, кто передо мной, но дело сейчас не в этом) переждать наверху. Повезло, что в доме есть надёжное укрытие. А сам первым делом направился к тебе — и не прогадал.

— Про «не прогадал» — спорный вопрос, — скептически хмыкнула я. — Хотя если ты шёл за острыми ощущениями, то получил по полной. Было бы лучше, конечно, тебя не впутывать. Но я благодарна тебе за поддержку.

При всей своей циничности я не могла не признать, что Кейл поступил благородно, самоотверженно и...красиво.

Орвин заметил мою тёплую улыбку, и, кажется, она ему не понравилась. Однако принц промолчал.

— Надо решить, как быть дальше, — поспешила продолжить я, не давая Кейлу возразить, что на его месте так поступил бы каждый, или что-нибудь ещё в этом роде. Признаться, благодарственные речи, заверения во взаимном уважении и прочие расшаркивания заставляют меня здорово напрячься. Даже когда всё это делается от чистого сердца. Есть вещи, которые лучше чувствовать, а не обсуждать. — По-хорошему, тебе, Орвин, лучше бы исчезнуть из города как можно быстрее. Я подбросила охотникам ложный след, и пока они клюнули, но долго это не продлится. В итоге поиски ни к чему не приведут, и тогда Ансель снова вспомнит про меня — и про Кейла.

Говоря о стражах, я невольно употребила слово «охотники», которое обычно приберегала для другого человека — того, чьи поступки вынудили Эдбальда обратиться ко мне за помощью. Это вызвало чувство диссонанса, каковое, по-видимому, разделял и Орвин — если судить по быстрому взгляду, которым он мазнул по моему лицу.

— Ваша безопасность тоже под угрозой, — озабоченно напомнил он. — Но при всём этом — можем ли мы позволить себе покинуть столицу? Мы ведь не закончили дело, а оно слишком важно. Важнее наших жизней.

Он попытался при помощи взглядов договорить то, что не мог произнести вслух при Кейле.

— Это моё дело, — возразила я. — Тебе участвовать необязательно. А мне в столице не так уж и опасно.

— Ты не знаешь моего братца.

— Не знаю, но догадываюсь. Я неплохо умею додумывать — в том, что касается мерзости человеческой натуры. Но я готова рискнуть.

— Рисковать — не женское дело! — неожиданно жёстко отрезал Орвин.

Я закатила глаза к потолку. Крышка люка по-прежнему была приоткрыта. Недолго думая, я влезла на стул и захлопнула её.

— Я не женщина, — сообщила я собеседникам, глядя на них сверху вниз. — Я — зеркальный маг и немножко государственный преступник.

— Что за ерунда?! — воскликнули мужчины практически хором.

Видя столь редкое для этих двоих единодушие, я снова закатила глаза, а затем спустилась со стула.

— Я никуда не уеду до тех пор, пока мы не найдём... — принц осёкся, скосил глаза на Кейла и закончил фразу несколько иначе, чем собирался изначально: — ...то, что ищем.

— Это важно, не спорю. Но осталось всего три...вещи, и я смогу закончить сама.

— Думаю, я догадываюсь, о чём вы говорите, — вмешался Кейл. — Так что можете не тратить силы на игру словами. — Тут в его голосе, пожалуй, прозвучал некий намёк на обиду. — Речь ведь идёт об артефактах, ключах от магического зеркала, верно?

Мы с Орвином дружно повернули головы и не моргая уставились на декана, принц — подозрительно, я — скорее удивлённо.

— Откуда вам об этом известно? — нахмурился Орвин.

— Логическое мышление, — пожал плечами Кейл. — Непоследнее качество в научной работе. Я, конечно, не зеркальщик, но за новостями слежу. Знаю, что вы вдвоём расследовали смерть архиепископа. Понимаю, что вы не случайно появились в институте. К тому же прости, Йоланда, но нетрудно было понять: ты не пошла бы преподавать у нас ради собственного удовольствия. Хотя, мне кажется, ты стала постепенно втягиваться... Но речь не об этом. Я догадывался, что тебя интересует, но не хотел лезть не в своё дело. Однако раз уж сейчас об этом всё равно зашёл разговор... Не знаю, важно это или нет, но, думаю, я должен рассказать.

— Что? — моментально оживилась я.

Поразмыслить о недостатках нашей конспирации можно и позже. Если живы останемся.

— Ты ведь спрашивала про профессора Дэггарта. Я не был слишком близко с ним знаком, и, ясное дело, он не рассказывал мне, кому передал ключ. Но незадолго до своей смерти он уезжал из столицы. Куда именно, неизвестно. Посреди семестра так просто всё не бросают, если, конечно, речь не идёт о научной конференции. Но никаких конференций по теории магии тогда не было.

— И это никого не удивило? — поинтересовался Орвин.

— Удивило немного. Но он же был ректором, то есть сам себе начальство. Так что претензий никто не предъявлял. К тому же на том этапе мы уже знали, что он болен. Поэтому предположили, что он поехал с кем-то попрощаться или закончить личные дела. Собственно, я до сих пор думаю, что так оно и было, но, может быть, он разбирался именно с ключом?

— Но ключ должен был остаться в стенах института, — напомнил принц.

Кейл лишь пожал плечами.

— Не знаю, что сказать. Возможно, я ошибаюсь, и это путешествие не имело никакого отношения к артефактам. Но это было нетипично для профессора — уехать вот так, внезапно, без каких-либо объяснений.

— А кто-нибудь знает, куда он ездил? — спросила я.

— Нет, — покачал головой Кейл. — Не думаю. Хотя...не исключено, конечно, что кто-то знает, но молчит. Но я не имею представления, кто бы это мог быть.

— Нынешний ректор? — предположил Орвин.

— Вряд ли, — протянул Кейл. — Не было между ними таких уж близких отношений. Сотрудничали нормально, но не более. А вот по поводу места... Один коллега с моего факультета жил в ту пору совсем недалеко отсюда, и вроде как видел Дэггарта, когда тот возвращался из поездки. Говорит, плащ у него был весь в дорожной пыли, и сапоги в песке. Именно в песке, не в грязи, как в наших краях после дождя. Мир в институте маленький, разговоры ходят. — Он виновато приподнял и опустил плечи. — Но это просто разговоры. Никто за ректором не шпионил, и лезть в его жизнь не пытался, так что...

— В песке, говоришь? — перебил Орвин. Только смотрел он при этом не на Кейла, а на меня. — Плащ в дорожной пыли?

— Да, а что в этом такого? — начал было декан, но принц его даже не услышал.

Он надвигался на меня, обличительно вытянув вперёд указательный палец.

Я изобразила максимально невинное выражение лица, на какое была способна, но это не произвело на Орвина ни малейшего впечатления.

— Ты приводишь меня сюда, потому что знаешь: сразу уходить из города опасно, — принялся развивать свою мысль принц, глядя на меня с нехорошим прищуром обвинителя. — Пока стража стоит на ушах, лучше переждать здесь, в столице. Скорее всего, у тебя самой имеется такой опыт. Далее, ты выбираешь именно этот дом. Ты бывала здесь прежде, у ректора Дэггарта. Больше того, — он сделал ещё один шаг вперёд, — ты знаешь о тайном укрытии. Откуда? С какой стати научный руководитель стал бы посвящать в такие подробности студентку, пусть даже она пришла к нему с визитом? А я скажу, с какой стати. После побега из тюрьмы ты скрывалась именно здесь. Это Дэггарт прятал тебя от властей.

Я больше не изображала невинность. Наоборот, по мере того, как Орвин говорил, я всё выше поднимала голову, а на губах расцветала кривая вызывающая ухмылка.

— Потом ты бежала далеко отсюда, — продолжал Орвин. — Но связь с профессором каким-то

образом поддерживала. Скорее всего, магически: как-никак вы оба специалисты по зеркалам. И там, где ты жила, очень-много-песка. — Последние три слова он выговорил особенно чётко. — Мои сапоги тоже долго не удавалось до конца отчистить.

— А я-то думала, принцы и ведать не ведают о таких мелочах, — проворковала я, но Орвин не позволил отвлечь себя от главного.

— Это к тебе Дэггарт ездил незадолго до своей смерти. — Принц говорил, будто вколачивал гвозди в основание виселицы. — Ты и есть хранительница институтского ключа! Ты всё это время водила нас за нос. Пришла со мной в институт, устроила там показательное выступление, даже поступила на работу — зачем? Ради того, чтобы поморочить мне голову?

— Что поделать, если это было так легко? — порочно прищурилась я.

Орвин резко выдохнул и неверяще покачал головой, скривив губы в тоскливой усмешке.

— Стоп-стоп-стоп! — Кейл встал между нами, покачивая ладонями из стороны в сторону. — Вы сами говорили: хранителем ключа может быть только человек из института. А Йоланда не имела тогда к институту никакого отношения. Да, выпускница, но это не в счёт. Уже не студентка, ещё не преподавательница.

— Дэггарт об этом позаботился, — возразила я. — Он был очень предусмотрительным человеком. И очень умным. Перед отъездом из столицы он зарегистрировал меня в институте как «заместителя лектора на случай непредвиденных обстоятельств». Такая должность предусмотрена штатным расписанием, хотя обычно о ней даже не вспоминают. Если лектор не может преподавать, его либо заменяет коллега, либо занятие попросту отменяют. Регулярного жалованья этот специфический пост не подразумевает. Так что никто даже не знал о наличии моего имени в списках. Но формальности были соблюдены. Как работник института и зеркальный маг я имела право унаследовать артефакт.

Я взялась за цепочку, одновременно делая её видимой для окружающих, и вытащила из-под рубашки старомодного вида ключ — точно такой же, как был украден из сокровищницы архиепископа.

Кейл нахмурился, разглядывая мой «кулон» со смесью интереса и недоверия. Орвин отшатнулся.

— А ведь ты как-то упоминала, что именно один из хранителей может оказаться Охотником, — хрипло проговорил он.

— До чего занятно, что всё это пришло тебе в голову только сейчас, верно? — подхватила я. — Разве же не логично было подумать об этом с самого начала? Вы знали, что обратились за помощью к сильному зеркальному магу. — Настала моя очередь шагнуть вперёд, заставляя принца отступить. — Знали, что маг эмоционально нестабилен — ведь это твои собственные слова! Маг неуравновешен, озлоблен и жаждет мести. Маг ненавидит лично Эдбальда, всю королевскую династию, Эльмирру, да и от человечества в целом не в восторге. И — что немаловажно — магу нечего терять. Так о чём же вы думали, выкладывая мне свои тайны и нанимая на службу? В придачу ещё и заявили со смехотворными предложениями денег, высокой должности, виллы у моря? Да если бы я колебалась, уничтожить Эльмирру или нет, эти предложения послужили бы последней каплей! Вы решили, что раз шпионы ничего подозрительного не засекли, значит, я ни при чём? Да если я по-настоящему захочу, что угодно смогу повернуть так, что даже ваши маги не заметят!

Я отпустила ключ, и теперь он покачивался, каждый раз ударяя меня чуть выше грудной клетки. Орвин тяжело дышал, на его лице был написан не столько даже страх, сколько горечь. Кейл уже не стоял между нами, он застыл, прислонившись спиной к стене узкого коридора.

— Ладно. — Я тряхнула головой. — Довольно заигрываний. Я — хранительница ключа, это правда. Дэггарт передал его мне, потому что не доверял в должной мере никому из институтских зеркальщиков. Моя задача — хранить не только артефакт, но и тайну. Так я и поступала, и явление Эдбальда — не повод что-то менять. Ты, Орвин дель Фронси, тоже так и не открыл мне, кто из членов королевской семьи носит другой ключ. Может быть, сделаешь это сейчас?

Орвин молчал, не в последнюю очередь из-за присутствия Кейла. Но именно молчания я и добивалась. Я хотела, чтобы он ощутил на собственной шкуре, что секретами не разбрасываются, даже при тех, с кем делаешь одно общее дело, даже при друзьях.

— Что до всего остального, тут ты ошибся, — продолжила я. — Приятно изображать из себя Охотника: как ни крути, он — величайший из современных магов. Но, увы, мне даже в голову не пришло то, что он сейчас проворачивает с таким успехом. Так что жизнь поставила нас с ним по разные стороны баррикад. Теперь мой единственный шанс проявить себя — это пойти наперекор его планам. Посмотрим, что из этого получится.

Громкий стук в дверь (или он лишь показался громким?) застал нас врасплох. Сосредоточившись на моих тайных ролях, мы совершенно забыли о наиболее насущной проблеме — безопасности Орвина. Теперь о ней вспомнили все. С нашего молчаливого согласия Кейл отправился вниз, открывать. Мы с принцем затаились на втором этаже. Я мысленно потянулась к зеркалу, висевшему наискосок от парадной двери, как раз вовремя, чтобы увидеть молодого, прилично одетого человека, которого хозяин дома держал пока на пороге.

— Здесь находится магистр Йоланда Блэр? — официальным тоном осведомился вновь прибывший.

— Магистра Йоланды Блэр здесь нет, — откликнулся Кейл с сарказмом, заметным, возможно, только мне (дескать, попробуйте доказать обратное).

— Его величество предполагал, что вы именно так и ответите. В таком случае он просил вручить вам это послание. — Молодой человек протянул декану конверт с крупной, привлекающей внимание печатью. — Будьте любезны, передайте его магистру, если она здесь появится.

Он развернулся на каблуках и удалился, не прощаясь.

Я долго и критично рассматривала письмо: как-никак уже получала не так давно «послание от его величества». Однако увиденное меня удовлетворило, и я сломала сургуч. Это была не единственная защита: письмо охранялось при помощи магии на крови. Крошечной капельки моей крови хватило, чтобы на листе проявился текст. Он был краток и не допускал двойственной трактовки. Король приказывал мне незамедлительно прибыть к нему на встречу, каковая, что интересно, должна была состояться в моём собственном доме.

Что ж, встреча, так встреча. Я, признаться, не терплю подвешенного состояния.

На небольшое расстояние можно переместиться и зеркалами. Поэтому я добралась меньше, чем за десять минут, даже не успев как следует обдумать все навязанные письмом вопросы: например, как король, пребывавший в отъезде, внезапно оказался в столице?

Эдбальд весьма комфортно расположился в кресле, которое заблаговременно развернули так, что оно стояло непосредственно напротив зеркала. Его величество знал, откуда я появлюсь, и желал продемонстрировать мне мою же предсказуемость. Вокруг царила идеальная чистота. Все вещи аккуратно стояли на своих местах. Можно было подумать, что мне привиделся разгром, совсем недавно учинённый здесь солдатами принца. Но я успела заметить последнюю из служанок, выскользнувшую из комнаты по мановению королевской руки.

— Здравствуйте, ваше величество. — Как следует осмотревшись, я ступила из зеркала на каменный пол. — Я вижу, в доме навели порядок!

— Я всегда навожу порядок там, где появляюсь, — резким тоном ответил монарх.

— Чем обязана честью видеть вас у себя в гостях?

Хмуря густые брови, Эдбальд устремил на меня требовательный взгляд.

— Где мой сын?

— Которого из них вы имеете в виду? Старшего или —?

Я слегка опустила раскрытую пятерню, намекая таким образом на того, что поменьше, точнее сказать, помладше.

— Местонахождение Ансея мне отлично известно. — Королю явно не понравился мой вопрос. — Где Орвин?

— Не имею ни малейшего представления, ваше величество.

— Лжёшь своему королю? — прищурился он.

— Я?!

Эдбальд, похоже, ожидал, что я по меньшей мере опущу взгляд, но тщетно: такую мелочь, как ложь, я давно уже не почитала за грех.

— Ваше величество, принц Орвин действительно долгое время ходил за мной по пятам, и это, признаюсь, немало меня раздражало. С недавних пор он, к счастью, перестал так поступать, поэтому теперь я далеко не всегда знаю, где он находится.

Король сжал губы в тонкую линию, сложил руки на груди и, не иначе, решил поиграть со мной в молчанку.

— Любопытно, — проговорил он наконец. — Почему ты так отчаянно защищаешь Орвина? Понимаю, он твой любовник, но, в конце-то концов, наверняка не первый и не последний. К тому же тебе действительно не нравилось постоянное сопровождение. Казалось бы, вот она, возможность отделаться от него навсегда. Так нет, ты из кожи вон лезешь, чтобы ему помочь. Причины?

Скажу откровенно: я оскорбилась до глубины души. Не из-за намёка на мою не девственную сущность: эта тема задела бы меня в последнюю очередь. Но утверждать, будто я лезу из кожи вон?! Да я так, всего лишь капельку напряглась.

Тем не менее, я постаралась сконцентрироваться не на обидах, а на ответе на вопрос.

— Знаете, ваше величество, он хорошо у вас получился.

— Благодарю за высокую оценку, — хмыкнул Эдбальд. — Однако тебе наверняка известно, что он не мой сын.

— Это неважно, — отмахнулась я. — Воспитывали его, как я понимаю, именно вы. И, вынуждена признать, получилось весьма удачно. Результат даже заставляет предположить, что, может быть, вы не так плохи, как я привыкла думать.

— Не забывайся! — Король почти не повысил голоса, но в гостиной ощутимо повеяло холодом. — Я хочу видеть своего сына. В самое ближайшее время.

— А как же быть с некоторыми мелочами? Ну, например, — я попыталась говорить как можно более небрежно, — государственная измена, покушение на убийство и тому подобное?..

— Я же сказал, что навожу порядок там, где появляюсь, — отрезал Эдбальд. — Братья поругались — и помирились, с кем не бывает? Недоразумение разрешилось. Завтра они прилюдно пожмут друг другу руки, и каждый займётся своим делом.

Тонем это было сказано таким, что я не сомневалась: если один из братьев вздумает возражать, гнить ему в темнице. Тем не менее, я решила уточнить:

— Его высочество Ансель знает о вашем решении?

— Не так чтобы это тебя касалось. Но если тебе очень хочется быть в курсе, то да, он был извещён.

Понятно. Выходит, я не ошиблась: король вернулся и заново устанавливает свои порядки, больше ничьё мнение его не волнует... Впрочем, в данной конкретной ситуации оно и к лучшему.

— Я постараюсь передать ваши слова принцу Орвину, если, конечно, сумею его разыскать, — осторожно пообещала я.

— Да-да, будь любезна. Заодно — если, конечно, сумеешь его разыскать, — скажи, чтобы не задерживался. Я предпочитаю переговорить с ним здесь, прежде чем мы отправимся во дворец.

На языке вертелось нечто саркастическое в духе «Рада, что вам понравилось в моём доме», но по настоящему мне не давало покоя совсем другое.

— Ваше величество, позвольте один вопрос.

— Только коротко.

— Как вы узнали о том, что здесь приключилось? Вы же были в отъезде.

— Король знает обо всём, что происходит в его королевстве, — строго сообщил Эдбальд, но затем со вздохом махнул рукой. — Шейд счёл событие достаточно важным, чтобы отправиться ко мне через тени. И сумел привести меня обратно тем же путём.

Я была столь глубоко впечатлена, что беззвучно изобразила аплодисменты. Путешествовать на большие расстояния через зеркала очень сложно, порой даже нереально. Серьёзный участок без качественных отражений — и всё, дорога теряется. Возвращайся назад, если не хочешь навеки заплутать в подпространстве. С тенями несколько проще: до тех пор, пока существуют источники света, будь то магические лампы, огонь, солнце, луна или звёзды, предметы, отбрасывающие тень, тоже найдутся. Но долго продвигаться вперёд, прыгая из одного сгустка тьмы в другой, ныряя в иные миры, чтобы сократить дорогу, да ещё и вести с собой не обладающего даром спутника... Это воистину подвиг для такого мага, как Шейд, умелого, но не обладающего сверхспособностями. Надо бы намекнуть Крону, или ещё кому-нибудь в магическом совете, что теневик заслужил следующую ступень. Но это потом, а пока у меня другое дело.

И, попрощавшись с Эдбальдом кивком головы, я шагнула обратно в зеркало.

Я изложила Орвину то, что знала, и предоставила ему самостоятельно принимать решение. Впрочем, принц не колебался. Узнав о прибытии отца в столицу, он незамедлительно отправился к месту встречи. Я предпочла не вмешиваться, но вскоре выяснилось, что возвращение блудного сына прошло благополучно. Орвин приехал во дворец вместе с монархом, встреча с Анселем прошла в тёплой, дружественной обстановке, и жизнь потекла своим чередом. Принцы на людях улыбались и жали друг другу руки, а что происходило за закрытыми дверями, никому не сообщали. Мы же с Кейлом, облегчённо выдохнув, возвратились к своим преподавательским обязанностям.

Глава 14. Преступление и наказание

Мы сидели в преподавательской, и каждый занимался своим делом. Кейл проверял семинарские работы, то и дело ругаясь и раздражаясь тирадами в духе «Мы же двадцать раз это проходили!». Мне в этом отношении было легче: я письменных заданий не получала. Тем не менее, оценивать успеваемость студентов требовалось, а потому я вела своего рода дневник, записывая, как проявили себя на занятии ученики. На какой уровень прошли, что создали, насколько задумка соответствовала реализации. И даже произнесённые слова или подмеченное мною поведение, если это казалось важным.

Разумеется, и у Кейла, и у меня имелся собственный кабинет, и работать мы вполне могли бы каждый на своей территории. Но преподаватели — тоже люди. Иногда им хочется тишины и спокойствия, а иногда — простого человеческого общения. Хороший вариант — когда можно совместить первое со вторым: расположиться по соседству, но при этом не слишком отвлекать друг друга разговорами. У нас с деканом факультета стихий такое сочетание общения и сохранения друг за другом личного пространства получалось отлично. Поэтому мы нередко сидели именно так, в общей комнате, каждый за своим столом и своими бумагами.

Сперва я не обратила особого внимания шум из коридора: мало ли кто заходит в кабинет или, наоборот, направляется к лестнице, тем более во время перерыва? Но вот постучались непосредственно в нашу дверь (исключительно из соображений приличия, ведь она и без того была распахнута), и на пороге появился человек, в котором я легко дворцового слугу. Мне доводилось видеть его прежде, да и характерная красная ливрея не оставляла места для сомнения. Не гонец, рангом повыше, но и сообщение, с которым он прибыл, не было обычным.

— Магистр Блэр, — он поклонился, прижав руки к бокам, — вас срочно вызывают во дворец. Произошло ещё одно убийство, — добавил он, покосившись на Кейла и ощутимо понизив голос.

— Придворный маг? — спросила я, чувствуя, как мурашки пробегают по спине.

— Я не уполномочен говорить об этом, — покачал головой посланник, и я так и не поняла, знал ли он ответ или попросту важничал. — Если желаете, я могу вас сопроводить: его величество распорядился прислать карету. Но он сказал, что, быть может, вы предпочтёте отправиться другим путём, в этом случае, не смею вас задерживать. Мне лишь приказано попросить вас прибыть как можно быстрее.

— Хорошо, — кивнула я. — Я поеду с вами. Подождите несколько минут. Я соберусь и спущусь.

Посланник поклонился и покинул преподавательскую. Я принялась аккуратно складывать свои записи. Мысли мои были значительно менее упорядочены.

Я выбрала неверный путь. Сосредоточилась на поиске Охотника в институте, чтении литературы об использовании зрачков в зеркальной магии и ловле на живца — каковым я, будучи одной из хранительниц, естественным образом являлась. Судьба двух оставшихся ключей была понятна: один принадлежал сейчас члену королевской семьи, другой — придворному магу. Личность хранителей уже не представляла для меня загадки. И я была уверена, что безопасность обоих обеспечена идеально. Или, во всяком случае, настолько хорошо, насколько это вообще возможно. Потому и сочла, что в данном направлении моя помощь не требуется, и в институте я буду полезнее, чем во дворце. Похоже, я ошибалась.

— Я могу поехать с тобой, — предложил Кейл, прерывая поток моего самобичевания.

— У тебя через семь минут лекция, — напомнила я, покосившись на круглые настенные часы.

— Ну, знаешь ли, на фоне таких событий отмена лекции — сущий пустяк.

— Я понимаю. Но всё равно не стоит. Вряд ли ты сможешь помочь: тут всё-таки дело зеркальных магов. А, главное, без специального разрешения тебя во дворец не пропустят, а на то, чтобы его получить, даже по ускоренной схеме, уйдёт куча времени. — Я коснулась руки Кейла, прося таким образом прощения за отказ. — Лучше я съезжу одна и расскажу тебе, что к чему, когда вернусь.

— Ладно, — неохотно согласился декан. — Только будь осторожна. У меня какое-то нехорошее чувство.

Я кивнула и, запихнув листы в сумку, поспешила во двор, где меня дожидалась карета.

До дворца добрались быстро: тут и пешком-то совсем недалеко. Стражники пропустили нас без всяких расспросов, просто развели в стороны традиционные копыя и вновь скрестили их за нашими спинами.

— Куда? — спросила я у своего провожатого.

Он обозначил рукой направление и пошёл впереди, показывая путь. Наконец, мы дошли до нужной комнаты, и он с поклоном распахнул передо мной дверь.

Когда воздух перестаёт попадать в лёгкие, трудно мыслить здраво. В голове лишь успела пронестись мысль, что я в очередной раз глупо попалась. Но неизвестный стихийный маг сделал своё дело профессионально. Я упала на колени, пытаясь втянуть хоть самую капельку вожделенного кислорода, и провалилась в небытие.

...Сперва я подумала, что не до конца очнулась, поскольку перед глазами была темнота, почему-то с лёгким красноватым отливом и с редкими, незначительными вкраплениями светящихся точек где-то наверху. Но я моргнула раз, другой, и наконец осознала, что у меня банальнейшим образом завязаны глаза. Широкая лента сидела не настолько плотно, чтобы давить на веки, но и не позволяла ничего разглядеть, кроме, вероятнее всего, отблеска свечей в люстре. Первым побуждением было сдёрнуть ткань с лица, но, увы, не вышло. Оказалось, что мои руки, вытянутые назад и вверх, привязаны к каким-то тонким металлическим предметам. Судя по тому, что спине и ногам было мягко, я лежала на кровати, а запястья, стало быть, прикрутили к прутьям изголовья.

Складывалось впечатление, будто я оказалась в одном из тех дурацких лже-исторических романов, где герой похищает героиню, долго издевается над ней всеми возможными способами, затем она, вопреки всему, в него влюбляется, и они живут долго и счастливо. Я столь плохо подходила на данную роль, что невольно рассмеялась от одной только мысли.

— Странная реакция, — произнёс знакомый голос. Послышались шаги: видимо, его обладатель находился в другом конце комнаты, а теперь, поняв, что я очнулась, приближался к кровати. — Признаюсь, я ожидал несколько другого. Но это тоже меня устраивает.

— Рада, что вы довольны, ваше высочество, — откликнулась я. — Однако не соблаговолите ли объяснить, к чему весь этот фарс?

— Ты так скоро меня узнала? — Теперь голос прозвучал значительно ближе. — Жаль. Я надеялся, мы сможем некоторое время поиграть в угадайку.

— Терпеть не могу игры.

— Зато я весьма их люблю. Теперь ты, наверное, это понимаешь.

Я мысленно потянулась к зеркалу, для начала, тому, что всегда носила с собой в сумке. Не преуспев, стала нащупывать другое, какое угодно, но, увы, тоже безрезультатно. В нашем виде магии очень важен визуальный контакт. Работать, не видя отражений, чрезвычайно сложно. Но «сложно» и «невозможно» — вещи разные, и я продолжала пытаться.

— Молчишь? — прошептали мне в самое ухо.

Чужой палец медленно очертил линию моих губ. Стоило ему отдалиться самую малость, как я плюнула. Наугад, но, судя по последовавшему за этим шипению, попала.

— Ах ты, маленькая шлюшка! — с омерзением выругался принц.

Я почувствовала, как простыня натянулась до предела; видимо, похититель использовал её, чтобы вытереть палец.

— Совсем не знаешь хороших манер! — процедил он.

— А ты что же, хочешь меня им обучить таким своеобразным способом? — полюбопытствовала я, переходя на неформальное обращение. После плевка это казалось естественным.

— Именно это я и собираюсь сделать, — жёстко пообещал принц. — Мне надоело твоё поведение. Мнишь из себя бог знает что. С самим королём разговариваешь так, будто не обязана целовать ему сапоги. Мало того, что вечно лезешь не в своё дело, так ещё и с таким высокомерием и снобизмом, какое нечасто бывает присуще дворянам из знатнейших семей. Давно пора указать тебе, где твое место, и сегодня я этим займусь.

— Ну, про снобизм я примерно поняла, а вот насчёт не своего дела... Вроде бы это именно твой отец призвал меня сюда. Неужто ты запомнил?

Зеркало! Я обязана до него дотянуться. Использовать все силы, все методики, но достать, ухватить, установить контакт хотя бы на секунду. Этого будет достаточно. Дальше я справлюсь.

— Как не помнить, ведь он даже потащил меня с собой, хотя я не имел ни малейшего желания ехать в эдакую глушь... Поначалу не имел. Затем я понял, какие возможности открывает эта поездка. Если бы не твоё вмешательство, — он ухватил меня за подбородок, да так крепко, что, мотнув головой, освободиться не удалось, — Орвин давно был бы мёртв.

— Ах вот оно что, — бодро отозвалась я, когда Ансель отцепился наконец от моего лица. — Стало быть, то нападение в ущелье подстроил ты, а целью был Орвин?

— Твоя жизнь не играла для меня роли, — подтвердил кронпринц. — А вот братец порядочно мешал.

— Борьба за престол? — предположила я.

— А как же. Орвин хоть и не родной сын, но гадина та ещё. Сумет юркнуть в заветную щель, дай ему только волю. Род-то его тоже, мягко скажем, не из последних будет. А отцу вздумалось в своё время не просто взять в дом пасынка, но и усыновить его по всем правилам. Так что его шансы на престол не так мизерны, как он любит говорить.

— Может, и не мизерны, но первый на очереди всё равно ты.

— Не люблю, когда мне в спину дышат вторые. Далее, ты помешала мне разобраться с ним во второй раз, когда отец столь удачно уехал из столицы. Словом, тебе не повредит хороший урок, и я его предоставляю.

На сей раз палец Анселя заскользил вниз по моей шее и добрался до верхней пуговицы белой рубашки.

— Дурацкая мужская одежда, — презрительно процедил он и, без особого труда, оторвал пуговицу.

И сразу же небрежно отбросил её в сторону, если судить по тому, как она звонко покатилась по полу.

— Ансель, ты же понимаешь, с кем имеешь дело? — почти ласково уточнила я. — Я же тебя на куски порву.

— Видишь ли, красавица, какая штука. — Красавицей меня, кажется, ещё не называли, но что-то подсказывало: радоваться комплименту не стоит. — Прежде, чем предпринять этот шаг, я подробно кое с кем проконсультировался. И меня просветили, что зеркальный маг становится безобиден, как младенец, если ему завязать глаза. В придачу я распорядился убрать из этой комнаты все зеркала. И даже то, мелкое, что у тебя в сумке, уже не здесь. Помню-помню, — продолжил он, видя, что я собираюсь высказаться. — Ты говорила, что надолго тебя никакие средства не удержат. Но даже если предположить, что то была не пустая бравада, ты ведь сама признала, что на освобождение тебе потребуется время. А я создал все условия для того, чтобы его потребовалось много. К тому же времени, как ты найдёшь лазейку, я успею преподать тебе урок. И после этого ты у меня будешь как шёлковая.

Его палец вновь проник в разрез рубашки, на этот раз спустившись до второй пуговицы. Ансель покрутил её, не торопясь отрывать. Я отчаянно потянулась к зеркалам. Не в этой комнате — да, это намного, намного тяжелее. Рано или поздно я справлюсь, но этот ублюдок прав: скорее поздно, чем рано. Где же Хаш? Почему он не вмешивается? Сегодня-то я была одета как обычно, так что и фляга с портвейном на поясе имелаась. Правда, не сейчас. Трудно было сказать наверняка, но, по ощущениям, пояс с меня всё-таки сняли.

— Лучше передумай, пока не поздно, — процедила я, выворачиваясь. — Ты очень сильно пожалеешь. Я слов на ветер не бросаю.

— Представь себе: я тоже! — гоготнул Ансель. — Видишь, хорошая моя, как у нас много общего? Не стоит тебе брыкаться. Что, если я окажусь лучше мальчишки Орвина? Он ведь действительно всего лишь мальчишка, однако, гляди ж ты, чем-то тебя привлёк!

— Мальчишка станет мужчиной. Такая мразь, как ты, — никогда.

— А вот это ты зря. — Вторая пуговица полетела на пол следом за первой. — Ну вот, наконец-то. Если бы на тебе было нормальное женское платье, я бы сразу смог добраться до этой очаровательной ложбинки. — Его пальцы пробрались под одежду, между грудями, насколько того позволял корсет. Затем он склонился ко мне, оказавшись настолько близко, что меня замутило от неприятного дыхания. — Сегодня я буду учить тебя до глубокой ночи, — пообещал он, и я не знаю, чего в его интонациях было больше — предвкушения или агрессивности.

— До глубокой ночи? — фыркнула я. — Да вы о себе хорошего мнения, ваше высочество!

— О, я всё продумал, — заверил он. — Конечно, в первый раз всё закончится быстро: я очень

возбуждён. Но дальше в ход вступит твой очаровательный ротик. И, поверь, я восстановлюсь быстро.

— Я тебе откушу твоё хозяйство, Ансель, — совершенно серьёзно пообещала я. — Знаешь, есть такие породы собак: если вцепятся намертво, челюсти уже не разомкнуть, даже отрубив животному голову. Со мной будет так же, учти.

— Я и это предусмотрел, — самодовольно заявил ублюдок. — Так что у меня есть... Ах, да, ты не видишь, какая жалость! В общем, это что-то вроде специального кляпа. Он надёжно оградит меня от твоих зубов. Так мы и будем чередовать. Чтобы ты как следует поняла, где твоё место и для чего ты годишься.

Корсет пока оставался на месте, но гад всё равно умудрился ущипнуть меня за грудь. Паника. Нельзя поддаваться панике. Иначе — пиши пропало. Только спокойствие, сосредоточенность и спокойствие, позволят мне, раньше или позже, добраться до зеркал. Раньше или позже...

Раздался шум, топот сапог и скрежет выскальзывающей из ножен стали. Мужские руки наконец-то отцепились от моего тела.

— Какого дьявола! — проревел Ансель. — Я ведь приказал никого не впускать!

— Твои люди так мне и объяснили. — Этот голос, вне всяких сомнений, принадлежал Орвину. — А я сказал, что не подчиняюсь никому, за исключением короля Эдбальда Четвёртого.

— Слушай, я понимаю, что тебе по нраву эта красotka, — с раздражением произнёс Ансель. — Но придётся подождать. Я не жадный, готов поделиться, но позже.

— Какой же ты убогий ублюдок!

— Ублюдок из нас двоих — это ты!

Дальше я слышала уже не слова, скорее звериное рычание, потом шум и звук падающих предметов. Рука задёргалась, когда лезвие перепиливало верёвку. Пару секунд спустя освободилась и вторая. Я ожесточённым движением сдёрнула с глаз повязку. Орвин почти что силой сдёрнул меня с кровати.

— Беги! — рявкнул он, указывая на дверь в соседнюю комнату. — Там есть зеркало. И твои вещи там же, я видел! Уходи отсюда подальше!

Последние слова он произносил, уже не глядя в мою сторону: Ансель поднялся на ноги и рывком обнажил собственный меч.

— Сейчас от тебя мокрого места не останется, — процедил он.

В ответ Орвин лишь призывно улыбнулся, принимая боевую стойку.

А я, недолго думая, метнулась к двери. Здесь действительно имелось зеркало: настенное, удобное, большое, а мои вещи — пояс с клинком, сумка и — почему-то отдельно — фляга валялись на низком столике. Похватав всё это, я метнулась к стеклу. Уже по дороге почувствовала: с флягой не всё ладно, а остановившись по ту сторону, поняла, что именно. Благодаря воздействию стихийной магии воздух держал флягу запечатанной, не позволяя открыть пробку. Впрочем, сейчас, в подпространстве, это перестало иметь значение: тут Хаш мог просочиться даже сквозь стекло.

— Из-з-звини, — прошипел он, зависнув передо мной в воздухе. — Гадос-с-сть.

Он намекал на колдовство, превратившее его в узника, и я кивнула, полностью разделяя его мнение.

Не дожидаясь действий с моей стороны, змий передвинул картинку, позволяя мне видеть то, что происходило в соседней комнате. Там царил разгром и звенела сталь. Оба принца дрались ожесточённо, оба успели получить свою дозу царапин, но ни один не одерживал пока верх. Орвин имел больше воинского опыта, но и Ансель не напрасно тратил время на обязательные для любого аристократа занятия.

Недолго думая, я поставила кронпринцу подножку. Он полетел носом в пол, даже не имея представления, обо что споткнулся. Орвин, конечно же, воспользовался моментом. Метнулся к сводному брату, наступил на правую руку обутой в тяжёлый сапог ногой, а когда Ансель со стоном расцепил пальцы, подхватил с пола меч. Склонился к поверженному противнику и схватил его за грудки.

— Я бы с радостью закончил начатое, — процедил он. — Но не хочу огорчать человека, которого называю отцом.

— Он тебе не отец, — гневно выдохнул кронпринц.

Это была уже лирика, и продолжение не слишком меня интересовало. Перестав прислушиваться, я извлекла из ножен кинжал.

— Хочеш-ш-шь его убить? — любопытствовал Хаш.

Я неопределённо мотнула головой.

— Отцовские чувства Эдбальда меня точно не беспокоят. Но ты отлично знаешь, что через первый и второй уровень убить человека нельзя. Слишком сильное воздействие на энергетику. Да и через третий надо как следует постараться: уж очень нетривиально.

Поигрывая кинжалом, я перевела выразительный взгляд на брюки Анселя. Говоря точнее, в район той части его тела, которую с некоторых пор считала определённо лишней. Хаш по-своему, шипяще, захихикал.

Однако же нанести телесные повреждения принцу крови, так сказать, нарушить его физиологическую целостность, — подсудное дело, на этот счёт существует совершенно конкретный закон. Не так чтобы нарушение законов сильно меня пугало, но, если существует другой вариант, почему бы нет. Отвернувшись, я стала продвигаться вглубь зазеркального мира. Всё дальше и ниже. Сперва на второй уровень, затем на третий. Добравшись до места, я остановилась и снова призвала отражение.

Видимо, братьев уже развели по разным комнатам, поскольку Орвина я не обнаружила. Впрочем, сейчас он был мне ни к чему. Зато Ансель нашёлся сразу: он возлежал на той самой кровати, к изголовью которой совсем недавно были привязаны мои руки. Запястья сразу же заныли. Опустив глаза, я разглядела красные следы от верёвок. Надо же, раньше я даже внимания не обратила на этот нюанс. Но так и быть, подпорченную кожу кронпринцу прощу. Регенерирует. А вот остальное... Я ведь предупреждала, ваше высочество. Со мной лучше не связываться. Может, закон и относится к попытке преступления мягче, чем к преступлению свершившемуся, но я-то — не закон. И, как по мне, то, что вы не сумели достигнуть цели, — не ваша заслуга.

В комнате суетились несколько человек: лекарь обрабатывал раны пациента (на мой непрофессиональный и предвзятый взгляд, настолько лёгкие, что там и смотреть-то было не на что), лакей торопливо опускал чистые тряпки в таз с водой, один охранник что-то объяснял другому, активно жестикулируя.

Я крепче обхватила рукоять кинжала. Подошла вплотную к отражению Анселя. Одним резким движением рассекла спереди его брюки. Другим как следует рубанула, отсекая раздражавший меня орган. После чего развернулась и, не оглядываясь, отправилась восвояси.

Во дворец я следующие несколько дней не возвращалась: к чему бы? Орвин тоже не спешил меня навестить. Тем не менее, новости достигли моих ушей. В виде рыночных сплетен, институтских перешёптываний и даже газетных статей, хотя в последних сенсация светской хроники описывалась в весьма завуалированной форме. По всему выходило, что внезапно и по доселе непонятым причинам мужское достоинство старшего принца многократно увеличилось в размерах. Сперва это пытались скрыть всевозможными способами. Принца одевали в штаны на несколько размеров больше, чем прежде, запахивали длинный камзол, добавляли не менее длинный жилет... Но ничего не помогало. Выдающуюся часть тела невозможно было спрятать. Отныне при виде его высочества чувствительные барышни падали в обморок, вежливые отводили глаза, а бесчувственные хихикали, прикрываясь веерами.

Об интимной жизни для кронпринца теперь не шло и речи. Из-за своих небывалых размеров он не мог иметь дела ни с одной женщиной. А это, в свою очередь, означало, что у Анселя не будет детей. Поскольку прежде он не успел таковыми обзавестись, это означало, что у его высочества никогда уже не будет прямых наследников. Что понижало его собственные шансы наследовать престол у Эдбальда.

Принца осматривали и врачи, и маги, но ни один из них не смог исцелить наследника от внезапно настигшего его недуга.

Третий уровень глубины плохо подходит для убийства. Убийства и не было. Как не было ранения или нарушения физиологической целостности. И не существовало в законе статьи, которая предусматривала бы то, что случилось.

Орвин всё-таки явился, спустя примерно неделю после описанных выше событий.

— Тебя хочет видеть отец, — долго не затягивая, сообщил он.

Что ж, раньше или позже это должно было случиться. Не торопясь, я пристегнула к ремню флягу с Хашем, убедилась в том, что в сумке лежит зеркальце, и прошла к полке, на которой стояла шкатулка.

— В кандалах или сразу на виселице? — небрежно полюбопытствовала я, выдвигая верхний ящичек и извлекая оттуда крупный перстень.

— Он хочет поговорить, — поморщился Орвин.

Я приподняла брови, выражая тем самым некоторые сомнения, и надела кольцо на средний палец.

Слишком массивное, слишком тяжёлое. Зато при желании очень легко задействовать пружину и откинуть крышку, под которой скрывается маленькое круглое зеркальце. Весьма полезная штука в некоторых обстоятельствах.

— Увидишься с Кейлом Грантом — передай ему от меня спасибо, — обронил принц по дороге.

— За что? — удивилась я.

Нет, конечно, Орвину было за что благодарить декана факультета стихий: как-никак тот предоставил ему убежище в сложный момент. Но о том случае всё давно было сказано, и в истории, как мне представлялось, давно поставили жирную точку.

— Как? Ты разве не знаешь?

Орвин замедлил шаг. Его прежнее, серьёзно-сосредоточенное настроение, сменилось искренним удивлением.

— О чём? — нахмурилась я.

Полагаю, это был тот случай, когда встречный вопрос можно считать исчерпывающим ответом.

— О письме. — Принц поколебался, как видно, засомневавшись, стоит ли просвещать меня на этот счёт. Но затем решил, что, сказав «а», негоже не говорить «б», и пояснил: — Это ведь Кейл известил меня, что ты поехала из института во дворец. Он отправил мне записку с посыльным. Написал, что беспокоится, поскольку тебя вызвали уж очень внезапно, и попросил проследить. Поэтому я тогда тебя и искал.

Мне оставалось лишь приподнять брови и издать некое изумлённое «хм». О роли Кейла в своевременном появлении Орвина я даже не подозревала: сам декан ни разу на это не намекнул. Погружённая в размышления, я и не заметила, как мы добрались до дворца.

Удивительно, но в этот раз я оказалась неправа: меня действительно вызвали исключительно для разговора. Эдбальд нервно походил туда-сюда по комнате, затем уселся в кресло и знаком предложил нам с Орвином поступить так же.

— Я не стану расспрашивать тебя о том, что произошло во дворце неделю назад, — приступил он, сцепив пальцы. — Общее представление имею, детали меня не интересуют. Не стану также интересоваться, обусловлен ли твой поступок самозащитой. Мне хорошо известно, что нет. К моменту, когда ты применила магию, тебе ничто не угрожало.

— Это ещё надо доказать, — спокойно заметила я, имея в виду скорее факт применения магии, чем сопутствующие обстоятельства.

— Мне ничего не надо доказывать. — Эдбальд отмахнулся от моего протеста, как от назойливой мухи. В общем, правильно сделал. Он — король, что ему какие-то там доказательства? — Обвинять тебя я тоже не собираюсь, — продолжал он. — Мой старший сын...вырос не совсем тем человеком, каким следовало. Но речь сейчас не моих семейных разочарованиях, не о твоих проступках и даже не о соблюдении закона. Мы говорим о будущем Эльмиррского государства. И потому я спрашиваю: реально ли дать обратный ход твоему заклинанию?

Предметного разговора я не ожидала, поэтому вопрос Эдбальда застал меня врасплох. Впрочем, всё логично. На протяжении минувших дней они наверняка перепробовали все возможности — лекарей, магов (включая и зеркальных), бабок-знахарок... В итоге решили вернуться к той, с кого всё началось. Вот только она, наподобие злой ведьмы из сказки, совершенно не собиралась отменять назначенное обидчику наказание. Впрочем, дело было не только в этом...

— Обратный ход дать нельзя, — призналась я. — Это ведь не заклинание. Зеркальная магия не имеет обратной силы. Если сорвать цветок, можно сколько угодно прикладывать его к стеблю, не прирастёт. Так и тут. Попробовать заново применить магию, чтобы воссоздать цветок — дело

другое... — Я поморщилась, сообразив, что использованное сравнение в данном контексте вышло не слишком уместным. — Но, если вдуматься, я бы рисковать не стала. Физиология уже изменилась. Попытаться уменьшить... орган, конечно, реально. Через первый уровень, стерев его часть, или через третий, так сказать, нарастив. Но есть высокий шанс, что такая магия только навредит, заденет что-нибудь жизненно важное... — Оба слушателя заметно содрогнулись, и я деликатно отвела взгляд, делая вид, будто не заметила их реакции. — Одним словом, не советую: вполне возможен летальный исход.

Эдбальд немного подумал, откинув голову назад. Будто что-то мысленно говорил самому себе, едва шевеля губами.

— Мне всё ясно, — хрипло произнёс он наконец. — Можешь идти. Ты тоже свободен, — бросил он Орвину.

Последние слова несказанно меня порадовали, ибо из них следовало, что я не только «могу идти», но и свободна, понятия, скажем прямо, далеко не идентичные.

— Он переживает за сына, — озвучила своё наблюдение я, когда мы отошли достаточно далеко.

— Несомненно, — откликнулся Орвин. — За сына и государство.

— А ты?

— Что я?

— Переживаешь за Ансея?

Да, я уже говорила, что меня не беспокоили родственные чувства Эдбальда. Но вот реакция Орвина была отчего-то небезразлична. В меру, разумеется. Никто из этих людей, как бы ни любил он кронпринца, не заставил бы меня отказаться от мести. Однако же и вопрос мой не ограничивался пустой данью вежливости.

Его высочество поднял на меня вызывающий взгляд.

— Я не пылаю любовью к своему сводному брату, и тебе отлично это известно. Желаю ли я ему смерти? Нет. Всё-таки он — сын Эдбальда. Испытываю ли к нему жалость? Наверное, тоже нет. Всё, что он получил, заслуженно.

— Это правда, — кивнула я, подходя к арочному окну, чтобы выглянуть на миг в дворцовый сад. Там, за линией клумб, миниатюрный мостик перекидывался через крохотный ручеек. Эта пасторальная и одновременно кукольная картина наводила на мысль о сказке, и я припомнила свои недавние мысли. — К сожалению, помочь твоему отцу нельзя. Думаю, он уже это знал, и пригласил меня лишь для того, чтобы поставить в вопросе точку. Это в сказках злая ведьма наказывает героя лишь для того, чтобы его затем освободила какая-нибудь глупенькая красавица. В жизни ведьмы значительно более предусмотрительны. И уж если бьют, то наверняка.

— Значит, себе ты отвела роль злой ведьмы?

Орвин лишь мимолётно покосился в мою сторону, но в его глазах мне почудилась насмешка.

— Ну не доброй же, — пожала плечами я, отходя от окна. — Двое мужчин пытались взять меня силой. Обоим теперь не позавидуешь. Ещё один пристроил меня в тюрьму. Он умер, так и не добившись того, ради чего пошёл на преступление. Умер, напомню, от угрызений совести. Кто, как не злая ведьма, станет пробуждать их в негодые?

— Но остаётся кое-кто ещё, — напомнил Орвин.

— Охотник, — кивнула я, думая, что поняла, куда он клонит. — Этим ещё предстоит заняться.

— А как же Итан? — полюбопытствовал принц.

— Да сдался тебе Итан, — поморщилась я. — В этой сказке он даже не персонаж второго плана. Так, мальчишка. Разве можно ожидать от него героизма и самопожертвования?

— Вообще-то он офицер, — не сдавался Орвин.

— Ну и что? — фыркнула я. — Офицеров много. Большинство никогда не нюхало крови. Для них это просто игра в куклы с переодеванием, не более того. И они всю свою жизнь гордятся, что им выдали настоящий маскарадный костюм.

— Такого ты мнения и обо мне, верно? — склонил голову набок принц. — Ты как-то говорила обо мне как о мальчишке. Ты считаешь, что я, как и Итан, неспособен на поступок, на

самопожертвование, на преданность, которая выше личных интересов?

— Способен, — возразила я. — Теперь я знаю, что способен. И зря ты так болезненно воспринимаешь слово «мальчишка». Годы, опыт, горечь утрат — всё это приходит раньше или позже, хотим мы того или нет. И мальчики становятся мужчинами, разве не так? Вот только не все. Такие, как Итан, не становятся. Скорее всего. Впрочем, возможно, мне всё-таки стоило бы с ним поговорить. Чтобы расставить все точки над «i».

— Это будет трудно сделать.

Удивившись, я вопросительно уставилась на Орвина.

— Я отослал его из дворца, — хладнокровно объяснил принц. — В один из приграничных гарнизонов. Ничего страшного ему там не угрожает, — поспешил добавить он. — Война не ожидается, стычки с разбойниками — редкость. Но — да, жизнь, конечно, не будет такой красивой, как в столице. Там нет балов, выставок живописи и красочных магических представлений. Могут, правда, иногда заехать странствующие циркачи. Какой проступок, такое и наказание. Как видишь, я тоже немного злая ведьма, — заключил он.

Не то что бы просил прощения, скорее предлагал принять его таким, какой он есть.

— Значит, с добрыми нынче дефицит, — подытожила я, беря его под руку.

Прежде чем покинуть дворец, я заглянула в располагавшиеся здесь же покои Крона. Меня пропустили, однако назвать оказанную встречу радушной я не могу даже с натяжкой.

— Я сейчас занят, — проворчал маг с неудовольствием. — У тебя настолько срочное дело?

Он действительно был занят. Переходил с места на место, открывал ящики, извлекал оттуда и надевал всевозможные артефакты, заодно прихватил из шкафа камзол и шейный платок. В подобных вещах маги более самостоятельны, чем вельможи, и с лёгкостью обходятся без помощи камердинеров.

— Куда-то собираетесь? — осведомилась я, с любопытством наблюдая за процессом.

— Это моё дело, — отрезал он.

Грубовато, но у каждого своя манера поведения.

— Постараюсь быть краткой. Знаю, вы меня недолюбливаете, и я тоже не питаю к вам особенно добрых чувств. Но нам с вами и не нужна любовь, верно? А вот сотрудничество не помешает.

— Возможно. — Он наконец оторвался от сборов и посмотрел на меня повнимательнее. — С чем конкретно ты пришла?

— Я знаю, что вы — хранитель ключа, того, что предназначается придворному магу. Других кандидатур попросту не осталось. Вывод: на вас ведётся охота. Прямо сейчас. Удар могут нанести в любую секунду. Возможно, преступник уже пытался, но вам удалось отбиться, а сообщить об этом мне вы просто не считаете нужным. Я нисколько не умаляю ваших достоинств, напротив, очень уважаю вас как профессионала. Но согласитесь: два зеркальных мага сильнее, чем один. Если мы будем действовать сообща, наши шансы повысятся. А на кону, как-никак, стоят немаловажные вещи, ведь верно? Возможно, судьба страны. А может, и больше.

— А тебя волнует судьбы Эльмирры? — полюбопытствовал он. Острый, колючий взгляд скользнул к моей шее и снова нацелился прямо в глаза.

Я нарочито небрежно пожала плечами.

— Может, и да. Как знать. Я сама пока ещё не определилась. Но это не мешает мне заниматься делом.

— Не мешает, но помогает ли? — проворчал Крон. — Ладно, по большому счёту ты права. И сотрудничество может оказаться нелишним. Но для этого я должен тебе доверять.

— А вы не доверяете?

Я склонила голову набок. И снова оценивающий взгляд со стороны Крона.

— Пока нет. Признаться, я никак не могу принять решение по этому вопросу. Но в самое ближайшее время его приму. И, если оно окажется в твою пользу, извещу тебя.

— Могу я что-нибудь сделать, чтобы помочь вам решить эту нетривиальную задачу?

— За тебя всё сделает другой человек, — качнул головой Крон.

— Вот как? — оживилась я. — И чем же он поможет?

— Информацией.

— Уж не к нему ли на встречу вы собираетесь в данный момент?

По лицу мага я поняла, что попала в точку; впрочем, он быстро нацепил прежнюю маску бесстрастия.

— Разговор окончен, Йоланда. Продолжим в другой раз. Возможно, уже завтра.

Завтра наступило для меня, но не для Крона. Его нашли поутру на окраине, в одном из ничем не примечательных переулков. Голова мага была аккуратно отделена от туловища. Эксперты определили, что при убийстве была задействована зеркальная технология. Ключа при жертве, понятное дело, не обнаружили.

Три магических ключа

Вознесёт молва.

Хранитель клюнул на крючок —

И их осталось два.

Глава 15. Золотое Святилище

Весь следующий день я занималась поиском хоть каких-то зацепок. И не я одна. Дознателей у его величества хватает. Увы, ничего мало-мальски стоящего обнаружить не удалось. У Крона была назначена встреча, но подробностей он ни с кем не обсуждал. (Возможно, мне он рассказал больше, чем с другими). Он вышел из дворца, воспользовавшись зеркалом, и след вскоре терялся.

У меня имелись определённые соображения на этот счёт и даже одно весьма конкретное предположение, но я не торопилась с кем-либо им делиться. Сначала искала способ проверить... А потом пришло письмо.

Его принёс не почтальон, не посыльный, а уличный мальчишка из тех, что охотно берутся за любую подработку. На конверте было аккуратно выведено «Магистру Йоланде Блэр». Почерк незнакомый, но весьма характерный: ровный, без излишеств, не выдающий эмоций. К тому же без единой кляксы или помарки. Так выходит, когда пером управляют с той стороны зеркальной глади. Уже понимая, кем составлено послание, я извлекла на свет сложенный вдвое листок, развернула и прочитала:

«Уважаемая магистр Блэр!

Её высочество Этнея Альбийская находится у меня. Если хотите, чтобы она вернулась домой живой и в добром здравии, приезжайте сегодня к Золотому Святилищу. Путешествовать можете любым способом, но на место извольте прибыть по дороге, а не через мир отражений. Вы — умная женщина и несомненно понимаете, что не в ваших интересах брать с собой сопровождающих. Точнее, это не в интересах принцессы. Однако Орвин дель Фронси может поехать с вами. Если вы выполните все условия и не станете делать глупостей, обещаю отпустить её высочество, не причинив ей вреда.

Уважающий вас Охотник.»

Меня отпускать, даже в случае благоразумного поведения, автор послания не обещал — факт, каковой я мысленно отметила. Место встречи было мне известно: небольшая площадка в Исторских горах, возвышавшихся на западе Эльмирры. От столицы далековато, однако порталом можно быстро добраться до подножия. Святилище располагалось там много столетий назад, и учёные по сей день спорили, находилось ли оно в одной из многочисленных пещер, в рукотворном храме, от которого не осталось и следа, или же местом молитв служила сама площадка. Так или иначе, древние люди ощущали в тех краях всплеск магической силы. Не исключено, что именно там было впоследствии создано и сокрыто Первозданное Зеркало. Подходящих мест насчитывалось не слишком много, и Золотое Святилище — несомненно, одно из них. А поскольку именно туда меня приглашал Охотник, вывод напрашивался сам собой.

Ах, да, стоит уточнить, что никакого золота в горах не было. Своё название святилище получило благодаря цвету, в который окрашивалась осенью листва росших на склонах деревьев. Видимо, зрелище в сентябре-октябре бывало весьма впечатляющим.

Перечитав письмо во второй раз, я смяла его в кулаке и едва не швырнула об стену. Злость моя, как ни странно, была адресована вовсе не Охотнику, а дворцовой охране. Как, скажите на милость, можно было допустить похищение принцессы?! Это же не какая-нибудь никому не нужная мелкая дворяночка. Это — второй человек в очереди на трон (учитывая, что Орвин — не родной сын Эдбальда). К тому же ещё и молоденькая девушка. Да даже муха не должна была приблизиться к её волосам без того, чтобы об этом тут же доложили офицеру охраны!

Да, понимаю, Охотник — очень сильный зеркальщик, но что с того? Для этого существуют придворные маги. Шейд, например. А до позавчерашнего вечера — и Крон. Да, последний умер, но это никак не аннулировало плоды его трудов. Попасть во дворец извне при помощи отражений невозможно. Я видела эту защиту, я проверяла её эффективность и, хотя придраться там абсолютно не к чему, даже добавила дополнительный уровень ограждений в покоях принцессы. Покинуть дворец изнутри несколько проще, но, чёрт побери, туда сначала надо было попасть! Даже о методе проникновения через глаза мы сообщили куда следует. Предупреждён — значит вооружён. Любую магию можно заблаговременно обнаружить — если знать, что конкретно искать.

Или я зря всё усложняю, и Охотник просто-напросто вхож во дворец? Если, к примеру, он сам — придворный маг, или же член королевской фамилии... Тогда, конечно, никакая охрана не сумела бы предотвратить случившееся.

Первым делом я отправилась на конюшню. Конечно, я не сразу помчусь в Золотое Святилище, сначала проверю слова Охотника. Но если принцессу действительно похитили, обидно будет терять время, возвращаясь за лошадью. Всю дорогу до дворца я старалась себя приструнить, однако внутри против воли разгоралось чувство азарта. Колотилось учащённым сердцебиением, покалывало

кончики пальцев. Наконец-то. Фаза выжидания позади. Наступило время действия.

Бросив поводья едва подоспевшему конюху, поднялась по ступеням и поинтересовалась у лакея:

— Могу я видеть принца Орвина дель Фронси?

Парень только собирался с ответом, когда откуда-то из тени выступил дворецкий.

— Я доложу его высочеству о вашем визите, госпожа Блэр. Соболаговолите обождать в Южной гостиной?

— Благодарю вас, я лучше побуду здесь, — отказалась я, и тот, с достоинством поклонившись, удалился.

Конечно, я могла бы принять приглашение, но сочла, что лучше будет остаться, так сказать, поближе к людям и понаблюдать за обстановкой. Но быстро начала скучать. Здесь было мало народу, а если кто новый и появлялся, признаков беспокойства не проявлял.

— Его высочество примет вас. — Дворецкий вернулся, когда я, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, от безысходности разглядывала очередную позолоченную статую. — Прошу следовать за мной.

Так я и поступила. Но Орвин, похоже, не стал дожидаться моего прибытия, а вместо этого вышел навстречу, поскольку мы столкнулись на лестнице. Мой сопровождающий, со свойственным ему профессионализмом оценив обстановку, оставил нас, не привлекая внимания к своему исчезновению.

— Что ты здесь делаешь так рано? — удивился принц.

Ах, да, ещё действительно утро, хотя не так чтобы раннее.

— Где сейчас Этнея? — ответила я вопросом на вопрос.

Орвин недоумённо нахмурил брови, пожал плечами, затем, поднявшись на верхнюю ступеньку, окликнул:

— Горрингтон!

Дворецкий моментально вынырнул из тени. Право слово, можно было бы подумать, что он — маг, но я давно знала, какую уникальную расторопность проявляют люди его профессии. Других на подобную должность просто не берут.

— Слушаю вас, ваше высочество!

— Вы знаете, где сейчас принцесса?

— Насколько мне известно, ещё не вставала. Но я могу проверить у её камеристки...

— Благодарю вас, Горрингтон! — вмешалась я. — Мы сами поговорим с камеристкой.

И потянула Орвина за рукав.

— В чём дело? — спросил он, когда мы снова остались одни.

Я сунула ему под нос более-менее разглаженное письмо, на ходу предупредив:

— Только чтобы никто не увидел.

Принц начал читать, споткнулся, остановился у окна и быстро пробежал глазами остаток текста. Лицо его заметно побледнело.

Я выразительно пошевелила бровями. Вернув бумагу, Орвин зашагал по коридору значительно быстрее, чем прежде. Я не без труда нагнала его и крепко взяла под руку, надеясь удержать, если он перейдёт на бег. Но принц и сам понимал, что привлекать внимание и разжигать панику не в наших интересах.

Покои Этнеи состояли из бесконечной, как мне показалось, череды комнат, в одной из которых мы обнаружили двух горничных.

— Моя сестра?

— Ещё спит, ваше высочество, — уловила суть вопроса девушка, присевшая в реверансе.

— Мне нужно с ней поговорить.

— Быть может, мы сначала...

Но Орвин решительно увлёк меня за собой, проигнорировав робкие попытки служанок воспротивиться такому произволу. Впрочем, ничего по-настоящему непристойного в сложившейся ситуации не было. Родному брату допустимо входить в спальню сестры, тем более в сопровождении персоны женского пола. А что касается частной жизни, принцессы не имеют на неё права по определению...

Этнея до сих пор нежилась в кровати, во всяком случае, так показалось нам в первую секунду. Но Орвину достаточно было откинуть одеяло, чтобы обнаружить под ним аккуратно свёрнутый плед. Принц эмоционально выругался.

— Что она себе возомнила? — процедил он.

— Думаешь, она сама сбежала? — уцепилась за его слова я.

— Не думаю, а уверен. Я сам научил её этому. — Он кивнул на кровать. — Когда-то давно. Или... — Он нахмурился. — Полагаешь, ею могли управлять?

— Сомневаюсь, — качнула головой я. — Точно не с помощью зеркальной магии. Она не позволяет воздействовать на разум... Ну, кроме одного варианта, ты знаешь, какого, — справедливости ради добавила я, намекая на тюремщика, которого когда-то свела с ума. — Но здесь однозначно не тот случай. Конечно, мы не можем исключать участие другого мага. Специалист по снам, возможно, сумел бы что-то ей внушить. Но это, знаешь ли, вилами по воде. Вот доберёмся до них — тогда выясним.

— Ещё как доберёмся, — пробурчал себе под нос Орвин. — Но как она отсюда вышла? Точно не обычным путём, раз слуги ничего не заметили. Через зеркало?

— Не думаю, — возразила я, как раз закончив проверку. — Не вижу никаких следов. Не похоже, чтобы за последнюю неделю кто-нибудь проникал из этой комнаты в подпространство.

— Тогда...

— Балкон! — хором выпалили мы.

Орвин первым раздвинул гардины. Мы дружно перегнулись через перила. Второй этаж. Высоковато, конечно, но...

Долго не раздумывая, принц спрыгнул вниз. Приземлился благополучно.

— Теперь ты! — крикнул он.

— Я могу, но я — не наследница престола в платьице, — усомнилась я в чистоте эксперимента.

— А если я буду ловить?

Я хмыкнула. Перелезла через перила. Узкий бортик вполне позволял удержаться с той стороны. Затем осторожно спрыгнула напрямик в объятия Орвина.

— Эй,пусти! — возмутилась я несколько секунд спустя.

— Ты сама держишь меня за шею.

— Да? Это случайно так получилось. — Я расцепила руки, и принц аккуратно опустил меня на землю. — Просто давно не удавалось повисеть у кого-нибудь на шее...

— Здесь следы, — оборвал мою попытку отшутиться Орвин.

И правда. Почти под самым балконом принцессы росли клумбы, земля вокруг них была рыхлая, и на ней отчётливо отпечатались несколько следов. Некоторые из них определённо оставила маленькая женская ножка. Другие были значительно крупнее и, вернее всего, принадлежали обутому в сапоги мужчине. Хотя исключать женщину с крупной ногой тоже было нельзя.

— Всё ясно, — подытожила я. — Этнея сама впустила Охотника во дворец. Возможно, подсказала какую-то лазейку, или банально устроила, чтобы ему выписали пропуск. Если, конечно, он сам здесь не обитает, этого тоже исключать нельзя. Ну, а сбежать, будь то через главные ворота или задние, им не составило труда. Тех, кто выходит, ведь не проверяют?

— Во всяком случае, не так тщательно, как тех, кто пытается пройти внутрь, — мрачно подтвердил

Орвин.

И, коротко распорядившись: «Едем!», решительно зашагал в сторону конюшни. Я не стала корить его за самоуправство.

— Почему она это сделала? — спросил принц по дороге к столичному телепорту.

Я подозревала, что совершить пространственный скачок можно и непосредственно из королевской резиденции, но Орвин предпочёл более стандартный путь. То ли опасался дворцовых слухов, то ли не хотел раскрывать тайну неблагонадёжной личности в моём лице. И в том, и в другом случае он был совершенно прав.

— Есть несколько вариантов. — Я не была уверена, обратился ли спутник ко мне или разговаривал сам с собой, но всё-таки решила ответить. — Может быть, она всецело доверяла человеку, который выманил её за ворота. Может быть, как ты и предположил, на неё воздействовали ментально. А существует и третья возможность...

— Какая же? — с вызовом спросил Орвин.

Видимо, догадался по затянувшейся паузе, что ответ может ему не понравиться.

— Этнея сама и есть Охотник.

Принц бы, наверное, застыл как вкопанный, но, к счастью, его конь хуже понимал человеческую речь. Либо просто был менее эмоционален.

— Мы ведь говорили, что Охотником вполне может оказаться кто-то из семи хранителей, — напомнила я. — А Этнея — одна из них.

Тут Орвин всё-таки натянул поводья.

— Как ты узнала?

— Догадалась практически с самого начала, — призналась я. — Не зря же его величество так старался навязать твою сестру мне в заложницы. Точнее — пристроить под мою защиту. При всей моей эмоциональной нестабильности, — я не могла удержаться от этой шпильки, — я не настолько глупа, чтобы обвинять Эдбальда во всех смертных грехах. Он не стал бы поступать подобным образом с собственной дочерью, тем более — наследницей престола, пусть даже на тот момент она и не была первой на очереди. Нет, он просто счёл, что рядом с зеркальным магом Этнея будет в большей безопасности. Не исключено, что он был прав, — задумчиво добавила я.

Кольнуло нечто похожее на угрызения совести. Но поддаваться подобным чувствам в минуту опасности — лучший способ пропустить вражеский удар. Так что я быстренько отмела ненужные мысли.

— Ладно, ты угадала, — нехотя признал принц. — Но Этнея — не зеркальщик.

— Ты говорил, твоя прабабушка была зеркальным магом, — припомнила я. — Это родня по материнской линии или по отцовской?

— По материнской.

— Значит, она и прабабушка Этнеи тоже. Принцесса могла унаследовать дар.

— Не могла. Я бы заметил. И потом, она совсем ещё ребёнок.

— Она — юная девушка, — возразила я. — И ты не представляешь, как хорошо мы умеем скрывать некоторые свои склонности от окружающих. Особенно когда понимаем, что окружающие не оценят ни наши амбиции, ни инициативу. А девочкам это объясняют очень быстро.

Мы снова тронули поводья и продолжили продвигаться по мощёным столичным улочкам. Звонкое цоканье копыт сливалось с прочими звуками оживлённого и ни о чём не подозревающего города.

— Этнея действительно амбициозна, и умна, — согласился принц. — Но она не убийца. К тому же зачем бы ей затевать подобное? Теперь она и так самый вероятный кандидат на престол после смерти отца.

— Теперь, — повторила я. — А до недавнего времени это был Ансель. Который вряд ли захотел бы делиться с сестрёнкой властью. Впрочем, я ведь не настаиваю, Орвин. Я всего лишь перечислила варианты.

— Да, понимаю. И, полагаю, самый первый из них и есть правильный. Этот мерзавец просто вскружил ей голову, наобещал романтики или приключений... Или того и другого разом. Вот она и сбежала с ним. Дурочка.

— Она не дурочка. Просто ей пятнадцать лет. А в этом возрасте даже самые умные люди наивны и убеждены, что понимают жизнь лучше всех остальных.

На этом разговоры прекратились. Мы подъехали к зданию, отведённому для межпространственных переходов, и спешили. К счастью, в портал пропускали вместе с лошадьми, так что решать проблему передвижения, оказавшись в предгорье, нам не пришлось. Внешность мы замаскировали минимально: Орвин воспользовался своей рыжей личиной, я слегка «подправила» лицо при помощи зеркала. Да, рано или поздно нас безусловно сумеют выследить, но это даже к лучшему. На данном этапе посторонние будут мешать. Но если для нас с Орвином поездка сложится неудачно...Как знать, вдруг кто-нибудь добьётся лучших результатов?

— Охотника оставь мне, — предупредила я Орвина, когда впереди замаячила горная дорога. — В магические поединки вмешиваться не стоит. Твоя задача — подобраться к принцессе и освободить её. Если, конечно, её действительно держат в заложниках. Потом уходите как можно дальше.

Вопреки моим ожиданиям, он не спорил. Лишь сосредоточенно глядел вперёд, на поросший деревьями склон. А вскоре разговоры стали невозможны: тропа хоть и была сравнительно безопасной, но ехать бок о бок не позволяла.

Я окликнула принца, когда по некоторым признакам до Святилища оставалось совсем немного. Дальше имело смысл продвигаться тихо, чтобы не привлечь к себе внимание раньше времени. Хотя кто знает, Охотник вполне мог наблюдать за нами и сейчас. Трудно ли спрятаться в гористой местности? Так или иначе, когда очередной поворот вывел нас к ровной площадке приличных размеров, мы стреножили лошадей, оставили их пощипывать траву, а сами продолжили подъём пешком.

До места добрались примерно за четверть часа. Слудеющая площадка как раз и оказалась Золотым Святилищем. Место и правда было весьма живописное. С одной стороны — обрыв и вид на величие соседней горы. С другой, ярдах в пятидесяти, — отвесный склон. Резвый горный ручей падал с выступа вниз, образуя небольшой водопад. Благодаря обильной влаге камни украшала зелёно-коричневая поросль.

Чуть в стороне от водопада мы и обнаружили принцессу. Облачённая в костюм для верховой езды, она сидела на стуле, совершенно рукотворном и оттого плохо вписывавшемся в окружающую атмосферу. Руки её были связаны за спинкой, рот тоже был завязан, то ли шарфом, то ли просто какой-то длинной тряпкой. Орвин метнулся было к ней, но приостановился, видя, как отчаянно она мотает головой. Причина такого жеста стала ясна почти сразу. Из-за ствола криво растущего дерева, ветви и корни которого тянулись к стекавшей в бассейн воде, выступил Ансель. В руке он держал пистоль, дуло которого направлял на Орвина. Брат-близнец этого оружия, наверняка тоже заряженный, был заткнут за пояс.

— Ну наконец-то, — проговорил он, с удовольствием растягивая слова. — Я уже устал ждать.

— Кого из нас? — полюбопытствовала я.

Если человек с оружием хочет поговорить, надо непременно предоставить ему такую возможность.

— Всех. — Ансель растянул губы в ослепительной улыбке. И, как бы в подтверждение своих слов, перенаправил пистоль с Орвина на меня, а затем поднёс дуло к самому виску Этнеи. Та замычала и испуганно зажмурилась. — Все вы здесь очень дороги моему сердцу.

— Давай без глупостей.

Орвин осторожно сделал шаг в сторону брата.

— Это ты без глупостей! — резко ответил тот, вскидывая руку. Теперь дуло снова смотрело на Орвина. Он послушно остановился. — Я не шучу. Впрочем, ещё один шаг — и ты облегчишь мне выбор.

— Какой выбор? — продолжила задавать вопросы я.

— Кого из вас убить первым, разумеется. — Тон Анселя был холоднее скопившейся в бассейне воды. — Редкая удача, верно? Все трое в одном месте. И только у меня пистолы.

— Ну, чем тебя не устраиваю я, понятно. — Я постаралась не опускать глаза на сильно выпирающую часть тела старшего принца. Напоминать, что он сам виноват в случившемся, тоже не стала. Ещё, чего доброго, начнёт палить со злости. Вот уж кто точно эмоционально нестабилен. —

Но чем тебе не угодили остальные? Близкие родственники, как-никак.

— Родственники? Ну уж точно не вот этот. — Он указал оружием на Орвина, и на мгновение я, признаться, вжала голову в плечи: боялась, что этот ненормальный случайно спустит курок. — Что до неё, — он скосил глаза на Этнею, — я не отдам руку на отсечение, что её мамаша не погуляла с кем-нибудь, не имевшим никакого отношения к королевской семье Эльмирры.

— Чушь! — убеждённо отрезал Орвин, а я подумала, что идея про отсечение руки чрезвычайно мне понравилась. С удовольствием бы отсекла, если бы выдалась такая возможность.

— Неважно. Главное, она уже положила глаз на мой трон. Так ведь? — Он снова развернул пистоль к принцессе, и та сжалась, низко опустив голову. — Они оба хотят его заполучить. И теперь, после того, что сделала ты, они как никогда близки к победе. Не один, так другой. Либо девчонка, способная управлять разве что горсткой глупых фрейлин, либо мальчишка, пробивший себе дорогу из пасынков в сыновья.

— Понимаю, — кивнула я, осторожно делая шаг вперёд. Теперь я стояла почти на одном уровне с Орвином. — Ты был единственным и наверняка любимым сыном, и тут появляется чужая тётя, да ещё и с ребёнком. Разумеется, это тебе не понравилось. История стара, как мир. Но дело усугубляется ещё и тем, что ты был не простым мальчиком, а принцем крови. И появился претендент не только на отцовскую любовь, но и на трон. Шансы у него, правда, были эфемерные, но ты, наверное, был слишком юн, чтобы это осознать. Тем более, что Эдвальд отчего-то счёл нужным его усыновить. Ты понял, что прежней жизнь никогда уже не станет. У тебя появился конкурент. А дальше родилась ещё и сестра. Но это было давно. С тех пор ты вырос. Неужели так и не сумел за это время понять, что детские страхи — не повод для ненависти?

— Никто не хочет короля-инвалида, — отчеканил Ансель, смотря перед собой невидящим взглядом зомби. К сути моих слов он явно не прислушивался, но, впрочем, кто бы сомневался? Я говорила лишь с целью потянуть время. — Но, если других кандидатов не останется, им придётся передумать. — Он криво улыбнулся. — Разве же не удачно, что здесь одновременно оказались все заинтересованные лица? Мои, как ты выразилась, конкуренты погибнут от руки сумасшедшего мага, которого с твоей лёгкой руки именуют Охотником. Принцессу он застрелит, чтобы завладеть ключом. Средний брат попытается спасти девушку — и погибнет в неравной схватке. Ах, да, ещё и магистр попадётся под горячую руку. Что делать, переоценила свои силы, случается. А знаешь, пожалуй, я определился. — Не знаю, почему, но всё это время он продолжал обращаться ко мне, а не к своим родственникам. — Этнея никуда от меня не денется. Ты раздражаешь, но с тобой я захочу ещё поиграть. Начну-ка с Орвина.

На сей раз он прицелился не напоказ, по-настоящему, но прежде, чем успел прогреметь выстрел, я выскочила вперёд, загораживая собой среднего принца.

— Ты с ума сошла?! — воскликнули братья в редком для них приступе единодушия.

— Давно, ещё в тюрьме. Неужели вы до сих пор не поняли? — отозвалась я сквозь зубы, больше занятая тем, чтобы не позволить Орвину в лучших мужских традициях выступить навстречу врагу. Для этого приходилось толкаться, хватать его за одежду и даже разок ударить локтем в живот.

— Забыл, о чём мы говорили? — зашипела я, повернувшись вполоборота. — Твоё дело — Этнея. Нырять в кусты, доберись до неё. Я задержу этого парня. Не забывай, что у меня броня.

Орвин притих и перестал прорываться на передовую. Видимо, вспомнил о стреле, «пронзившей» меня при нападении наёмников. Имелся, правда, один нюанс, о котором знала я, но не он. При залпе из огнестрельного оружия, да ещё и с близкого расстояния, зеркальные доспехи бессильны. Слишком велика скорость движения пули. Свинец пробьёт грудную клетку раньше, чем сработает колдовство. Но это так, к слову.

Я сделала шаг вперёд, разводя руки в стороны, стараясь не дать Анселю шанса зацепить Орвина, пока тот не успел укрыться за растительностью.

— Почему ты это делаешь? — озадаченно спросил кронпринц. — Думаешь, я шучу?

— Нет.

Ещё один шаг.

— Тогда зачем?

— Потому что жизнь твоего брата ценнее, чем моя. Разве это не очевидно? — Требовалось выиграть время для моего спутника, и для Этнеи, и я продолжала говорить. — Орвин навряд ли станет королём, но он будет не последним человеком в государстве. И многое сделает для Эльмирры, в этом у меня нет сомнений. Я успела достаточно хорошо его узнать. Что же касается меня... — Я

засмеялась и, наверное, в этот момент была как никогда похожа на безумную. — Никто не будет плакать, если я исчезну с лица земли, ваше высочество. Мне никто не нужен — и я тоже никому не нужна. Мир любит равновесие. Скорее всего, ваш брат будет поначалу переживать о моей смерти. Но быстро припомнит, как грубо я с ним общалась. Что я была эгоистична, вспыльчива, резка, а ненависти в себе взрастила столько, что хватит на целый дремучий бор. Надо уметь смотреть правде в глаза, ваше высочество. Я не нужна этому миру. А ваш брат — нужен.

Я знала, что рано или поздно Ансель спустит курок. И даже почти не боялась. К чему я оказалась не готова, так это к подсечке, в результате которой потеряла равновесие и повалилась на землю практически одновременно с тем, как грянул выстрел. Орвин рухнул рядом со мной. Всё-таки скорость реакции профессионального военного внушала уважение. С разочарованным возгласом Ансель отбросил бесполезный пистоль.

— Какого чёрта ты ещё здесь? — сердито прошипела я Орвину, всё ещё прижимавшему меня к земле.

— А тебе правда нестрашны пули? — не менее зло парировал он.

Ответить я не успела. Не на шутку разгневанный кронпринц вытащил из-за пояса второй пистоль и взвёл курок.

— Всё! Мне надоели игры! — проревел он, направил дуло на висок Этнеи — и мы поняли, что ничего не успеем сделать...

Дальнейшее не мог предвидеть ни один из нас. Откуда-то со стороны водопада внезапно выскочил Кейл. На его плечах развевался дорожный плащ, к поясу крепились две пары ножен — с мечом и кинжалом. Но вытащить ни то, ни другое он не успевал, поэтому просто схватил Анселя за руку с пистолем, вынуждая отвести её в сторону. Грянул выстрел, пуля улетела далеко в небо, а оба мужчины повалились на землю.

Мы с Орвином вскочили, побежали к дерущимся, однако кронпринц оказался шустрее. Он сумел вывернуться, ударил Кейла каблуком сапога, поднялся на ноги, одновременно извлекая из ножен кинжал, метнулся к Этнее. Орвин с громким выкриком бросился ему наперерез. Но манёвр оказался ложным. Ансель внезапно сменил направление, и я опомниться не успела, как лезвие его клинка коснулось моей собственной шеи.

— А теперь посмотрим, насколько твоя жизнь никому не нужна, — сказал он вроде бы мне на ухо, но не понижая голоса.

В итоге для меня звук получился очень громким, и ощущение вышло премерзкое: сверху вниз по позвоночнику пробежало нечто вроде неприятной щекотки. Мысли, посетившие меня в этот момент, были ненамного более позитивными. Это же надо было так глупо попасться?

— Сию секунду бросьте оружие! — рявкнул Ансель.

Самым ужасным было то, что и Орвин, и Кейл послушались. Правда, нехотя и нарочито медленно, но всё-таки опустили на землю свои клинки.

Способы выхода из создавшегося положения метались в мозгу остервеневшими, загнанными птицами. Мы стояли всего в паре шагов от обрыва. Если с силой качнусь назад, подтолкну Анселя в нужную сторону, и есть шанс, что он полетит вниз. Это был огромный плюс. Минус заключался в том, что вместе с ним упаду и я. Правда, я сыграла не совсем честно, не полностью выполнив условия из письма Охотника: небольшое зеркальце в сумке всё же имелось. Если я сумею вытащить его и проникнуть в подпространство налету, выживу. Но каковы шансы осуществить все эти действия во время падения в пропасть, я понятия не имела. А подготовиться заранее нельзя: кронпринц непременно заметит, чем я занята.

Впрочем, зеркальце — не единственное, в чём я пошла против воли Охотника. Я почувствовала, как, движимая давлением изнутри, выскочила пробка висевшей на поясе фляги.

— А ты однако же сталоченьвидным мужчиной, — едко заметила я.

Готова поспорить, что лицо Анселя стало в этот момент пунцовым. Но, главное, он инстинктивно попытался отстраниться, чтобы не касаться меня своим сильно увеличенным достоинством. Не от целомудренности, конечно, просто неприятно лишний раз демонстрировать своё уродство. На это и был мой расчёт. Кинжала принц не отвёл, но я сумела увернуться. Он бы, конечно, перехватил меня заново, но тут из бутылки вырвался Хаш. Дохнуло холодом, кругом как будто потемнело, а змий, стремительно увеличивающийся в размерах (сейчас он казался раза в полтора крупнее человека) завис в воздухе, глядя Анселю в глаза немигающим взглядом.

Кронпринц вздрогнул и выронил оружие. Сталь с жалобным звоном ударилась о камень. А Хаш

распахнул пасть, демонстрируя тонкие острые зубы, и ринулся прямо на Анселя. Тот в ужасе отпрянул, замахал руками, потеряв равновесие, но, так и не сумев удержаться на самом краю, с криком полетел в пропасть.

Змий уменьшился до своих привычных размеров, развернулся к неподвижно наблюдавшим за этой сценой мужчинам, шикнул на них для острастки и нырнул во флягу. Несколько капель рома выплеснулось наружу единственным напоминанием о недавнем присутствии потустороннего существа.

— Жива?

Орвин метнулся ко мне, заставил запрокинуть голову и коснулся шеи там, где к ней недавно прижимался клинок Анселя.

— Всё нормально, — утомлённо ответила я.

Впрочем, опереться на мужскую руку оказалось очень даже кстати. Я думала, что сделана из материала покрепче. А нервишки-то, оказывается, шалят.

Шаг, другой. Отступить подальше от края пропасти было не лишним.

— Кейл, освободи Этнею! — окликнул декана Орвин. — Пара убираться отсюда. Надо бы успеть одолеть спуск до заката.

Я вскинула голову, затем сочувственно сжала предплечье принца.

— Он не освободит Этнею.

Мои слова прозвучали весьма отчётливо, невзирая даже на фоновый шум водопада.

— Почему? — недоумённо спросил Орвин.

— Потому что он и есть Охотник, — ответила я, глядя Кейлу прямо в глаза.

Глава 16. Первозданное зеркало

— Что? — недоверчиво переспросил Орвин. Перевёл взгляд с неподвижно застывшего декана на меня и, кажется, попытался оценить моё состояние, заподозрив, что я попросту не пришла в себя от потрясения. — Ведь это же был Ансель. Он придумал историю с Охотником, чтобы отделаться от нас с Этнеей.

— Нет. — Я уверенно покачала головой, по-прежнему глядя исключительно на Кейла. — Ансель просто воспользовался ситуацией. Мы с тобой не слишком-то зашифровались во дворце. Наверняка у него были шпионы, которые подслушали наш разговор. В спальне принцессы или в саду. Доложили вашему брату, он понял, что это — шанс, и помчался сюда. Успел раньше нас, потому что воспользовался дворцовым порталом. Такой ведь существует, верно?

Я наконец повернула голову к Орвину. Он кивнул.

— Возможно, Ансель надеялся, что Охотник уничтожит нас сам, и планировал только наблюдать. Однако же пистолеты на всякий случай прихватил. А когда прибыл на место, совсем незадолго до нас, обнаружил здесь лишь связанную Этнеею. И решил, что важные вопросы лучше решать самостоятельно. Уж не знаю, где находился Охотник в этот момент.

— Надо было кое-что подготовить. И всё-таки любопытно, как ты узнала?

Кейл смотрел на меня с нескрываемым уважением, вот только не было теперь в его облике и намёка на прежнюю уязвимость, сконфуженность или неловкость. Перед нами стоял человек, уверенный в себе — настолько, что мог признать достоинства противника без урона для собственного эго.

— Я подозревала. Не только тебя, правда. Не зря же я все эти недели околачивалась в институте. Тот факт, что ты — стихийник, сбил меня с толку и заставил смотреть в другую сторону. Но в последнее время слишком многое стало указывать на тебя. Ты заподозрил неладное, когда Ансель выманил меня во дворец, и даже предупредил Орвина. Ты объяснил всё дурным предчувствием и, по идее, почему бы нет? Ведь главное, что ты оказался прав. Но я — немного учёный и предпочитаю логические объяснения. Например: если бы ты был Охотником, то точно знал бы, что нового преступления не случилось, и письмо из дворца — ловушка.

Кейл одобрительно хмыкнул, но ничего не сказал, предоставляя мне возможность продолжить.

— Дальше, — не стала разочаровывать его я, — пропала принцесса, и мы быстро поняли, что она покинула дворец добровольно. С кем-то, кому доверяла. Наверняка не обошлось без романтических настроений. И тут я вспомнила, как Ансель намекнул на твои гипотетические отношения с его сестрой. Тогда это показалось глупостью, но, если вдуматься, одного случайного танца на балу было бы недостаточно для подобных намёков.

Этнеея зажмурилась и низко опустила голову, должно быть, кляня себя за недавнюю наивность. Увы, девочка, наивность лечится только так. Болью, разочарованием, неоправданными ожиданиями, печальными последствиями собственных ошибок.

— И наконец, мы виделись с Кроном, как раз когда он собирался на свою последнюю встречу — ту, с которой уже не вернулся. Разумеется, он не назвал мне имя своего информатора. Но готовился очень тщательно, обвешивался амулетами, и знаешь, в чём штука? В основном это были амулеты, защищающие от огненной магии. Кстати, не объяснишь, как такое возможно? Ведь стихийник и зеркальщик — это несовместимые понятия.

— Я не стихийник, — улыбнулся Кейл.

— Этот вывод напрашивается сам собой, — кивнула я. — Но как же твоя головокружительная карьера? К тому же я сама видела тебя в действии. Или какой-то талантливый огненник прятался в аудитории и делал всё за тебя?

— Нет, почему же, я всё выполнял лично, — заверил Кейл. — Только это не колдовство, а фокусы. Впечатляющие, правда? И очень убедительные, когда надо продемонстрировать магические способности. Меня обучил им один талантливый парень из бродячего цирка. Правда, у нас, в Эльмирге, такие представления не пользуются успехом. Зрителю неинтересно виртуозное мастерство артиста, когда всё то же самое может с лёгкостью исполнить маг. Поэтому номера с огнём обычно не показывают. А вот в заморских странах, там, где стихийники — большая редкость, цирковая программа выглядит несколько иначе. Так или иначе, я обучился, потом отточил навыки, потом сам кое-что усовершенствовал. И вуаля! — Он театрально развёл руками. — Никто не заподозрит во мне зеркальщика. Кроме тебя, конечно. Но это уже другая история.

— Действительно впечатляюще, — согласилась я. — Но ведь для карьеры трюков недостаточно.

— Иностраннный диплом я купил, — сообщил он, пренебрежительно поведя плечом. — Научные статьи поначалу тоже покупал, затем, когда в достаточной мере изучил тему, стал писать самостоятельно. Не везде ведь требуются опыты. Теоретических знаний вполне достаточно. Так и в преподавании. Кстати, я такой не один. Очень многие лекторы сильнее в теории, чем в практике. Да вот наш ректор, например. Отличный парень, идеально подходит для своей работы, что бы там ни ворчал вечно недовольный Джейкоб, и теоретик весьма неплохой. А вот когда доходит до дела, не может как следует проконтролировать уровень силы. Особенно если взволнован. Словом, внедриться оказалось не так уж сложно. Конечно, это потребовало времени и упорства, но у меня было и то, и другое.

— И это подводит нас к самому главному вопросу. Зачем?

Я всё ещё не видела ответа. Затеять такую сложную игру длиной как минимум в несколько лет. Ради чего? Да, ключи открывали массу возможностей, но маг его уровня и без того мог многого добиться, и он не раз продемонстрировал это на деле.

Кейл снова улыбнулся, но так, что мурашки пробежали по телу. Казалось, вокруг похолодало так же, как при недавнем явлении Хаша.

— Думаю, ты сама должна понять. Ведь тебе знакомо всё то, через что прошёл я. Чудовищная несправедливость. Отчаяние. Неспособность что-либо изменить. Ненависть к миру, который допускает и принимает подобное. Ты только не сделала последний шаг.

Я помолчала, потом медленно кивнула, кажется, к неудовольствию стоявшего рядом Орвина. Да, я понимала. Практически с самого начала, мысленно заглядывая в глаза Охотнику, я видела в них своё отражение. Правда, когда всё закончилось, я забилась в скорлупку, а не стала мстить. Но кто сказал, что так лучше? Я точно не была счастлива в своём выборе.

И всё-таки что послужило причиной? Впрочем, кажется, я догадывалась.

— Твои жена и дочь? Но ты говорил, они умерли от болезни. Значит, никто не виноват?..

— О, виноваты, и ещё как! — Он снова улыбался, и эта улыбка была такой же страшной. — Я расскажу тебе, как всё происходило в то время. Их высочествам тоже будет полезно послушать.

— Может быть, моей сестре полезнее будет послушать, если ты её развяжешь? — процедил Орвин.

Я полагала, Кейл пошлёт его куда подальше, но нет.

— Ничего не имею против. При условии, что она останется на месте, — предупредил он, после чего извлёк кинжал и перерезал сначала шарф, а затем и верёвки, которыми принцесса была привязана к стулу. — Роль Этней в сегодняшних событиях, возможно, незначительна, но она ещё не закончена. Итак, сыпной тиф. Болезнь унесла много жизней, и Эдбальд очень боялся её распространения по Эльмирге. И умные люди предложили средство. Знаете, какое?

— Карантин, я так полагаю, — откликнулась я. — Перекрыли те графства, в которых успела вспыхнуть эпидемия.

— Верно, — подтвердил Кейл. — А знаешь, как это происходило? Даже мышь не должна была проشمывать в ту или иную сторону. Столь тщательно охранять целое графство невозможно. Поэтому поступали просто. Всех жителей заставляли съехаться в одно поселение. Как правило это бывал небольшой местный городок. И вот его-то уже огораживали высоченным забором. Их возводили очень быстро, не без помощи нашего брата мага, разумеется. Людей, которые жили на большой территории, в своих домах, и имели неплохой шанс пересидеть там вспышку болезни, попросту выкидывали на улицу, сгоняли в толпы и отправляли в заражённый город. На постоянные дворы, в сараи, куда набивались десятками, на улицу — кому как повезёт. По сути — приговаривали к смерти. Знаешь, какой ничтожный процент выживших был в таких городах?

— Могу себе представить, — мрачно кивнула я. — Твои жена и дочь оказались такими жертвами?

— Они были здоровы, когда их отправили в Тольн.

Я мало что знала об этом городке, однако название прозвучало знакомо, и, кажется, слышать его мне доводилось именно в контексте эпидемии.

— Я успел увидеть их, когда город закрывали. — Кейл выглядел совершенно спокойным, только голос звучал глухо. Да и спокойствие, по правде сказать, было настолько неестественным, что волосы вставали дыбом. — Приехал, хотел забрать, но куда там? Ничем не примечательный зеркальщик первого уровня, честно и мирно работавший в скромной конторе. Без связей, без положения в обществе, если не считать взаимного уважения и доверительных отношений с соседями. Никто меня и слушать не стал. Они стояли у самой ограды. Жена держала дочку на

руках. Я пытался дотянуться до них хотя бы кончиками пальцев, но меня оттолкнули, а дальше их увели вместе с остальными. Я видел их тогда в последний раз.

— Мне очень жаль.

Можно было представить себе чувства отца и мужа, который считал себя обязанным защитить своих женщин, но не имел возможности это сделать. Ярость и бессилие. И горе, когда ударом под дых пришло окончательное извещение. Наверняка с опозданием, учитывая тогдашние реалии. И даже похоронить было некого: тела умерших от болезни, по понятным причинам, сжигали. И на могилу не прийти. Какой сбой мог дать безупречный до того момента мозг?

— Ты, сказал, что прежде владел только первым уровнем глубин. Но сейчас у тебя точно третий. Значит, скачок произошёл именно тогда?

— Чуть позже. Когда я получил официальное письмо с соболезнаваниями. Помню, я хотел напиться, но вместо этого прошёл в подпространство, сам не знаю, зачем. Просто шёл, не разбирая дороги, не отслеживая ориентиры. Думаю, я подсознательно хотел заблудиться и потеряться там навсегда. А вместо этого сам не понял, как спустился сначала на второй уровень, а потом и на третий. Замена, скажу тебе, неравноценная. Но кое-что новые способности мне дали.

Вот почему о нём никто не знал. Зеркальщиков первого уровня хоть пруд пруди, то ли дело третий! Учёт последних ведётся чрезвычайно тщательно. Они не могут внезапно исчезнуть, а потом появиться в столице в новом образе. Другое дело никому неизвестный, можно сказать, среднестатистический горожанин. Затерялся в одном из периферийных городков какой-нибудь Джек Браун, а в Институте магии и стихий появился Кейл Грант, проходивший до сих пор обучение за границей и потому малоизвестный в местных научных кругах.

— И ты решил отомстить, — заключила я. — Эдбальду, я так полагаю?

— Эдбальду? — презрительно ухмыльнулся Кейл, бросив мимолётный взгляд на Орвина, а затем на Этнею. Он вообще периодически поглядывал на принцессу. Казалось бы, между делом, и с мысли при этом не сбивался. Но такого внимания было достаточно, чтобы удержать девушку и её брата от необдуманных поступков. — С какой бы стати? Кто он, в сущности, такой?

— Вообще-то сама я была не против ему отомстить, — заметила я немного обиженно. — Но ты окончательно меня запутал. Если не королю, тогда кому же?

— Это — последний шаг, который ты, в отличие от меня, не сделала. Но посуди сама. В истории с эпидемией, как и во многих других, Эдбальд был немногим больше пешки. Он делал то, что рекомендовали советники, то, что принимал народ, то, что подсказывала окружающая реальность. Ну, убил бы я его, ну, взойшло бы на престол это ничтожество. — Взгляд Кейла красноречиво скользнул в направлении пропасти. — Неужели что-то изменилось бы к лучшему? Скорее наоборот. Люди согласны с решением Эдбальда. Они полагают возможным сравнивать ценность двухсот жизней и двух тысяч, даже не задумываясь о том, что каждая душа — бесконечна, и математические подсчёты здесь неуместны. И в то же время, какими бы ни были правила и законы, их действие не распространяется на тех, кто чуть повыше рангом. Будь то наследник престола или, — он усмехнулся, — декан. Можно приговорить невинного человека к смерти: что тут такого, верно, ваше высочество? если на второй чаше весов лежит судьба страны. Или судьба одного частного лица, которому, волей случая, положено больше. Таковы правила игры, и их принимают все — от бедного пекаря в скромной избушке до короля в столичном дворце. В сущности, в этой игре давно не осталось ферзей. Есть пешки, которых съедают, и пешки, которым везёт добраться до противоположного конца доски. Этот мир прогнал насквозь, и его уже невозможно очистить от гнили. Только уничтожить.

— Именно это ты и собираешься сделать?

— Хватит разговоров, — отрезал он. — Закат совсем скоро. Пора завершить начатое. Её высочество отправится со мной.

Принцесса вздрогнула, когда Кейл опустил руку на её плечо, хотя в этом прикосновении не было ни похоти, ни болезненности. Однако оно очень точно отражало расстановку сил. Её реакция не укрылась от внимания декана.

— Сожалею, Этнея. Я не хотел бы впутывать тебя в это дело, но так уж случилось, что именно тебе достался один из ключей. Не знаю, с какой стати эту ношу навесили на совсем юную девушку. Но это лишний раз демонстрирует несправедливость — мира или Эдбальда, тут уж тебе решать.

— Полагаешь, справедливо наказывать её ещё сильнее? — снова вмешалась я.

— Справедливости нет, — ответил Кейл, намного резче, чем говорил до сих пор. Почти прокричал. — Ты, Йоланда, знаешь об этом лучше многих. Возможно, даже лучше меня. В любом

случае, я не собираюсь задерживать принцессу дольше, чем будет необходимо. Напомню, что это самый гуманный способ воспользоваться её ключом. Альтернатива — убить её и снять ключ с тела. Кто-нибудь из присутствующих предпочитает такой вариант?

Этнея судорожно сглотнула, но не более того. Надо отдать девочке должное: она изо всех сил старалась держать лицо.

— Попробуй только, — процедил Орвин.

— Здесь вы не распоряжаетесь, ваше высочество, — откликнулся Кейл. — Я уважаю вас и ваши принципы, но в данный момент балом правит магия. И тут вы бессильны. Но я держу своё обещание. Я отпущу принцессу, как только путь к Зеркалу будет открыт.

— А нас с Орвином? — поинтересовалась я.

Кейл едва заметно поморщился: кажется, ему не понравилась формулировка «нас».

— Принца я и сейчас не держу, — отозвался он. — Я с самого начала не настаивал на его присутствии. Я позволил ему прийти, чтобы забрать Этнею и помочь ей вернуться в долину... если это ещё будет иметь какое-то значение.

— А как насчёт меня?

Я сощурилась, внимательно наблюдая за Охотником. Быть может, это наивно с моей стороны, но я рассчитывала почувствовать, если он солжёт. Впрочем, проверять мою проницательность не пришлось: Кейл сказал чистую правду.

— А ты пойдёшь со мной. Я мог бы долго уговаривать тебя, расписывать преимущества такого шага. Но зачем? У тебя тоже есть свои принципы, и они не позволят сделать правильный выбор. Поэтому я просто ставлю тебя перед фактом.

— И на том спасибо, — пробормотала я.

— Идём, Этнея, — поторопил Кейл, после чего обратился к нам с Орвином: — Я жду вас у Зеркала. Надеюсь, вы не задержитесь слишком долго.

Они направились прямо к водопаду. Оказалось, что там, за его струями, прятался вход в пещеру. Достаточно высокий, чтобы взрослый мужчина среднего роста мог войти, лишь слегка пригнувшись.

Я же, напротив, запрокинула голову, чтобы посмотреть в закатное небо. В вышине, ещё не успевшей покрыться звёздами, парил, широко раскинув крылья, одинокий орёл. Наверное, очень забавно было наблюдать за нами с высоты его полёта. Две маленькие тёмные фигурки в ловушке между горным пиком и пропастью, в кровавом свете опускающегося за горы диска.

— Нам нужен план. Хотя бы какой-то, — быстро заговорил Орвин. — В основном придётся действовать по обстоятельствам, но...

— Ты прав, — перебила я, улыбнувшись, хотя и не без грусти. — План нужен, и он у нас есть. Продолжаем действовать так, как собирались. Твоя задача — обеспечить безопасность Этнеи, как бы ни стали развиваться события. Забрать её, вывести из пещеры и как можно скорее доставить в ближайшее поселение. А Охотник — это уже моё дело.

— Думаешь, ты справишься в одиночку? — возразил Орвин. — Я не преуменьшаю твои способности, Йоланда. Ты — талантливый маг, может быть, гениальный. Но не забывай: он победил Крона.

Я могла бы напомнить, что, в свою очередь, победила Гилберта, но это было бы глупо. Ведь я отлично понимала, о чём говорит принц. И знала, что он абсолютно прав.

— Кейл очень силен. И он опережает меня, по меньшей мере — тем, что лучше подготовлен к предстоящим событиям. Ведь он сам их спланировал. Но я должна как минимум попытаться. Ведь именно за этим меня и нанял твой отец, разве не так? Я справлюсь, Орвин. Думаю, что сумею справиться, как бы силен он ни был. Вопрос в том, какой ценой. Ну тут уж дело такое. Кейл сказал верно: бывают случаи, когда становится не до подсчётов.

Принц собирался перебить меня. Хотел попытаться переубедить, отговорить от чрезмерного риска, но я покачала головой, а потом беззвучно рассмеялась.

— Это нестрашно, Орвин. Я сама почти не боюсь. Почему, ты думаешь, я согласилась на предложение твоего отца? Я ведь, по сути, уже не жила к тому моменту, когда вы так бесцеремонно ворвались в моё уютное убежище. Скорее доживала свои дни. И дело совсем не в том, сколько мне оставалось. *Доживать* можно не только несколько часов, недель или месяцев. Доживать можно и

долгие десятки лет. И я сочла, что схватка с заведомо сильным противником — лучше медленного и бесславного угасания в маленьком домике на краю земли. Так что я готова к такому исходу, Орвин. Была готова с самого начала.

Я подняла голову, распрямила плечи и, следуя внезапному порыву, протянула руку.

— Для меня было честью вести расследование вместе с вами, ваше высочество Орвин дель Фронси.

Он не стал отговаривать меня, спорить или сотрясать воздух ненужным выражением эмоций. Просто тоже вытянул руку.

— Для меня было честью служить стране бок о бок с вами, магистр Йоланда Блэр.

Так, взявшись за руки, мы ступили под свод пещеры. Солнце за нашими спинами окончательно скрылось среди склонов.

Пещера, наверняка естественного происхождения, оказалась не слишком длинной. Неровный потолок иногда был достаточно высоким, чтобы идти, гордо расправив плечи, а иногда, напротив, принуждал робко пригнуться. Тоннель освещали предусмотрительно зажжённые факелы, молчаливо свидетельствуя: Кейл действительно подготовился к встрече.

В скором времени коридор расширился, превращаясь в своеобразную подземную комнату, судя по неровности стен, тоже нерукотворную, и мы поняли, что пришли. Охотник и хранительница уже были здесь. Принцесса осторожно осматривалась, от напряжения напоминая натянутую струну. Кейл внешне был само спокойствие, однако нездоровый блеск глаз выдавал его волнение: как-никак к этой цели он методично продвигался много лет.

— Вот наконец и вы, — не без раздражения поприветствовал он, на всякий случай подходя ближе к Этнее. — Йоланда, пройди сюда. Вы, принц, оставайтесь у входа.

Орвин до поры до времени послушно замер. Если и действовать вопреки желаниям Охотника, то не сейчас, не так откровенно, не напоказ, а когда последний будет меньше всего этого ожидать. Правильная стратегия, и я улыбнулась уголками губ. Мои предсказания сбывались: мальчик стремительно превращался в мужчину.

Сама я так же послушно, хотя и неспешно, приблизилась к Кейлу.

— Сюда, — кивком головы указал он.

Собственно, несложно было догадаться, где именно он желал видеть нас с принцессой. Образование, более всего напоминавшее круглую каменную тумбу, располагалось в самом центре пещеры. Здесь люди точно потрудились, по меньшей мере, придавая камню необходимую форму. Не исключено, что в древности, в пресловутом Золотом Святилище, его использовали как алтарь. Теперь же на круглой поверхности застыла конструкция, вне всяких сомнений исполнявшая роль своеобразного замка. Это было очевидно, поскольку по диаметру на одинаковом расстоянии друг от друга зияли семь скважин, а возле пяти из них в воздухе застыли ключи. Мы с Этнеей заняли оставшиеся два места.

— Снимите ключи и проверните в замке, — распорядился Кейл.

Принцесса вопросительно посмотрела на меня. Я ободряюще кивнула. Вряд ли это было заметно остальным, но я хорошо видела протянувшуюся от Охотника к Этнее нить, которая, пожелай он её задействовать, могла мгновенно лишить девушку жизни, наподобие молнии. Пока приходилось играть по чужим правилам. Впрочем, я была к этому готова и потому не слишком расстроилась.

Принцесса потянула руки к шее, расстегнула цепочку...

Два ключа, им лишь покой —

Лорд и господин.

Но ты поверила в любовь —

И ключ уже один.

Мы почти одновременно вставили ключи в скважины. Пять их братьев пришли в движение по мановению руки Кейла. Он управлял ими при помощи небольшого зеркала, закреплённого под потолком. Семь щелчков набатом прогремели в ушах. Семь синхронных поворотов запустили

неведомый механизм...

Ключ последний из семи,

Мой или ничей?

Я просто говорю: «Возьми» -

И больше нет ключей.

Внезапно дальняя стена пещеры стала бесшумно сдвигаться в сторону. Ровно настолько, чтобы нашим глазам открылось высокое зеркало, занимающее всё пространство от пола до потолка. Его поверхность казалась мутной, зеленоватой, словно смотришь в водную гладь старого пруда. Я приподнялась на цыпочки, на миг забывая обо всех перипетиях и конфликтах, испытывая чувство, чрезвычайно похожее на священный трепет. Точно знаю: Кейл всецело разделял мои эмоции. Не уверена насчёт остальных.

Взяв принцессу за запястье, он подошёл к Зеркалу. Приложил руку к стеклу и застыл, прислушиваясь к ощущениям. Затем повернулся ко мне.

— Пойдём!

И шагнул вместе с Этнеей в зазеркалье. Это заставило меня поторопиться.

Совершить переход оказалось не сложнее, чем всегда. Но уши заложила особая, густая, обволакивающая тишина. Пересиливая желание полностью сосредоточиться на свойствах окружающего подпространства, я окликнула Кейла.

— Ты обещал отпустить Этнею.

Он посмотрел почти удивлённо, будто я говорила о слишком малозначущих вещах. Едва заметно склонил голову и вытолкнул принцессу наружу, прямо в руки её подросевшего брата. Орвин принял девушку, помог ей восстановить равновесие и приложил ладонь к зеркальной поверхности. Он точно хотел бы последовать за нами, но не мог, наткнувшись на прочную преграду, какой является для обычного человека любое, даже самое традиционное, зеркало. Я приподняла руку в прощальном жесте и повернулась к пещере спиной. Ещё не ведая о том, что принц выведет Этнею наружу, подробно объяснит ей, как добраться до наших лошадей, а затем спуститься в ближайшее поселение... и вернётся назад.

Внешне всё было похоже на другие уровни подпространства. Но я ни секунды не сомневалась, что нахожусь на четвёртом. Неуловимое ощущение, пронизывающее окружающий мир. Пьянящий, будто слегка разреженный, воздух, ласкающая кожу тишина, покалывание в кончиках пальцев. Пласт существования, запретный для людей. Практически недоступный и невероятно манящий.

И вновь мне стоило труда переключить внимание.

— Ты хотел, чтобы я пошла с тобой. Я здесь. Что теперь? Что тебе нужно?

Кейл, тоже исследовавший или, точнее, впитывавший окружающую атмосферу, посмотрел на меня без тени агрессии или опаски.

— Ничего. — Он слабо улыбнулся такой знакомой и ставшей родной улыбкой, чуть-чуть виноватой, уязвимой, славной. — Скоро снаружи начнётся светопреставление. Я хотел, чтобы ты была в безопасности.

— Одна из всех людей? — недоверчиво переспросила я.

Кейл пожал плечами, и отчего-то именно этот жест, как никакой другой, обозначал сейчас положительный ответ.

— Ты прошла через ад, Йоланда. И, как никто, заслужила рай. Красоту, тишину, спокойствие. Я решил, что могу дать тебе всё это. Конечно, в теории я хотел бы большего, но это — дело добровольное. Я просто хочу, чтобы тебе было хорошо.

— Ты дважды спасал меня от Ансея, — медленно проговорила я. — А теперь спасаешь от себя?

Он улыбнулся и молча развёл руками — дескать, может, и так, решай сама.

Снова огляделся. Затем медленно провёл из стороны в сторону рукой с раскрытой ладонью. Перед нами, на месте кристаллического кустарника, возникла увитая виноградом беседка. Деревянные

стенки были украшены изящными узорами, гроздь крупных фиолетовых ягод тянулись к земле, роскошные люпины почти перегораживали вход. Райская птица приземлилась на крышу, постучала клювом по перекладине, раскрыла крыло, чтобы почистить перья.

Это было завораживающе. А между тем сад разрастался кругом со стремительной скоростью. Узкие дорожки, напоминающие лесные, вились среди травы и клумб. Яблони и миндалевые деревья, будто припорошенные снегом, роняли на землю белые и чуть розоватые лепестки. Крохотные птички с длинными клювами, оранжевые, ярко-синие и изумрудно-зелёные, перелетали от цветка к цветку, лакомясь пылью.

Четвёртый уровень зеркальных глубин работает по тому же принципу, что и третий. По принципу противоположностей. Вот только возможности он открывает неограниченные. И чем больше красоты, света и жизни создавал здесь Кейл, тем сильнее погружалась реальность в пучину уродства, тьмы и смертей. Передо мной не было отражений, да и не могут зеркала, даже самые мощные из них, показывать будущее. Но я легко представила себе эти картины. Морские воды, накрывшие целый континент, и хищные рыбы, выскакивающие на поверхность в поисках выживших. Жалкие клочки суши, открытые всем ветрам. Горячая лава, выплёскивающаяся из переполненных жерл.

Это ещё не происходило. Изменения такого уровня не мгновенны. Однако процесс был запущен. Раскачивался маятник, отсчитывая последние часы или минуты знакомого мира. Зарождались где-то посреди океана огромные волны. клубились над горными вершинами, ожидая попутного ветра, бесконечные тучи, не в пример страшнее той, которую так неосторожно создал однажды ректор Института магии и стихий. Стонала земля в преддверии мощнейших толчков.

Мир невозможно уничтожить, сохранив при этом само подпространство. Реальность и отражение неразрывно связаны, даже если поменять их местами. И как только снаружи не останется ничего, кроме пустоты, зеркала взорвутся, разлетятся на миллиарды блестящих осколков. Мир нельзя уничтожить, но можно превратить его в ад, поставив человечество перед лицом суровой борьбы за выживание, в которой просто не останется места для ненавидимой Кейлом гнили...

Он действительно увёл меня в самое безопасное место. Два человека в райском саду, будто на островке посреди штормящего моря. Он предупредил Орвина о грозившей мне опасности, рискуя выдать себя таким всезнанием. Он бросился на Ансея возле водопада, рискуя собственной жизнью. Он практически силой заставил меня шагнуть за грань Первозданного зеркала, рискуя навсегда утратить моё расположение. Как же странно. Кейл в тысячу раз благороднее кронпринца, но жизнь распорядилась так, что именно самый благородный стал угрозой для всего сущего.

Я подошла ближе. Он перестал ворожить, глядя на меня с долей настороженности.

— Спасибо, — сказала я, сморгнув выступившие на глазах слёзы.

И просто обняла его.

Мне только показалось, или в самое последнее мгновение он понял, что произойдёт? Понял, но не отстранился...

Четвёртый уровень зеркальных глубин работает по тому же принципу, что и третий. И чем больше искренней нежности, благодарности, любви было в моих объятиях, тем более разрушительная сила обрушивалась на отражение Кейла там, в пещере, в оставшейся за стеклом реальности.

Я прижалась влажной щекой к груди мужчины, который любил и защищал меня, как никто другой. «Прости...»

И смертоносная волна такой мощи хлынула на незеркального Кейла, что он просто рассыпался прахом. И в тот же самый миг здесь, в подпространстве, я почувствовала, что руки мои обнимают пустоту. Нет отражения — нет и того, кто его отбрасывает. Природа всегда восстанавливает баланс.

Слёзы текли по моему лицу, а под ногами начинала дрожать земля.

Чары мага не развеиваются в момент его смерти, но то — завершённые чары. Кейл же не успел закончить колдовство и удерживал его под контролем собственными силами. Теперь же, когда его не стало, невиданная доселе магическая мощь, никем не управляемая, хлынула туда, откуда была родом.

Стены затряслись, пол закачался подо мной, как если бы я стояла на палубе в сильный шторм. С потолка, ещё недавно так похожего на небо, полетели вниз всё более крупные камни. Тревожно зазвенели кристаллы, разбивались одна за другой стеклянные травинки. Верх и низ, право и лево слились в едином безумном круговороте.

Наступил момент, когда я не удержалась на ногах. Подняться уже не пыталась, лишь удобнее устроилась на усыпанной обломками земле, раскинув руки, и посмотрела прямо в небо, проливающееся каменным дождём. Хороший конец. Нескучный, в меру драматичный и своевременный. Такой, как хотела.

Я уже не обращала внимание на мелкие царапины, на струйки крови, питавшие пол, просто лежала и ждала Того, последнего, камня, который завершит моё существование. Вот-вот должно было исчезнуть с лица земли и Первозданное зеркало. Единственная ниточка, связывающая человечество с четвёртым уровнем глубин. Я успела подумать, что, кажется, этот момент настал, когда сознание покинуло меня.

И потому не увидела и не почувствовала, как принц Орвин дель Фронси, не имеющий магических способностей, промчался, прикрывая голову руками, под смертоносным дождём, подхватил меня на руки и, развернувшись, бросился обратно, к закрывающейся навеки двери в реальный мир.

Эпилог

— Итак, я надеюсь, все хорошо запомнили то, что мы сейчас обсудили.

Эдбальд обвёл присутствующих суровым взглядом. Известия о недавних событиях отразились на короле не лучшим образом: в движениях наблюдалась нервозность, на лбу пролегли новые морщины, а в волосах ощутимо прибавилось седины. Но это отнюдь не мешало ему строго контролировать как королевство, так и ход совещания.

Участвовали в последнем, кстати сказать, немногие. Помимо его величества и меня (приглашённую, полагаю, исключительно как свидетельницу случившегося в Золотом Святилище), в зале присутствовал вездесущий канцлер, двое министров и двое придворных магов: Флора как представитель стихийников и Шейд как специалист по отражениям. Слуги остались за дверьми, а звукоизоляция здесь, насколько мне известно, была отменная.

— Его высочество принц Ансель Эльмиррский, — Эдбальд говорил, будто вбивал молотком гвозди, — вступил в неравный бой с зеркальным магом и пал смертью храбрых, защищая свою страну.

Присутствующие склонили головы, я поступила так же. Репутация наследника — это в большой степени репутация государства. Я не дала бы Анселю спуска, пока он был жив, но сейчас, когда его не стало, и он никому уже не мог причинить вреда, пусть будет смерть храбрых. Мне не жалко.

— Декан факультета стихий... — продолжил было Эдбальд, и вот тут я вмешалась.

— ...тоже геройски погиб в борьбе с Охотником, — закончила я за короля не менее веским тоном.

Монарх уставился на меня в высшей степени недоволено. Флора что-то шепнула на ухо Шейду, и в зале снова установилась гнетущая тишина.

— С какой ещё стати? — проворчал Эдбальд.

— Я настаиваю на этой формулировке, — ответила я, выдерживая его взгляд.

— Но это ложь, — заметил канцлер.

— Не большая, чем в случае с Ансельмом, — парировала я.

Упоминание о сыне вывело короля из себя, он поднялся на ноги и опёрся руками о край стола, буравя меня гневным взглядом. Всем остальным тоже пришлось встать, ибо недопустимо сидеть в присутствии стоящего монарха.

— Ансель не был государственным преступником, — процедил Эдбальд.

А я подумала, что дело вовсе не в этом. Собственно, утверждение короля даже не соответствовало действительности. Ансель пытался убить Орвина и Этнею, и, если первое ещё можно было отнести к сугубо уголовной сфере, последнее точно подпадало под понятие государственной измены. Суть протеста сводилась к тому, о чём не так давно говорил Кейл. Есть вещи, которые одним прощаются, а другим — нет, будь то при жизни или посмертно. В случае с принцем глаза прикроют на что угодно. То ли дело какой-то маг из института... Но я не готова была уступить.

— Этот мужлан злоумышлял против нас всех, — продолжал король. — Против государства, а, вероятно, и против целого мира.

— По причинам, которые я здесь озвучила, — не моргнув глазом, напомнила я. — Вы ведь не хотите, чтобы и они стали достоянием гласности? Угроза предотвращена, и, как вам известно, я принимала в этой операции непосредственное участие. Но самое меньшее, что мы можем сделать, восстанавливая справедливость, — это оставить за Кейлом Грантом его доброе имя. В противном случае я лично распространю информацию о том, как всё происходило на самом деле.

Мы с королём стояли друг против друга примерно в одинаковых позах, а остальные члены совета, полагаю, гадали, какой именно казни я буду подвергнута в самое ближайшее время.

— Ты понимаешь, что можешь не выйти из этого зала? — подтвердил предположения присутствующих Эдбальд.

— Понимаю, — кивнула я. — Но, думаете, это поможет? Кроме меня, есть и другие свидетели всего, что случилось.

— Какие ещё свидетели? — без особого доверия спросил монарх.

Конечно, ведь перед ним на столе лежал подробнейший доклад, в котором были перечислены все

действующие лица.

— Ваши дети. Полагаете, если я не покину стен дворца, они станут молчать?

Он продолжал буравить меня взглядом, должно быть, минуты две. Тишина стояла такая, что ей мог бы позавидовать даже четвёртый уровень зеркальных глубин. Я успела мысленно прикинуть, все ли дела завершила и не следовало ли заблаговременно написать завещание. По всему выходило, что беспокоиться не о чем. Распоряжения касательно дома оставлены, Хаш сумеет сам о себе позаботиться, ректор Крофт погорюет, но найдёт студентам другого учителя, а ключ... Ключа, как и Первозданного зеркала, больше нет.

— Сядь, — наконец обрывая тишину, проворчал Эдбальд. — Все садитесь!

И подал нам пример, сообразив, что в противном случае его приказ останется невыполненным.

— Принимается. — Он повернулся к канцлеру, тот покладисто кивнул. — Декан факультета стихий тоже погиб в неравной борьбе с преступным магом. Магистру Йоланде Блэр за проявленный героизм выделяется награда... в форме благодарности, — заключил он с нескрываемой издёвкой. — Годится?

В глазах его читалась гарантия, что больше ничего я не получу: ни кругленькую сумму, ни домик с садиком. Маленькая королевская месть. Я с трудом сдержала улыбку.

— Разумеется, ваше величество.

— Вот и хорошо, — буркнул он. — Теперь возвращаемся к другим вопросам. Надеюсь, договорённости касательно твоей должности на ближайшие годы мы достигли?

— Да, ваше величество. — Не так чтобы наш уговор приводил меня в восторг, но согласие дано и отступать не годится. — Я возьму на себя обязанности главного придворного мага до тех пор, пока принц Орвин не пройдёт должное обучение. Правда, я давно не служила во дворце, но, надеюсь, коллеги мне помогут.

Я улыбнулась Флоре и Морвейну, и, кажется, получила в ответ искренние улыбки. Борьба за власть никак не входила в мои планы, и это стоило продемонстрировать.

— Хоть одно решение принято без разногласий, — проворчал король. — Шейд, уже известно, сколько лет потребуется принцу?

— Трудно сказать с уверенностью, ваше величество, — проговорил маг. — Случай уникальный. Чтобы человек без каких-либо предпосылок внезапно прошёл сразу на четвёртый уровень...

— Предпосылки, строго говоря, были, — вмешалась я. — Всё-таки среди предков Орвина встречались зеркальщики, да и интерес к этой сфере он проявлял. Но всё равно я согласна с коллегой: случай действительно небывалый.

— Профессор Джейкоб, декан факультета зеркальных глубин, согласился лично заниматься с его высочеством по специально составленной для такого случая программе, — добавила Флора. — Насколько мне известно, их первая беседа должна была состояться непосредственно сегодня.

— Он хороший специалист? — дотошно спросил Эдбальд.

— Глава своего факультета.

Морвейн, похоже, считал, что этим всё сказано, но королю такого ответа явно оказалось недостаточно. Я не удержалась от усмешки. Да-да, ваше величество, я помню, как легко вы готовы раздавать подобные должности.

— Отличный профессионал своего дела, — позволила себе вмешаться я. — Правда, характер у него не сахарный, но, думаю, совместные занятия принесут пользу им обоим.

— По предварительной оценке индивидуальный курс можно будет пройти за три года вместо обычных пяти, — вдохновлённый моей поддержкой, добавил Морвейн. — Точнее сказать нельзя, пока не будет видна динамика уроков. Может понадобится ещё несколько месяцев. Или, наоборот, занятия удастся сократить.

— Не исключено, учитывая, что Орвин обладает неплохой базой теоретических знаний.

— Ну хорошо. — Было очевидно, что король ещё захочет вернуться к этой теме, но на данный момент счёл её исчерпанной. — Что ты сама собираешься делать по истечении этого срока?

— Пока не уверена. Вообще-то профессор Крофт предложил мне ставку в Институте магии и стихий.

Он готов подождать, пока я освобожусь, и в ближайшие годы поручать мне по одной группе в семестр, для практических занятий. Думаю, Джейкоб придёт в ярость, когда узнает, что с ним опять не посоветовались, но в принципе это вариант...

Я задумчиво пожала плечами, давая понять, что пока ещё ни в чём не уверена. А вот Эдбальд как-то странно переглянулся с канцлером.

— Что ж, выбор действительно неплохой, — одобрил он. — Придворный маг и преподаватель Института магии и стихий — звучит как достойный брак. И не будет восприниматься как мезальянс.

И вроде бы всё прозвучало хорошо: благожелательно, оптимистично. Но одно слово заставило меня основательно напрячься.

— Какой такой брак? — поинтересовалась я, крепко сжимая пальцами край стола.

— Твой и Орвина, разумеется, — откликнулся король.

Говорил он таким тоном, как будто это действительно само собой разумелось. Канцлер кашлянул в кулак, кажется, проникшись пикантностью ситуации. Остальные прилагали видимые усилия, чтобы не встретиться со мной взглядом, то есть были в курсе чего-то, о чём не знала я.

— Брак. — Я неспешно повторила это слово. — Мой с Орвином. Ваше величество, а как насчёт того факта, что ваш сын не делал мне предложение, а я его не принимала?

К концу этого вопроса я поднялась на ноги и наклонилась вперёд, нависнув над столом. На монарха это действие не произвело никакого впечатления.

— Ничего страшного. Сделаешь, примешь.

— Так не пойдёт, — покачала головой я, чувствуя, как в груди разгорается ярость. — Я точно помню взятые на себя обязательства. Ловить Охотника — да. Придворный маг — временно. Но я уж точно не давала обещания полностью посвятить свою жизнь королевской семье.

Вот теперь тишина не обволакивала, она звенела. Один из министров повёл ладонью сверху вниз, давая мне знак быть осторожнее, не потому что испытывал лично ко мне симпатию, а из страха перед королевским гневом. И вспышка последнего не заставила себя ждать.

— Этот брак будет заключён, и я не желаю слышать возражений! — рявкнул Эдбальд, тоже вскочив с места. — Ради тебя он рванул на четвёртый уровень! Четвёртый уровень зеркальных глубин — и это человек, который никогда не проявлял магических способностей. Когда кругом всё рушилось и летело в тартарары! Тебе нужны ещё какие-то основания? Выйдешь за него замуж — и точка. Скажи спасибо, что трон за мной наследует Этнея, так что быть королевой тебе не предлагают! Всё, совещание окончено. У меня полно дел, полагаю, что у всех вас тоже.

Почти отшвырнув стул, он быстрым шагом пересёк зал и хлопнул за собой дверью.

— Спасибо, — запоздало пробормотала я себе под нос.

Зал совещаний я покинула в состоянии ходячего мертвеца, не видящего и не слышащего ничего вокруг. Орвину, который поджидал меня, опираясь о лестничные перила, пришлось изрядно постараться, чтобы привлечь моё внимание. Ещё с полминуты потребовалось, чтобы я, приложив усилие воли, вышла из состояния своеобразного транса и наконец благополучно сфокусировала взгляд на принце.

— Йоланда! Что случилось? Плохие новости?

Орвин взял меня за плечи и легонько встряхнул. Я вцепилась обеими руками в его рубашку.

— Он хочет, чтобы мы поженились! — громким шёпотом пожаловалась я.

— Кто?

Принц опешил то ли от моей реакции, то ли от сути сообщённой новости.

— Твой папаша, кто же ещё? — прошипела я.

Отошла подальше от случайных ушей, ухватила обеими руками за широкие деревянные перила.

— Всё-таки надо было его убить!

— Тс-с-с! — одёрнул меня Орвин. — Я ведь уже говорил: никогда не произноси такого вслух!

— Про себя хоть можно? — спросила я, подняв на него жалобный взгляд.

Принц рассмеялся.

— Не так страшен чёрт, как его малюют, — заверил он. — Не волнуйся, с отцом я поговорю. Не знаю, какая муха его укусила, но, думаю, мы всё уладим. И, в любом случае, так дела не делаются.

— Знаем мы, как они делаются, — пробурчала я, испытав, однако же, немалое чувство облегчения. — Вот только не вздумай заявляться ко мне в красивой одежде, вставать на колени и протягивать какое-нибудь дурацкое кольцо.

Я полагала, что вполне удачно пошутила — ну, может быть, не искромётно, но, во всяком случае, соответственно ситуации. Но Орвин не засмеялся и вообще выглядел как-то странно... Как человек, которого застали врасплох.

— Ладно. Не буду, — хмуро пообещал он, после чего, не прощаясь, развернулся и пошёл вниз по лестнице. Я удивлённо взирала на его спину.

Меня пригласили к его высочеству буквально на следующий день. Я пришла во дворец по делам новой службы, но лакей сообщил, что принц просит о встрече. Я не возражала. Принцам порой отказывают, но друзьям — нет.

Правда, памятуя о недавних событиях, я подстраховалась. Оказавшись у дверей, ведущих в покои, спровадила слугу и на всякий случай извлекла кинжал из своего зеркального перстня. А то мало ли кто надумал устроить мне ловушку на этот раз?

Однако оружие я сразу же вернула обратно, поскольку в комнате обнаружился именно Орвин. В целом, это было предсказуемо, но вот остальное, мягко говоря, удивляло...

Начать с того, что принц возлежал на кровати. Да-да, он самым что ни на есть наглым образом валялся поверх одеяла и даже не подумал принять более пристойное положение при моём появлении! Далее, одет его высочество тоже был не вполне цивилизованно. Начать с того, что он был разут. Брюки, по счастью, присутствовали, зато рубашка не была в них заправлена, что являлось грубым нарушением приличий. В придачу на ней была расстёгнута добрая половина пуговиц, открывая вид на грудь и частично — плечи принца.

— Ты не могла бы подойти на минутку? — с ленцой в голосе обратился он ко мне.

Чувствуя, что нечто определённо идёт не так, ибо подобное поведение совершенно не свойственно Орвину, я всё же приблизилась. Приподнявшись на локте, принц схватился за моё кольцо, то самое, крупное, в котором скрывалось небольшое зеркальце, и стянул его с моего пальца. Это было уже слишком.

— Значит, так, — объявила я, отскочив на несколько ярдов и сложив руки на груди. — Либо ты сию же минуту объясняешь, что здесь, чёрт возьми, происходит, либо я начинаю разносить это помещение по камушку.

Я не шутила. Непонимание ситуации и её ненормальность раздражали настолько, что я вполне была готова устроить здесь небольшой разгром.

— Делаю всё так, как ты хотела, — и бровью не поведя, сообщил Орвин.

Я воззрилась на него с высшей степенью недоумения. Желание что-нибудь поблизости разрушить пока никуда не исчезло. Принц понял, что я жду объяснений, и не стал тянуть.

— Ты говорила, чтобы я не приходил к тебе в парадной одежде, не вставал на колени и не надевал на палец кольцо, — напомнил он. — Я поступил с точностью до наоборот. Не пришёл, а вызвал тебя к себе. Оделся не в парадное, а — ну, в общем, сама видишь. Не встал на колени, а разлёгся на кровати. Не подарил кольцо, а стащил твоё. Теперь ты выйдешь за меня замуж?

Я стояла, склонив голову набок, и думала: то ли врезать ему от души, то ли согласиться... Быть может, с человеком, который сделал предложение в такой форме, у меня может что-то получиться?

Я не стремилась выйти замуж. Не стремилась к сколько-нибудь тесным взаимоотношениям с мужчинами. Да и вообще к людскому обществу особенно не тяготела. С другой стороны, что-то изменилось за время моего пребывания в столице. Толпы народу уже не пугали, любопытство студентов не вызывало отторжения, и даже мысль о постоянной работе в Институте магии и стихий казалась теперь по-своему привлекательной. Да и моё изначальное согласие заняться поисками Охотника, если вдуматься, было обусловлено стремлением уберечь этот мир, а, значит, не так уж и

сильно я его ненавидела...

Я всё размышляла, а лицо Орвина окончательно утратило выражение нарочитой беззаботности. Он уже не лежал, а сидел, опустив ноги на пол, и смотрел на меня с нескрываемой печалью, несомненно ожидая отказа.

— Ты прямо сразу жениться собираешься? — спросила я, задумчиво заглядывая в, мягко говоря, немаленький вырез его рубашки. — А хоть проверить для начала, подходим ли мы друг другу, не хочешь?

Впрочем, быстро выяснилось, что подходим.

Правильно ли я поступила тогда, приняв предложение Орвина? Как знать. Невозможно полноценно сравнить два пути, пройденный и не пройденный, ведь на любом жизненном перекрёстке мы выбираем только одну дорогу. В моём отношении к принцу не было всепоглощающей страсти, но со временем мы стали друг другу близкими людьми. Не менее, а, может, и более близкими, чем те, чьё знакомство начинается с душевных пожаров и отчаянно бьющихся сердец. Прошло семь лет, а в нашей семье так и не поселился холод. Но даже если бы вопрос оставался открытым, наши дети, девочка шести с половиной и мальчик четырёх, не оставляют сомнений в том, что этот брак был заключён не зря. Ещё рано судить, унаследовали ли они наши магические способности, и тем более неясно, сможет ли кто-то из них претендовать на престол (Этнее сейчас двадцать два, и она пока не торопится замуж, за что лично мне трудно её судить). Но они умны, упорны и независимы, что делает родительскую жизнь непростой, но позволяет надеяться: эти двое сумеют найти свою нишу в нашем сложном и не всегда благожелательном мире.

Эдбальд умер три года назад, и Этнея взошла на трон в весьма юном возрасте. Впрочем, она быстро учится, а неприятные события прошлого лишь закалили её, сделав сильнее. Мы с Орвином помогаем ей по мере сил.

Да, так случилось, что мир людей затянул меня значительно сильнее, чем я могла когда-то предположить. И, пожалуй, мне это нравится. Я немало времени провожу во дворце и давно втянулась в режим преподавания в Институте. Даже с профессором Джейкобом мы сумели найти общий язык, хотя по-прежнему переругиваемся время от времени. Но с новым деканом факультета стихий я почти не общаюсь, и по моему лицу всякий раз пробегают тень, когда я прохожу мимо дверей его кабинета.

Первозданного зеркала больше не существует, и третий уровень — вновь самый глубокий из доступных для человечества. Думаю, оно и к лучшему. Конечно, непредвиденные обстоятельства ещё не раз и не два потребуют магического вмешательства. Но мы здесь. И мы будем готовы. Во всяком случае, я на это надеюсь.